

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.

Международные отношения

2021

Том 21

Выпуск 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1819-4907 (Print)

ISSN 2542-1913 (Online)

Издаётся с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Артамонов Д. С.** Введение брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти 4
- Столяров О. Д.** Фигура Андрея Ивановича Остермана в русской исторической литературе 12
- Лёвин С. В.** Министр народного просвещения А. С. Норов в воспоминаниях и письмах русских профессоров середины XIX века 17
- Шустова А. М.** Вклад Ю. Н. Рериха в изучение истории тохар 22
- Джейранов С. Н.** Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) 29
- Власов А. В.** Методологические и источниковедческие проблемы изучения повседневной жизни сотрудников центрального аппарата Советской военной администрации в Германии 34

Всеобщая история и международные отношения

- Денисов С. А.** Местное ленное землевладение в Скаловии в 1280–1371 годах 40
- Гальямичев А. Н.** Томас Мюнцер в Чехии 48
- Ерохин В. Н.** Начальный этап идейного формирования пуританизма в ходе Реформации в Англии 52
- Гордиенко Д. О.** «Война на полуострове»: англо-французское противостояние на Пиренеях в ходе Второй Столетней войны (1689–1815) 60
- Кочетов Д. В.** Свой среди чужих, чужие среди своих: войска аскари, Амедео Гийе и становление современного эрित्रейского самосознания в контексте итальянского колониализма конца XIX – первой половины XX века 67
- Шур Е. А.** Публичная дипломатия США в Индии: наследие Обамы 72

Региональная история и краеведение

- Клеймёнова С. В.** «Я на Саратове в печалех своих обретаюсь...»: Павел (Паисий) Дубенский 79
- Мельников П. Ю.** Братские домохозяйства Саратовской губернии в конце XIX в.: историко-демографический анализ 84
- Ахметов А. А.** Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков 91
- Касович А. С.** Книжный репертуар типографий Саратовской губернии в 1918–1921 годах 97
- Чолахян В. А.** Промышленный потенциал Нижнего Поволжья накануне первой пятилетки 105
- Котельников В. А.** Социально-экономическая повседневность единоличных хозяйств Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов 111
- Яковлева Ж. В.** Конфессиональное многообразие Саратовского Поволжья 1930-х годов 116
- Герман А. А.** Население Республики Немцев Поволжья: жизнь и труд в июне–сентябре 1941 года (к 80-летию событий) 122
- Гуменюк А. А.** Состояние источниковой базы исследований повседневных практик населения Саратовской области во второй половине 1950 – середине 1980-х годов 129

Критика и библиография

Представляем книгу

- Киясов С. Е.** Британское Просвещение в лицах своего времени: взгляд из России XXI столетия 134

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.03.21.
Подписано в свет 31.03.21.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,04 (17,25).
Тираж 500 экз. Заказ 15-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблицы, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Artamonov D. S.** Historical memory of how Peter I introduced shaving and wearing «German» dresses 5
- Stolyarov O. D.** The figure of Andrey Ivanovich Osterman in Russian historical literature 12
- Lyovin S. V.** The minister for people's education A. S. Norov in the memoirs and letters of Russian professors of the mid-19th century 17
- Shustova A. M.** Yuri N. Roerich's contribution to the study of the Tocharians 22
- Jayrunov S. N.** Power and the Church during the period of collectivization in the Moscow region 29
- Vlasov A. V.** Methodological and source problems of studying the daily life of employees of the Central office of the Soviet military administration in Germany 34

World History and International Relations

- Denisov S. A.** Local fief system in Scalovia in 1280–1370 40
- Galyamichev A. N.** Thomas Munzer in the Bohemia 48
- Yerokhin V. N.** The initial stage of ideological formation of Puritanism in the course of Reformation in England 52
- Gordienko D. O.** «The Peninsular War»: The Anglo-French confrontation in the Pyrenees during the Second Hundred Years' War (1689–1815) 60
- Kochetov D. V.** A friend among foes, a foe among friends: Ascari, Amedeo Guillet and the formation of Eritrean identity in the context of Italian colonialism in the late nineteenth and the first half of the twentieth centuries 67
- Shur E. A.** US public diplomacy in India: Obama's legacy 72

Regional History and Local Studies

- Kleymenova S. V.** «I find myself in Saratov in my sorrows...»: Pavel (Paisiy) Dubenskiy 79
- Melnikov P. Yu.** Fraternal households of the Saratov province at the end of the XIX century: Historical and demographic analysis 84
- Akhmetov A. A.** Saratov citizens' attitude towards prostitution as a form of deviant behavior at the turn of XIX–XX centuries 91
- Kasovich A. S.** Book repertoire of printing houses of the Saratov province in 1918–1921 97
- Cholakhian V. A.** Industrial potential of the Lower Volga region on the eve of the first five-year plan 105
- Kotelnikov V. A.** Socio-economic everyday life of individual farms in the Saratov Volga region in the first half of the 1930s 111
- Yakovleva Zh. V.** Confessional diversity of the Saratov Volga region of the 1930s 116
- German A. A.** Population of the Volga German Republic: Life and labour in June–September 1941 (for the 80th anniversary of the events) 122
- Gumenyuk A. A.** The state of the source base of researches of the daily practices of the population of the Saratov region in the second half of the 1950s – mid 1980s 129

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Kiyasov S. E.** British Enlightenment in the faces of their time: View from Russia of the 21st century 134

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник

(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

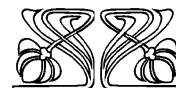
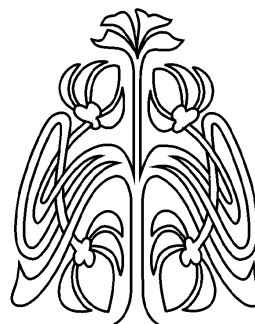
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

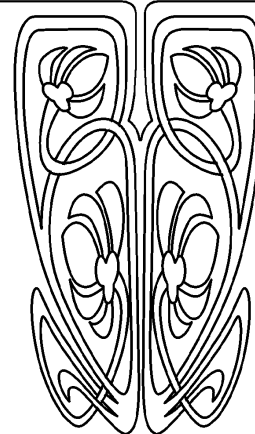
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–11
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–11

Научная статья
УДК 94(47).05
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

Введение брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти

Д. С. Артамонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Аннотация. Статья посвящена отражению введения брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти. Эта мера, направленная на преодоление религиозных предрассудков и насаждение европейского образа жизни, стала восприниматься в культурной памяти послепетровской эпохи как метафора перерождения России и окончательно закрепились в российской культуре в качестве образа «европеизации». В последующем, соединившись с пушкинской метафорой «в Европу прорубить окно», возник образ Петра I, рубящего бороды топором. Переродившись в миф, этот образ стал определять рамки формирования представлений о Петре I и его эпохе в исторической памяти современного общества.
Ключевые слова: Петр I, историческая память, метафора, брадобритие, европеизация, исторический миф, образы прошлого

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде» № 20-09-42063)

Для цитирования: Артамонов Д. С. Введение брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

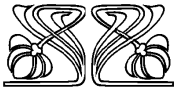
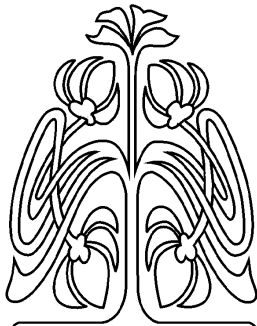
Historical memory of how Peter I introduced shaving and wearing «German» dresses

Denis S. Artamonov, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

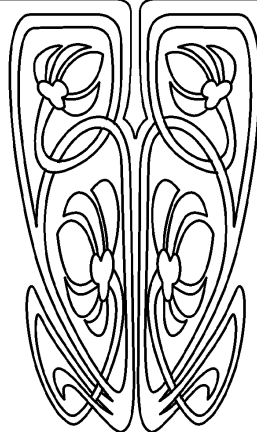
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article is devoted to the reflection in historical memory of the introduction of shaving and wearing «German» dresses by Peter I. This measure was aimed at overcoming religious prejudices and instilling a European way of life. It is fixed in the cultural memory of the post-Petrine era as a metaphor for the rebirth of Russia and the image of «Europeanization». Historians, publicists, and writers in their writings combined it with the metaphor «window to Europe» and constructed the image of Peter I, who cuts beards with an axe. Thus one of the myths about Peter I and his era arose. Today this view defines the historical memory of him in modern society.

Keywords: Peter I, historical memory, metaphor, memory studies, shaving, Europeanization, historical myth, images of the past

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research (project «Peter I in the historical memory of modern Russia: representation of the image in the digital media» No. 20-09-42063)

For citation: Artamonov D. S. Historical memory of how Peter I introduced shaving and wearing «German» dresses. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Насильственное сбривание бород Петром I стало одним из важнейших символов его эпохи. Этот исторический курьез наряду с законодательным введением ношения «немецкого» платья не раз привлекал внимание историков и стал частью коллективной памяти. Каким образом те или иные события становятся частью коллективного сознания, изучается в рамках исследовательского направления *memory studies*. М. Хальбвакс, характеризуя коллективную память в качестве социального феномена, подчеркивал ее избирательность¹. Я. Ассман, выделяя два вида коллективной памяти – коммуникативную и культурную, под последней понимал особую символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов. По его мнению, культурная память, передаваясь из поколения в поколение, сохраняет лишь наиболее значимое прошлое, представляющее собой мифологизированную историю. Трансформация истории в миф не делает ее нереальной, напротив – «только так она становится реальностью в смысле постоянной нормативной и формирующей силы»².

Как указал Ю. М. Лотман, естественным переводом мифа в привычные формы нашего сознания является метафора³. Мифологический текст, переведенный в категорию немифологического сознания, порождает метафорические конструкции, с помощью которых осуществляется репрезентация исторической реальности в памяти культуры. Механизмами культурной памяти, по его мнению, фиксируются исключительные события, эксцессы, случаи и происшествия⁴, которые приобретают форму метафоры и сохраняются в пространстве культуры.

Метафоричность описания прошлого характерна не только для коллективной памяти, но и исторического знания. Ф. Анкерсмит подчеркивал, что в исторической работе метафорическое измерение всегда более сильно, чем буквальное или фактографическое. Историк, описывая прошлое, использует метафору как «наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека»⁵. Метафора позволяет сделать прошлое узнаваемым и актуализировать его в памяти.

Концептуально история и память противостоят друг другу. Я. Ассман считал, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей»⁶, а П. Нора отмечал, что «память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее»⁷. Однако следует признать, что историческое

знание выполняет роль каркаса исторического сознания и массовых представлений о прошлом. Исторические исследования определенным образом влияют на конструирование исторической памяти, становясь неотъемлемой ее частью. Применение историками метафор при описании прошлого облегчает восприятие их трудов обществом и обеспечивает внедрение исторического знания в массовое сознание. Метафора воспринимается как символ, отсылающий к определенному мифу, через который объясняется действительность и историческое прошлое.

Петровская эпоха – один из самых мифологизированных периодов российской истории. Как верно отметила Л. П. Репина, «мифические структуры в закодированной форме регистрируют реальные события или кардинальные перемены в жизни общности»⁸. Мифологический канон осмысления эпохи Петра I сложился чрезвычайно быстро и стал определяющим не только для последующих поколений, но и для историков, использующих его как средство кодирования описываемых событий. Этим каноном стал миф о полном и совершенном перерождении страны, сотворении «новой» России магической силой царя-демиурга⁹. Введение бородбрития и «немецкого» костюма стало неотъемлемым элементом этого процесса мифотворчества, в последующем превратившись в самостоятельный исторический миф.

Для характеристики исторического мифа можно воспользоваться определением Л. П. Репиной, которая понимала под ним «представления о прошлом, воспринимаемые в данном социуме как достоверные «воспоминания» (как «история»), составляющие значимую часть картины мира и играющие важную роль как в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей»¹⁰. В этой связи насильственное бритье бород Петром I своим подданным и переодевание их в одежду заграничного фасона можно рассматривать как миф, в котором реальный исторический факт выступает символом вестернизации России, метафорически описывая сложный процесс приобщения страны к европейской культуре.

История введения бородбрития и «немецкого» костюма хорошо прослеживается по историческим источникам, неоднократно привлекая внимание исследователей. Наступление на бороду и русское платье Петр I повел сразу, как только вернулся из-за границы, спешно завершив свое участие в миссии «Великое посольство», после получения известия о стрелецком бунте в Москве.

Согласно дневнику И. Г. Корба, секретаря австрийского посла, 26 августа 1698 г. Петр I в своей резиденции в с. Преображенском принимал бояр, поспешивших поздравить его с возвращением из заграничной поездки и засвидетельствовать свою верность. Дневник Корба запечатлел противоречивую картину, на которой Петр I благосклонно поднимал павших ниц бояр, целовал их «как своих близких друзей», но в то же время говорил им, имея в виду польского короля Августа II: «Все вы вместе и каждый из вас отдельно ... для меня не стоите его одного...», а главное все присутствовавшие бояре, кроме кн. М. А. Черкасского и Т. Н. Стрешнева, были лишены своих бород. Царь собственноручно, «ножницами, без разбору свирепствовавшими против бород присутствующих», внес существенные изменения во внешний вид оторопевших и не смевших перечить сановников. Бояре, чувствуя свою ответственность и вину за то, что допустили восстание стрельцов, не сопротивлялись и были рады легко отделаться, пожертвовав только бородами. Однако для Петра I акт бритья имел символическое значение приобщения к европейской культуре и уничтожения старинного уклада. Это своеобразно зафиксировал в дневнике И. Г. Корб, записав свое впечатление, которое, скорее всего, воспроизводит слова Петра I, объяснившего боярам значение происходившего: «Всем прочим пришлось перейти к обычаю иноземных народов, причем ножницы уничтожали у них древнее обихование»¹¹. Экзекуция повторилась 1 сентября на праздновании Нового года в доме боярина А. С. Шеина, правда, в роли брадобрее выступил на этот раз царский шут, но под строгим надзором Петра I, не позволявшего никому спасти свою бороду¹².

В дальнейшем Петр I неоднократно брался за ножницы, чтобы привести внешний вид своих знатных подданных в соответствие с введенными им стандартами. 22 февраля 1699 г. на одном из пиршеств он обрезал у некоторых своих офицеров слишком широкие рукава «немецких» новых платьев¹³, а 7 октября 1701 г., будучи в Великом Новгороде, на Иверском подворье «изволил кушать на именинах у Сергея Лапшинского», где стриг бороды гостям¹⁴. 4 декабря 1702 г. в с. Никольском, разгневавшись на Т. Н. Стрешнева, собственноручно лишил его бороды, несмотря на то, что пощадил его в первый раз¹⁵. В декабре 1704 г. на смотре служилых людей в с. Преображенском приказал бить батогами Ивана Данилова «несладно за то, что у него борода и усы не выбриты. И после смотрю им, воеводам, была сказка, чтоб у них впредь бород и усов не было, а у кого будет, и тем будет гнев»¹⁶.

В последующем обрезание бороды превратилось в шуточную ритуальную практику петровских маскарадов. Ф.-В. Берхгольц описал в своем дневнике один из таких маскарадов, проведенный 4 февраля 1722 г., где Петр I, «насмехаясь тем над старыми русскими, которые прежде так

щеголяли своими бородами», резал бороду «Нептуну», роль которого исполнял придворный шут, предварительно приказав придворным привязать к ней золотые червонцы¹⁷. В этом шутовском обряде нельзя не увидеть отражение фискальной политики императора, когда борьба за европеизацию внешнего вида подданных стала иметь побочный эффект в виде пополнения государственной казны.

Первый указ Петра I от 4 января 1700 г., имеющий отношение к данной теме, касался только предписания определенным категориям населения носить «венгерские кафтаны» и не предполагал денежного штрафа за невыполнение предписания. Е. В. Анисимов¹⁸ и А. Т. Шашков¹⁹ предположили, что тогда же появился указ брить бороды. Однако исследование Е. В. Акельева убедительно доказывает, что указ о брадобрении появился только 16 января 1705 г., и до него подобных законодательных актов не было. Историк полагает, что Петр I понимал опасность законодательного введения брадобрения, так как его подданные не были готовы к такому шагу. Поэтому указу о бритье бород предшествовали указы о ношении «немецкого» платья, позволившие подготовить население к переменам²⁰. Уже второй указ от 30 декабря 1701 г., повелевавший следовать иностранной моде, предусматривал небольшой штраф за его нарушение, так же как и указ от 22 декабря 1704 г., почти дословно его повторивший. Указ же о бритье бород и усов 1705 г. предполагал возможность откупиться, заплатив огромную по тем временам пошлину. Сопротивление со стороны населения в условиях ведения Северной войны заставило Петра I уже в 1706 г. приостановить осуществление реформы внешнего облика подданных, но в 1713–1714 гг. указы были повторены вновь, а в 1722–1724 гг. было издано шесть подобных указов, насильственно вводивших запрет на ношение бороды и русского платья. Политика Петра I в этом направлении была продолжена и Екатериной I, и Елизаветой Петровной, в царствование которых действовало петровское законодательство. Только при Екатерине II закончилось преследование бородачей и любителей традиционного русского костюма с изданием указа от 14 декабря 1762 г. о возвращении старообрядцев на родину из Польши и других заграничных мест. 15 декабря 1763 г. была упразднена раскольническая контора²¹.

Насильственное введение брадобрения и ношения «немецкого» платья вызвало недовольство среди значительной части знати и простого народа. Они видели в этом покушение на православную веру, забвение традиций и были склонны рассматривать действия Петра I «душегубной хитростью Антихриста, воцарившегося в мире» в его лице²². Глубокое потрясение действиями правительства в отношении внешнего вида подданных, многочисленные факты сопротивления петровской политике введения европейской моды со стороны приверженцев старинного об-

раза жизни и одежды²³ не могли не отразиться на восприятии истории царствования Петра I и формировании представлений о его эпохе.

Большую роль в создании образа Петра I сыграли исторические анекдоты о нем, записанные уже в XVIII в.²⁴ Французский философ-просветитель Вольтер писал в своих «Анектодах о царе Петре Великом», что «укоротить полы платья и сбрить бороды своих подданных» было одним из самых трудных предприятий императора. «Именно это вызывало наибольший ропот», с которым справились «располагая у ворот городов портных и брадобреев», и вскоре «упорствующие», платившие налог, «предпочли потерять свою бороду, чем деньги». Для Вольтера преобразование внешнего вида подданных русского царя было преодолением варварства и он особо отметил в этом процессе роль женщин, которые «предпочитали бритые подбородки ... жили в обществе с мужчинами и целовали более благородные лица»²⁵.

Якоб фон Штелин в своих «Подлинных анекдотах» приводит рассказ о том, как сподвижник Петра I князь А. Д. Меншиков, желая угодить ему, уговорами и хитростью убедил «членов воронежского магистрата» сбрить бороды и переодеться в «немецкое» платье. Этот анекдот Я. Штелин приводит в доказательство того, что «одинаковое чувствование было у жителей всех отдаленных от столицы городов ... и того, насколько желал монарх их просвещения»²⁶.

В этом повествовании наряду с образами плутоватого А. Д. Меншикова, глупой и закостеневшей в своем невежестве знати провинциальных городов выведен образ Петра I как заботящегося о своих подданных царя, который радуется успехам приобщения россиян к европейской культуре, но несколько не стремится подвергать их насилию на этом пути.

Такой же образ содержится и в рассказах А. К. Нартова, которые также можно отнести к ряду исторических анекдотов. Он объяснял выдачу указов «сбрить бороды и носить платье короткое немецкое» желанием Петра I поставить Россию «на степень европейских народов, нравственных как просвещением наук и художеств, так обращением и одеждою». А. Нартов приписал Петру I слова, которые очень точно отражают представление о его политике европеизации, сложившееся в коммуникативной памяти россиян XVIII в. и сохранившееся до сегодняшнего дня. Эти слова царь якобы произнес перед «придворными боярами»: «Я желаю преобразить светских козлов ... чтоб они без бород походили в добре на европейцев. ... Ведь наши старики по невежеству думают, что без бороды не внидут в царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всех честных людей ... с бородами ли они, или без бород, с париками ли они, или плешивые, в длинном ли сарафане, или в коротком кафтане»²⁷. В приведенных словах постулируется основной мотив введения Петром I брадобрития и «немецкого» платья – это преодо-

ление религиозных предрассудков и насаждение европейского образа жизни.

Итоги данного преобразования были осмыслены М. М. Щербатовым, который рассматривал брадобритие в комплексе мер, приведших к распространению роскоши и «повреждению» нравов в России. Обозначив успехи реформ, их положительное влияние на развитие страны, он саркастически отметил, что россияне превратились «из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее, и позорищи благонравные известны им учинились», но привязанность к вере стала исчезать вовсе, твердость самодержавной власти уступила место лести, разврату и «сластолюбию», а это открыло дорогу «к разрушению законов», корыстолюбию и коррупции²⁸. Тем самым М. М. Щербатов одним из первых стал говорить о влиянии введения брадобрития и ношения «немецкого» платья на кардинальные изменения российской ментальности и культуры.

В публицистических сочинениях XIX в., оказавших наибольшее влияние на формирование исторической памяти о петровской эпохе, преобразование Петром I внешнего вида подданных не получило однозначной трактовки. Историки и публицисты в своих сочинениях не только отражали сложившиеся стереотипные представления, но и создавали новые образы восприятия деяний первого российского императора. Введение брадобрития и ношения «немецкого» платья стало для них метафорой перерождения России, произведенного насильственными действиями царя, взявшего за образец европейскую цивилизацию. Так, Н. М. Карамзин, относившийся к этой реформе двояко, в «Письмах русского путешественника» писал, что «Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях» и «объявил войну» старинным обыкновениям, которые «препятствовали введению других, еще важнейших и полезнейших иностранных новостей», так как надлежало «свернуть голову закоренелому русскому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать»²⁹. Однако в «Записке о древней и новой России» он убеждал, что «русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ», а Петр I, «искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные ... унижал россиян в собственном их сердце». Так как «многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды», он должен был «прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания» своих подданных, поэтому «пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного»³⁰.

Несмотря на различную трактовку в этих двух сочинениях необходимости вводить столь резкие перемены во внешнем облике россиян, в них неизменно присутствует мотив насилия, применяемого Петром I над своим народом.

В. Г. Белинский, избравший эпиграфом к своей статье «Россия до Петра Великого» слова

Н. М. Карамзина из «Писем русского путешественника», метафорично описывал роль именно «бороды» как препятствия просвещению: «Она торчала между книгою и глазами, и не давала читать». Публицист, убеждая своих возможных оппонентов, которые утверждали, что «дело в деле, а не в бороде», оправдывал насилие императора: «Но что ж делать, господа, если борода мешала делу – так вон же ее с корнем, если сама не хочет валиться!». Метафора «бритье бород» у Белинского – символ борьбы с отсталостью России и всех преобразований Петра I, который «бритьем бреет бороды и топором рубит невежество»³¹. Под «невежеством» публицист понимает «тысячи стрелецких голов», павших на Преображенском поле. Из дневника И. Корба известно, что царь непосредственно принимал участие в расследовании стрелецкого бунта и собственноручно казнил топором пятерых мятежников³². Это обстоятельство дало повод Белинскому в своем тексте объединить два орудия просвещения, избранные, по его мнению, Петром I для собственного народа, – бритву и топор. В его фразе также очень четко прослеживается связь с другой метафорой петровской европеизации, популяризованной А. С. Пушкиным в поэме «Медный всадник» – «в Европу прорубить окно».

В восприятии самого А. С. Пушкина петровские преобразования стали причиной того, что в России «связи древнего порядка вещей были прерваны на веки», а бритье бород и ношение иностранного платья усугубило социальный и культурный разрыв между простым народом и дворянством. В «Заметках по истории XVIII в.» он писал: «Народ, упорным постоянством удержав бороду и русскую кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр»³³, а в повести «Рославлев» вложил в уста главной героини Полины фразу, которую якобы произнесла мадам де Сталь, во время своего посещения России в 1812 г.: «Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову»³⁴. Для А. С. Пушкина борода и русское платье были признаком национального духа, в котором он не отказывал и Петру I, несмотря на то, что тот «сбрил себе бороду и надел голландское платье»³⁵.

Вслед за Пушкиным русское платье и бороду как знак «народного духа» стали воспринимать славянофилы. В одной из своих статей И. С. Аксаков утверждал, что борода – «образ и подобие русского народа в значении его духовной и нравственной исторической личности»³⁶. Отпустив бороду и надев армяки, славянофилы декларировали определенную мировоззренческую позицию, основанную на знании народной культуры. Как минимум дважды они сталкивались с неприятием их демонстративной приверженности национальной одежде и растительности на лице со стороны власти. В 1849 г. славянофилы сбрасывали бороды по настоянию Николая I, передавшего

свое повеление через приближенных, а в 1856 г. московский полицмейстер, полковник Замятнин, сославшись на высочайшее распоряжение императора Александра II, просил А. С. Хомякова и других сбрить бороду и не носить на публике русского платья. Оба случая воспринимались обществом в контексте культурно-исторических ассоциаций, связанных с насильственными действиями Петра I в отношении боярских бород³⁷. А. И. Кошелев с большой гордостью вспоминал, как ему удалось отстоять свою бороду, указав полицмейстеру, что его придется брать силою и «обрить в цирюльне»³⁸.

Образ цирюльни, битком набитой народом, где «один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили», в которую во время Петра I «превратилась Русь», встречается у Н. В. Гоголя в письме к М. П. Погодину еще в 1833 г. Писатель предлагает своему адресату вообразить картину преобразования бояр, когда «один бранит антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника»³⁹. Н. В. Гоголь, представляя реакцию бояр на действия Петра I в комедийном ключе, фиксирует отчетливо сложившееся восприятие его реформ в исторической памяти, как насилия, ведущего отсталую и неуклюжую Россию к просвещению, через приобщение к европейской культуре внешнего вида и поведения.

Введение брадобрития как метафору европеизации и просвещения использовали также историки, описывая петровские преобразования. Н. Г. Устрялов считал, что бритье бород было первым и самым трудным шагом «к перерождению России» и «чем упорнее берегли русские свою бороду, тем ненавистнее она была Петру, как символ закоснелых предрассудков, как вывеска спесивого невежества, как вечная преграда к дружелюбному сближению с иноземцами, к заимствованию у них полезного, и пылкий царь не хотел видеть бородачей вокруг себя»⁴⁰. С. М. Соловьев еще более выразительно предоставил, как Петр I «насильственным образом выводит бороды и русское платье», преодолевая ожесточение противников своих реформаторских замыслов: «Он готов к борьбе на жизнь и на смерть, он возбужден, он кипит, первый пойдет напролом, он бросится на знамя противников, вырвет и потопчет его: это знамя – борода, это знамя – старинное длинное платье»⁴¹. Для историка выбор платья был цивилизационным выбором России: «Русский народ, вступая на поприще европейской деятельности, естественно, должен был одеться и в европейское платье», ибо стоял вопрос о том, «к семье каких народов принадлежать, европейских или азиатских, и соответственно носить в одежде и знамение этой семьи»⁴². По мнению С. М. Шамина, «созданный Соловьевым яркий, художественный образ» способствовал формированию упрощенной схемы восприятия реформы внешнего вида

как одномоментного «резкого перехода от «азиатского и отсталого» традиционного русского платья к «прогрессивному» европейскому костюму по мановению руки Великого Петра»⁴³.

В. О. Ключевский описывал петровские преобразования почти в тех же выражениях, что и его предшественники, используя те же образы и метафоры. Как и Н. Г. Устрялов, он считал, что Петр I «хотел обрить и одеть своих подданных по-иноземному, чтобы облегчить им сближение с иноземцами», и вслед за С. М. Соловьевым писал, что противники реформ, «политические и церковные староверы» в своей борьбе «выставляли знаменем некоторые наружные особенности, отличавшие древнерусского человека от западного европейца, – бороду, покрой платья», ставшие символами протеста и признаками оппозиции. Для Петра Великого, по мнению историка, древнерусская борода была «не физической подробностью мужской физиономии, а выставкой политического настроения, знаком государственного бунтовщика наравне с длиннополым платьем». Именно поэтому Петр I, вернувшись в Москву из-за границы, «тотчас же принялся стричь бороды и резать длинные полы однорядок и фрезей у своих приближенных». В. О. Ключевский, следуя сложившемуся стереотипу, подчеркивал, что царь собственноручно обрезал бороды и платья, в то же время, отмечая «законодательный и полицейский шум», который «поднялся из-за этой перелицовки и перекостюмировки русских людей на иноземный фасон»⁴⁴.

В сочинениях Н. И. Костомарова встречается та же самая интерпретация семантики царского жеста – принуждение к новому через ломку старого, насилие, угроза. По его мнению, «бородобритие и перемена одежды с первого раза возбуждали ужас и показывали, что Петр не будет оказывать снисхождения обычаям древней русской жизни, принявшим религиозное значение»⁴⁵. Наряду с политической Костомаров вводит религиозную коннотацию восприятия запрета на ношение бороды и старинного русского платья, введенного Петром I. Такие меры, полагал историк, «сделали их принадлежностями мученичества»⁴⁶.

В XX в. огромное влияние на формирование исторической памяти оказывали художественная литература и кинематограф. В популярном историческом романе А. Н. Толстого «Петр Первый» царь сам не резал бороды даже в сцене приема бояр в Преображенском, вместо него это делали «два богопротивных карла» Томос и Сека овечьими ножницами. Создавая образ милостивого монарха, А. Н. Толстой изобразил картину, где, «приняв поклон, Петр иных поднимал и целовал, других похлопывал по плечу и каждому говорил весело: Ишь – бороду отрастил! Государь мой, в Европе над бородами смеются... Уж одолжи мне ее на радостях...»⁴⁷. Эта фраза дословно вошла в художественный фильм 1937 г. с одноименным роману названием режиссера В. М. Петрова, в

котором Петр I, встречая в Санкт-Петербурге приехавших из Москвы бояр, собственноручно обрезает одному из них ножницами его длинную бороду⁴⁸.

Обрезание бороды в этой картине демонстрирует приверженность Петра I европейской моде и одновременно конструирует образ доброго справедливого царя, но строгого к своим вельможам, проявляющим по отношению к ним свой необузданный нрав. Окончательно этот образ был закреплен в фильме 1976 г. «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», созданного по мотивам неоконченного произведения А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». Режиссер А. Н. Митта вкладывает в руки Петра I топор, которым он рубит бороду боярину посольского приказа Никишке Маслакову, провинившемуся тем, что не очень тщательно следил за обучением в Голландии морскому делу дворянских недорослей⁴⁹. Нужно отметить, что до этого фильма ни в одном из текстов или визуальных образов Петр I не пользовался топором для обрезания бород боярам, однако логика развития метафоры неизбежно привела к этому. Александр Митта сделал то же, что в свое время В. Г. Белинский, соединив реальную практику насильственного обрезания и бритья бород, факт собственноручной казни Петром I пятерых стрельцов и пушкинскую метафору «прорубания окна в Европу».

После этого образ Петра I, рубящего бороды топором, прочно закрепился в исторической памяти. Так, он почти в точности, как и в фильме А. Митты, воспроизведен в одной из серий сатирического альманаха «Нереальная история» в 2014 г.⁵⁰, транслировавшегося на телеканале STS проекта, в котором российская история преподносилась в формате коротких видеороликов, закрепляющих в массовом сознании основные исторические мифы. И если на картине «Петр I стрижет бороды боярам» художника Д. Белокина 1985 г., стремившегося к исторической точности изображения, царь изображен держащим боярина за шиворот и берущим ножницы из рук услужливого сподвижника⁵¹, то уже на рисунке 2018 г. А. Некрасова, распространенном в сети Интернет, Петр I рубит бороду топором хипстера⁵². Распространение субкультуры хипстеров, носящих бороды, актуализировало миф о петровском бородобритии. Это хорошо прослеживается по возникшей волне интернет-мемов на основе портретного изображения императора, созданного Полем Деларошем в 1838 г., с надписями от имени Петра I: «Я человек простой, вижу бороду, рублю с плеча» и «Я сбрил бороды, а чего добился ты?», а также мема «Петра на ваши бороды нет». Данные интернет-мемы, созданные пользователями социальных сетей, имеют массовое распространение в различных вариациях и оказывают огромное влияние на тиражирование образа русского царя, обрубавшего бороды боярам или в контексте современной культуры – хипстерам.

Кроме мемов, на массовое сознание большое влияние оказывают средства массовой информации и тематические интернет-сайты. В 2018 г. на многих из них появились популярные очерки, приуроченные в 320-летию возвращения Петра I из Великого посольства и началу его вестернизаторских реформ. Если в содержании этих статей передавалась в целом исторически верная информация, то заголовки в большей степени отражали мифологизированные представления о Петре I и его эпохе, в частности, о бородах говорилось, что царь их именно рубил. Вот примеры некоторых заголовков: «Бородатая революция. Как Петр Первый рубил окно в Европу и бороды боярам», «Зачем Петр I рубил бороды и как это аукнулось сегодня», «Почему Петр I велел рубить бороды боярам», «Петр I самолично рубил бороды» и др.

В период пандемии 2020 г. появилась новость, что «борода увеличивает в тысячу раз риск подхватить коронавирус COVID-19». Это стало поводом для создания фейкового информационного сообщения, согласно которому власти Москвы якобы обяжут сбрить бороды всех мужчин столицы. Само появление этого сообщения и комментарии на него пользователей социальных сетей однозначно указывают, что в их сознании актуализировался миф о насильственном бробритии, учиненным Петром I. «И это хорошая новость! Сразу прорубим окно в Европу», «Ну прям по стопам Петра Первого – любимца Путина»⁵³, – писали интернет-пользователи.

Введение бробритии и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти сохраняет свое значение метафоры европеизации и насильственного преобразования России. Образ русского царя-преобразователя в современном массовом сознании воспринимается именно через эту метафору, сформированную усилиями историков, публицистов, литераторов, художников. Использование метафоры привело к мифологизации исторических фактов, воплощением которой стало появление мифа о Петре I, рубящим бороды топором. Этот миф наряду с прорубанием «окна в Европу» и строительством флота стал определяющим для формирования представлений о петровской эпохе. «Топором Петр рубил бороды, головы, фрегаты, окно в Европу, дрова, наконец» – этот комментарий из социальных сетей – яркое тому подтверждение.

Примечания

- 1 См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 2 Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 54–55.
- 3 См.: Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2010. С. 535.
- 4 Там же. С. 364.
- 5 Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 85.
- 6 Ассман Я. Указ. соч. С. 81.
- 7 Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-Память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 20.
- 8 Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт / 2003. № 07. М.: Высшая школа экономики, 2003 / № 07. С. 22.
- 9 См.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 538.
- 10 Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 453.
- 11 Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. С. 79.
- 12 Там же. С. 81.
- 13 Там же. С. 127–128.
- 14 См.: Седов П. В. «В соборе и у владыки был в венгерском платье» (перемены в одежде новгородцев в конце XVII – начале XVIII в.) // Новгородика-2012. У истоков российской государственности: материалы IV Международной научной конференции: в 3 ч. Ч. 1. Великий Новгород, 2013. С. 236.
- 15 См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863: в 6 т. Т. 4, ч. II. С. 592–593.
- 16 Желябужский И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 347.
- 17 Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725: в 4 ч. Ч. 1, 2 // Нестрый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 325.
- 18 См.: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. С. 353–354.
- 19 См.: Шашков А. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России: в 7 вып. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1998. № 2. С. 301.
- 20 Akelev A. When Did Peter the Great Order Beards Shaved // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 4. P. 1107–1130. DOI: 10.15826/qr.2017.4.270
- 21 См.: Акельев Е. В., Трефилов Е. Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 172–173.
- 22 Михневич В. О. Исторические этюды русской жизни: в 3 т. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1882. Т. 2. С. 83.
- 23 См.: Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
- 24 См.: Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. Вып. 20. С. 19.

- ²⁵ *Вольтер*. Анекдоты о царе Петре Великом / пер. с фр., коммент. и вступ. ст. С. А. Мезина // *Историографический сборник*. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 150.
- ²⁶ *Штелин Я.* Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге. М. : Остеон-Групп, 2017. С. 217.
- ²⁷ *Нартов А. К.* Рассказы Нартова о Петре Великом / ред., вступ. ст. и прим. Л. Н. Майкова. СПб. : Тип. Акад. наук, 1891. С. 22.
- ²⁸ См.: О повреждении нравов в России (Записки князя М. М. Щербатова) // *Русская старина*. 1870. Т. 2, вып. 7–12. С. 37–38.
- ²⁹ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М. : Правда, 1988. С. 341.
- ³⁰ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 32–35.
- ³¹ *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Издательство АН СССР, 1954. Т. 5. С. 143, 148.
- ³² См.: *Корб И. Г.* Указ. соч. С. 91.
- ³³ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 8. С. 89.
- ³⁴ Там же. Т. 6. С. 135.
- ³⁵ Пушкин в русской философской критике : Конец XIX – первая половина XX в. М. : Книга, 1990. С. 140.
- ³⁶ *Аксаков И. С.* Наше знамя – русская народность. М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 100.
- ³⁷ См.: *Мазур Н. Н.* Дело о бороде. Из архива Хомякова : письмо о запрещении носить бороду и русское платье // *Новое литературное обозрение*. 1993. № 6. С. 132.
- ³⁸ *Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями.* Berlin : V. BERNH'S VERLAG, 1884. С. 89.
- ³⁹ *Гоголь Н. В.* Переписка : в 2 т. М. : Художественная литература, 1988. Т. 1. С. 341.
- ⁴⁰ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 192–195.
- ⁴¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 6 кн. Кн. 3, т. XI–XV. СПб. : Товарищество «Общественная польза», 1895–1896. С. 1188–1189.
- ⁴² Там же. С. 13–74.
- ⁴³ *Шамин С. М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2005. № 1 (19). С. 38.
- ⁴⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 4. С. 199–200.
- ⁴⁵ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Эксмо, 2014. С. 418.
- ⁴⁶ *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования : в 2 кн. М. : Книга, 1990. Кн. 2. С. 131.
- ⁴⁷ *Толстой А. Н.* Петр Первый. Кишинев : Картя молдовеня СКЭ, 1970. С. 275.
- ⁴⁸ См.: Петр Первый (1937 г., реж. Владимир Петров) // *Ruskino.ru* : [сайт]. URL: <https://ruskino.ru/mov/1375/gallery> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁴⁹ См.: Сказ про то, как царь Петр арапа женил // *Word.ru*. Тексты фильмов : [сайт]. URL: <http://www.vvord.ru/tekst-filma/Skaz-pro-to--kak-carj-Pyotr-arapa-zhenil/2> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵⁰ См.: Нереальная история – ПЕТР I – Бороды долой! // *YouTube* : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Zq4R2tmqoyE> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵¹ См.: Историческая картина // *Дмитрий Белокин* : [сайт]. URL: <http://www.belukin.ru/statique/8/> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵² См.: Художник решил судиться с шоколадной фабрикой из-за рисунка на фантике // *НТВ* : [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1972378/> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵³ См.: Власти Москвы обяжут сбрить бороды всех мужчин столицы // *ИА «Панорама»* : [сайт]. URL <https://panorama.pub/37717-sbrit-borody.html> (дата обращения: 03.06.2020).

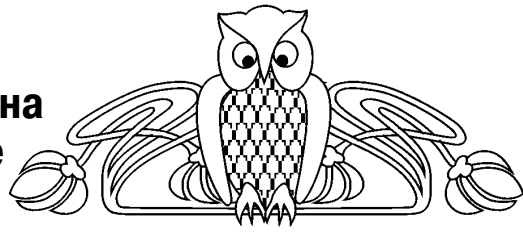
Поступила в редакцию 19.06.2020, после рецензирования 29.06.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 19.06.2020, revised 29.06.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 12–16
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 12–16

Научная статья
УДК 94(47).05.94(47).06
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-12-16>

Фигура Андрея Ивановича Остермана в русской исторической литературе

О. Д. Столяров

Самарский государственный медицинский университет, 443099, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89

Столяров Олег Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук, belomor2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

Аннотация. В статье предпринята попытка дать общий обзор существующих в отечественной историографии точек зрения по поводу личности и государственной деятельности А. И. Остермана. Сформулирован вывод, согласно которому важную роль в формировании представления об Остермане сыграла политическая пропаганда периода царствования Елизаветы Петровны, в результате чего в русской исторической литературе на всех этапах ее развития существовала тенденция видеть в этом политическом деятеле исключительно интригана и авантюриста. Наибольшая тенденциозность характеристик Остермана имеет место при изучении периода царствования Анны Иоанновны. Констатируется, что деятельность Остермана изучена в русской историографии неравномерно, в частности, недостаточно исследована его роль во внутривнутриполитических мероприятиях.

Ключевые слова: А. И. Остерман, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, «немецкая партия», российская историография

Для цитирования: Столяров О. Д. Фигура Андрея Ивановича Остермана в русской исторической литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 12–16. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-12-16>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-12-16>

The figure of Andrey Ivanovich Osterman in Russian historical literature

Oleg D. Stolyarov, belomor2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7806-3528>

Samara State Medical University, 89 Shapaevskaya St., Samara 443099, Russia

Abstract. The article attempts to give a general overview of the existing points of view in Russian historiography about the personality and state activity of A. I. Osterman. It is concluded that an important role in forming the idea of Osterman was played by political propaganda during the reign of Elizabeth. As a result, in Russian historical literature at all stages of its development, there was a tendency to see this political figure exclusively as an intriguer and adventurer. The greatest tendentiousness of Osterman's characteristics takes place when studying the period of Anna Ioannovna's reign. It is also concluded that Osterman's activity has been studied unevenly in Russian historiography. In particular, its role in domestic political events has not been sufficiently studied.

Keywords: A. I. Osterman, Anna Ioannovna, Elizaveta Petrovna, «German party», Russian historiography

For citation: Stolyarov O. D. The figure of Andrey Ivanovich Osterman in Russian historical literature. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 12–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-12-16>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Для исследователей, изучающих российскую историю первой половины и середины XVIII в., личность Андрея Ивановича (Генриха Иоганна) Остермана представляет значительный интерес в силу, по меньшей мере, двух причин. С одной стороны, с этим государственным деятелем связан ряд крупных внутри- и особенно внешнеполитических решений соответствующего периода, а также важнейшие акты борьбы за власть при дворе и в верхушке государственного

аппарата. С другой стороны, административная и политическая карьера Остермана, прослужившего в России около 35 лет и достигшего самых высоких ступеней бюрократической лестницы, может дать богатый материал для исследования тех путей и способов, при помощи которых перешедшие на русскую службу иноземцы становились представителями правящей элиты Российского государства, того положения, которое они там занимали, и т. д.

На настоящий момент не существует монографических исследований, которые охватывали бы весь жизненный путь и даже всю государственную деятельность Остермана, если не считать книги Н. И. Павленко «Граф Остерман»¹, где затронута большая часть проблем, связанных с политической деятельностью и карьерой Андрея Ивановича. Имеются и другие работы, посвященные как определенным аспектам деятельности Остермана, так и его биографии в целом в общих ее чертах. Наконец, нельзя не отметить, что проблемы, о которых идет речь, так или иначе затрагиваются в большинстве работ, касающихся российской внешней и внутренней политики первой половины и середины XVIII в.

Исходной точкой для формирования различных мнений в историографии о государственной деятельности Остермана и его личности стала политическая пропаганда периода царствования Елизаветы Петровны, которая выдвинула лозунг борьбы с иностранным засильем и главными его виновниками провозгласила Остермана и Миниха². В силу этого, а также того обстоятельства, что данная идеологическая установка сохраняла силу на протяжении весьма длительного времени, сформировалась своего рода традиция, в рамках которой Андрей Иванович рассматривался как беспринципный авантюрист и коварный интриган. Характерен тот факт, что авторы, дающие такой портрет Остермана, особенно акцентируют внимание на том, что он был иноземцем.

С другой стороны, в исторической литературе довольно рано проявилась другая тенденция, в рамках которой Остерман являлся прежде всего крупным политическим деятелем, имевшим ряд выдающихся заслуг перед Российским государством, в первую очередь в области дипломатической деятельности.

Наконец, надо заметить, что во многих случаях оценка теми или иными авторами личности и исторической роли Андрея Ивановича зависит от периода его политической биографии, о котором идет речь. Наиболее тенденциозные суждения обыкновенно имеют место в случаях, когда рассматривается эпоха Анны Иоанновны, часто трактуемая как период бироновщины и иностранного засилья, тогда как при рассмотрении времени царствования Петра I и последующего пятилетнего периода даются, как правило, более взвешенные оценки. Более того, авторы, которые наряду с аннинской эпохой исследуют и предшествовавший период, как правило, склонны к нейтральным или положительным оценкам политической роли влиятельных иноземцев (включая и Остермана) в 1730-е гг., нежели те, которые ограничиваются рассмотрением исключительно периода «бироновщины».

Так, уже М. М. Щербатов писал о том, что Остерман во время аннинского царствования являлся одним из советников Бирона, отмечая при этом такие достоинства Андрея Ивановича,

как трудолюбие и скромность³. Согласно мнению Н. Г. Устрялова аннинское царствование распадается на два периода и в течение первого из них, длившегося с 1730 по 1734 г., ключевую роль играли крупные государственные деятели предшествовавшего периода, главным образом Остерман. В дальнейшем преобладающим стало влияние Бирона и именно с этим обстоятельством Устрялов связывал мрачные стороны царствования Анны Иоанновны⁴.

К. И. Арсеньев, рассматривая роль Остермана в царствование Петра II, полагал, что в первые месяцы этого периода Андрей Иванович был наряду с Меншиковым крупнейшей политической фигурой и этот факт обусловил их противостояние. После же падения Александра Даниловича Остерман, согласно мнению автора, становится единственной ключевой фигурой в государственном управлении⁵.

С. М. Соловьев придерживался мнения, согласно которому в период правления Екатерины I Остерман являлся ключевой фигурой в области внешнеполитической деятельности и обладал значительным влиянием на российскую внутреннюю политику. При этом Соловьев, говоря о второй половине 1720-х гг., уделял внимание и деятельности Андрея Ивановича на посту воспитателя наследника престола, полагая, что после воцарения Петра II Остерман стал одной из главных политических фигур российской политической верхушки, соперничая сначала с Меншиковым, а затем с Долгоруковыми⁶. Касаясь же царствования Анны Иоанновны, Соловьев писал об Андрее Ивановиче как об одном из помощников Бирона⁷.

Однако многие дореволюционные исследователи считали, что роль Остермана в аннинское правление, особенно в начальный его период, была более значимой. В частности, В. В. Андреев отмечал, что Анна пришла к самодержавной власти в результате заговора, возглавляемого Андреем Ивановичем⁸. Д. А. Корсаков придерживался этой же точки зрения, делая особый акцент на том, что Остерман являлся главой «немецкой партии»⁹. Е. П. Карнович, разделяя данные позиции, дополнял их, утверждая, что в царствование Анны Иоанновны ключевой фигурой был именно Остерман, а не Бирон¹⁰.

А. Л. Кочубинский, анализируя события, связанные с русско-турецкой войной 1735–1739 гг., пришел к выводу о том, что, хотя основная ответственность за неудачи ложится на Миниха, именно Остерман был тем деятелем, который более остальных оказывал влияние на внешнюю политику Российской империи в 1730-е гг. Впрочем, по мнению автора, как раз во второй половине аннинского царствования это влияние значительно ослабло, что не уменьшает ответственности Андрея Ивановича за неудачное ведение переговоров на Немировском конгрессе¹¹.

Российской историографией второй половины XIX в. была также затронута проблема

личности Остермана как частного лица. П. П. Каратыгин, исследуя этот вопрос на материале семейных отношений Андрея Ивановича, пришел к выводу о том, что ему были свойственны не только лицемерие и неряшливость, которые отмечали современники, но и щедрость, доброта в отношении своих домочадцев¹².

В ранней советской историографии фигуре Остермана уделялось гораздо меньше внимания, нежели в предшествующий период, и оценки, дававшиеся этому государственному деятелю, были в основном тенденциозными. М. Семин, к примеру, отказывал Андрею Ивановичу в серьезных деловых качествах и утверждал, что он сумел добиться высокого положения и длительное время удерживаться у власти исключительно благодаря «хитрости, лести и способности приспособляться к любой обстановке»¹³.

Однако имели место и другие точки зрения. Так, Я. В. Зутис считал, что Остерман в ряде случаев действовал, исходя из государственных интересов и вопреки своим собственным. В частности, он был противником привилегий остзейского дворянства, защитником которых являлся К. Левенвольде¹⁴.

Во многих работах последующего периода авторы, воздерживаясь от общей характеристики деятельности Остермана, давали довольно высокие оценки его работе в том или ином конкретном случае.

В историографии последних десятилетий в отношении фигуры Остермана представлены все тенденции, оформившиеся в предыдущие периоды. Так, Н. И. Павленко характеризовал Андрея Ивановича следующим образом: «Этот делец и карьерист, человек с безграничным честолюбием был хорош в качестве исполнителя чужой воли. Он отличался немецкой педантичностью и исключительной работоспособностью. Интриги возвели чиновника на вершину правительственной пирамиды, где ему надлежало нести непосильную ношу генератора идей и разработчика планов их реализации. Остерман предстает не государственным мужем, а чиновником. Это, однако, не мешало ему возглавлять правительство 14 лет – со времени опалы Меншикова в 1727 г. до своего падения в 1741 г., т. е. в течение трех царствований»¹⁵. В одной из своих работ Павленко даже предложил называть период царствования Анны Иоанновны не бироновщиной, а остермановщиной, так как Бирон, по мнению исследователя, был лишь «марионеткой в руках Остермана»¹⁶.

Особый интерес представляет статья Е. В. Анисимова «Генрих Остерман, или Мнимый больной», посвященная жизни и политической карьере Андрея Ивановича в целом. На примере этой работы можно увидеть, как оба вышеназванных подхода могут сочетаться у одного исследователя. В данной статье Остерман предстает не политиком, а политическим авантюристом, и особый акцент делается на его немецком про-

исхождении (недаром в названии он именуется Генрихом, а не Андреем Ивановичем, в то время как в других работах Анисимов использует, как правило, русифицированный вариант). Вся карьера Остермана, начиная с происхождения в Йене, в результате которого вестфальский студент попал на русскую службу, рассматривается под углом зрения его продвижения по служебной лестнице при помощи придворных интриг. Пиком этой карьеры стали не 1730-е гг., а период регентства Анны Леопольдовны, при которой Остерман, согласно мнению Анисимова, был фактическим руководителем государства¹⁷.

В других своих работах, посвященных не общему обзору жизни и государственной деятельности Андрея Ивановича, а тем или иным проблемам внешней и внутренней политики России послепетровского периода, Анисимов иначе смотрит на Остермана, признавая за ним серьезные заслуги, особенно на дипломатическом поприще¹⁸. Очевидно, здесь проявляется зависимость оценок того или иного политического деятеля, традиционно связываемого с представлениями об «иностранным засилье» в аннинское царствование, от угла зрения, под которым проводится исследование.

В современной историографии существуют и другие краткие биографические очерки, посвященные Остерману, и наибольший интерес среди них вызывают работы И. Ф. Вагнера и Л. А. Маркиной.

У Вагнера Остерман предстает одним из крупнейших российских государственных деятелей XVIII в. Исследователь характеризует его как «просвещенного, рационально мыслящего и действующего политика, для которого существует один приоритет – государственные интересы»¹⁹. Согласно мнению Вагнера Остерман был продолжателем дела Петра I, осуществлявшим преобразования в том же направлении, что и царь-реформатор, но при помощи более гибкой политики и менее быстрыми темпами. Стремление Андрея Ивановича считаться с интересами различных слоев населения распространялось даже на крестьян, условия жизни которых он стремился улучшить²⁰.

Не менее весомыми, по мнению автора, были заслуги Остермана в области внешней политики, поскольку его система союзов «представляет собой его самое оригинальное и важное достижение в области внешней политики и на многие годы остается главнейшей константой европейской политики». В этой связи Вагнер полагает, что Остерман «несмотря на все противодействие боярства, на всю вражду и непостоянство придворных союзов... сохранил реформы Петра Великого и спас для будущего России идеи Просвещения и Прогресса»²¹.

Комментируя вестфальское происхождение Остермана, Вагнер характеризовал его как «странника среди миров, и немца, и русского... немца,

мысли и чувства которого, возможно, были все еще мыслями и чувствами немца, но жизнь и поступки были жизнью и поступками русского и служили России»²².

Маркина смотрит на деятельность Остермана под схожим углом зрения, хотя и без восторженных оценок Вагнера, полагая, что за Андреем Ивановичем несправедливо закрепилась репутация «великого интригана и лицемерного политика»²³.

Из исследований последних двух десятилетий наибольшее внимание при изучении государственной деятельности Остермана привлекают работы А. Б. Каменского, Н. Н. Петрухинцева и И. В. Курукина.

Н. Н. Петрухинцев считает Остермана одним из виднейших представителей «немецкой партии», влияние которого сказывалось как в области внутренней и внешней политики, так и в сфере борьбы за власть, где, впрочем, у Андрея Ивановича имелись весьма серьезные конкуренты – Э. И. Бирон, К. Г. Левенвольде и Б. Х. Миних²⁴. Исследователь в основном положительно оценивает государственную деятельность Остермана, особенно проведенные по его инициативе административные преобразования, которые, как считает Петрухинцев, способствовали рационализации управления и во многом предвосхищали соответствующие реформы Екатерины II и Александра I²⁵. Такая позиция исследователя связана во многом с тем, что он не отождествляет господство «немецкой партии», которое, по его мнению, имело место на протяжении большей части правления Анны, с «иностранным засильем». Положение вещей, при котором ключевую роль в государственном управлении играла группа иностранцев, более или менее тесно связанных друг с другом, Петрухинцев, избегая предвзятых оценок, рассматривает лишь как один из возможных в тот период вариантов расстановки сил.

А. Б. Каменский, отрицая существование в 1720–30-е гг. «немецкой партии», полагает, что Остерман наряду с Меншиковым, Долгорукими и Бироном, которые были его соперниками, являлся одним из наиболее влиятельных государственных деятелей указанного периода²⁶. В том же ключе данную проблему трактует И. В. Курукин²⁷.

Таким образом, можно констатировать, что фигура Остермана вызывала в российской историографии почти на всех этапах ее развития споры, в рамках которых высказывались не только различные, но и кардинально противоположные точки зрения. Сутью этих разногласий был и остается вопрос о том, кем являлся Андрей Иванович – крупным и серьезным государственным деятелем или политическим авантюристом. Вторая точка зрения тесно связана с традиционными представлениями об «иностранным засильем» в царствование Анны Иоанновны и, следовательно, превалирует при изучении деятельности Остермана в 1730-е гг., а иногда и при комплексном рассмотрении всей политической карьеры этого государственного

деятеля. Последняя особенность связана с тем, что в подобного рода исследованиях акценты в той или иной мере неизбежно смещаются, и речь идет не только о роли Андрея Ивановича в тех или иных внутри- и внешнеполитических мероприятиях, но и о его участии в борьбе за власть. Иными словами, разные, а иногда одни и те же авторы дают нейтральные или положительные оценки, когда дело касается Остермана как высокопоставленного государственного чиновника, и отрицательно оценивают его роль как субъекта политической и придворной борьбы. Особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что различным образом трактуется факт иностранного происхождения Андрея Ивановича. Исследователи либо оставляют его без внимания, а иногда пишут о нем как об обрусевшем иноземце, либо заключают, что он на протяжении всего российского периода своей жизни оставался человеком, чуждым государственным интересам страны, в которой служил.

В современной историографии представление об «иностранным засильем», которое якобы имело место в 1730-е гг., а отчасти в предыдущий и последующий периоды, находит со стороны исследователей намного меньше поддержки, чем в дореволюционной и советской исторической литературе, что не могло не сказаться на трактовке фигуры Остермана. Очевидно, именно по этой причине оценки, даваемые этому государственному деятелю в последние десятилетия, более связаны с анализом его роли в тех или иных политических мероприятиях, нежели с более или менее тенденциозными представлениями о царствовании Анны Иоанновны в целом. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы традиция, начавшая формироваться при Елизавете Петровне, вовсе не довлела над современными исследователями, что проявляется, в частности, в том, что некоторые из них, полемизируя со сторонниками концепции «иностранным засильем», склонны явно преувеличивать как масштабы государственной деятельности Остермана, так и его заслуги.

Кроме того, нельзя не заметить, что сюжеты, связанные с государственной деятельностью Андрея Ивановича, изучены весьма неравномерно. Наибольшее число работ касается тех же 1730-х гг., что отчасти объясняется тем, что в данный период Остерман являлся одной из ключевых фигур российского правительства. Во второй половине 1720-х и начале 1740-х гг. его положение в целом было таким же, однако деятельность Андрея Ивановича в указанные периоды изучена в намного меньшей степени, не говоря уже о времени правления Петра I.

Наконец, в разной степени изучены различные области деятельности Остермана. Наибольшее число исследований касается его дипломатической работы, а также роли в борьбе за власть при российском дворе, тогда как сюжеты, связанные с участием Андрея Ивановича во внутриполитических мероприятиях, разработаны недостаточно.

Примечания

- ¹ Павленко Н. И. Граф Остерман. М. : РГ–Пресс, 2018. 192 с.
- ² О вступлении на престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую корону // Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. I изд. СПб., 1830. Т. 11, № 8476 ; Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности : в 5 т. М., 1859. Т. 2. С. 9.
- ³ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М. : Наука, 1983. С. 257.
- ⁴ Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб. : Типография Императорской Российской Академии, 1839. С. 240.
- ⁵ Арсеньев К. И. Царствование Петра II. СПб. : Типография Императорской Российской Академии, 1839. С. 96.
- ⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : АСТ, Фолио, 2002. Кн. 10, т. 19. С. 219.
- ⁷ Там же. Кн. 10, т. 20. С. 405.
- ⁸ Андреев В. В. Представители власти в России после Петра I. СПб. : Типография М. Хана, 1870. С. 73.
- ⁹ Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань : Типография Императорского Университета, 1880. С. 301–302.
- ¹⁰ Карнович Е. П. Значение бироновщины в русской истории // Отечественные записки. 1873. № 10. С. 565.
- ¹¹ Кочубинский А. Л. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Одесса : Типография штаба Одесского военного округа, 1899. С. 203.
- ¹² Каратыгин П. П. Семейные отношения графа Остермана // Исторический вестник. 1884. № 9. С. 613.
- ¹³ Семин М. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 28.
- ¹⁴ Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 187.
- ¹⁵ Павленко Н. И., Андреев И. Л., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История России с древнейших времен до 1861 года. М. : Высшее образование, 2009. С. 673.
- ¹⁶ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М. : Мысль, 1988. С. 194.
- ¹⁷ Анисимов Е. В. Дворцовые тайны. СПб. : Питер, 2006. С. 183.
- ¹⁸ Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб. : Лениздат, 1994. С. 292.
- ¹⁹ Вагнер И. Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров // Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время. Каталог выставки. М. : ГИМ, 2000. С. 25.
- ²⁰ Там же. С. 20.
- ²¹ Там же. С. 21.
- ²² Там же. С. 25.
- ²³ Маркина Л. А. Граф А. И. Остерман : штрихи к иконографии // Немцы в России. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 171.
- ²⁴ Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны : формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2001.
- ²⁵ Там же. С. 261.
- ²⁶ Каменский А. Б. Россия в XVIII в. М. : АСТ, 2006.
- ²⁷ Курукин И. В. Анна Иоанновна. М. : Молодая гвардия, 2014.

Поступила в редакцию 28.09.2020, после рецензирования 06.10.2020, принята к публикации 05.11.2020

Received 28.09.2020, revised 06.10.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 17–21
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 17–21

Научная статья
УДК 93/94.908
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

Министр народного просвещения А. С. Норов в воспоминаниях и письмах русских профессоров середины XIX века

С. В. Лёвин

Московский государственный областной университет, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории культуры и социального развития Московской области, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>

Аннотация. Одной из заметных личностей правления императора Николая I был Авраам Сергеевич Норов, занимавший с 1853 по 1858 г. пост министра народного просвещения. В отечественной исторической литературе укоренилось мнение, согласно которому он являл собой образец интеллектуала-консерватора, человека слабовольного, поддававшего под влияние других лиц. В статье предпринята попытка выяснить отношение к А. С. Норову и рассмотреть отзывы о нём профессоров российских университетов, которым приходилось с ним общаться. На основе анализа их воспоминаний и писем автор приходит к выводу, согласно которому А. С. Норов вызывал уважение у всего профессорско-преподавательского сообщества, пользовался заслуженным авторитетом и доверием.

Ключевые слова: воспоминания, министр народного просвещения, наука, профессор, университет, цензура

Для цитирования: Лёвин С. В. Министр народного просвещения А. С. Норов в воспоминаниях и письмах русских профессоров середины XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 17–21. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

The minister for people's education A. S. Norov in the memoirs and letters of Russian professors of the mid-19th century

Sergei V. Lyovin, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>

Moscow region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Russia

Abstract. One of the notable personalities during the reign of the Emperor Nicholas I was Abraham Sergeevich Norov who occupied the post of the Minister of People's Education from 1853 to 1858. In domestic historical literature the opinion has been rooted that he was a model of a conservative intellectual, a weak-willed person who fell under the influence of other people. The paper attempts to find out how A. S. Norov was treated by professors at Russian universities who often communicated with him and what they thought about him. On the basis of an analysis of their memoirs and letters the author comes to the conclusion that A. S. Norov evoked respect from the entire teaching staff community, enjoyed well-deserved authority and trust.

Keywords: memoirs, minister of people's education, science, professor, university, censorship

For citation: Lyovin S. V. The minister for people's education A. S. Norov in the memoirs and letters of Russian professors of the mid-19th century. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 17–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

О жизненном пути и деятельности участника Бородинского сражения, страстного библиофила, путешественника, исследователя Востока, полиглота, широко образованного интеллигента А. С. Норова написано достаточно много разного рода и формата работ. Упоминание даже незначительного их количества потребует специального исследования. Однако среди изученных аспектов вне поля зрения исследователей остается такой,

на наш взгляд, интересный сюжет, как оценка личных качеств и деятельности А. С. Норова на посту министра народного просвещения отечественной профессурой Санкт-Петербурга и Москвы.

Авраам Сергеевич Норов родился в 1795 г. в с. Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии в знатной дворянской семье. Получив хорошее домашнее образование, он в 1807 г. был

определен в Благородный пансион при Московском университете, но не закончил его, так как по настоянию отца поступил на военную службу в лейб-гвардии артиллерийскую роту. В чине поручика, командуя полубатареей, участвовал в войне 1812 г. и в Бородинском сражении получил ранение левой ноги, в результате которого ее до колена пришлось ампутировать. Выйдя в отставку, А. С. Норов много занимался самообразованием; изучал иностранные языки, пробовал свои силы на литературном поприще, собрал две библиотеки, считавшиеся одними из лучших в дореформенной России, много путешествовал по Востоку и Северной Африке, занимался научными изысканиями в области исторической географии, древней истории, библейской археологии. Продвигаясь по карьерной лестнице на гражданской службе, в феврале 1850 г. он становится товарищем министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова. На кандидатуре А. С. Норова настоял сам министр. «Никого более способного занять место товарища моего не знаю, кроме сенатора Норова, служащего также членом Комиссии прошений»¹, – писал он императору Николаю I 30 января 1850 г. После смерти П. А. Ширинского-Шихматова А. С. Норов становится министром и оказывается в центре общественной, научной и культурной жизни страны, причем в весьма сложный, противоречивый период развития Российского государства. Характеристика его личных качеств, воззрений на вопросы российского образования и науки, деятельности во главе Министерства народного просвещения содержится в воспоминаниях А. В. Никитенко, С. М. Соловьева, Н. Г. и Ф. Н. Устряловых, письмах Т. Н. Грановского, Н. В. Калачова и др.

Самые обстоятельные сведения о Норове-министре имеются в воспоминаниях историка литературы, профессора Санкт-Петербургского университета, ординарного академика Академии наук по отделению русского языка и словесности А. В. Никитенко, являвшегося на протяжении нескольких лет его бессменным помощником. Прежде всего, бросается в глаза то, как много места в своих воспоминаниях автор уделил психологическому портрету А. С. Норова, его характеру. С первых же страниц сквозит очарование А. В. Никитенко новым министром. «Надо отдать справедливость Аврааму Сергеевичу: он вообще действует благородно и смело. Первое, впрочем, ему присуще, но долго ли его хватит на второе – не знаю. <...>. С министром, так благородно настроенным, – хорошо и работать»², – записал он в своем дневнике 13 декабря 1854 г.

С. М. Соловьев, познакомившийся с А. С. Норовым, вероятно всего, во время своей поездки в Петербург для работы в Публичной библиотеке в 1853 г. отметил, что от нового министра «пахнуло сейчас же сильною оттепелью», констатировал: «Норов поразил меня своею противоположностью покойному министру [П. А. Ширинскому-Шихматову. – С. Л.]. Прекрасное, симпатичное лицо с грустным оттенком, добродушная приветливость,

отсутствие всего казарменного и департаментского – вот те черты, которые приятно поражают в Норове»³. Такое же восхищение А. С. Норовым встречаем в письме Т. Н. Грановского одному из своих знакомых: «Министр народного просвещения произвел на всех прекрасное, отрадное впечатление»⁴. Отметил ученый и хорошее отношение А. С. Норова лично к нему. «Министр ко мне очень благоволит»⁵, – писал он. Т. Н. Грановский познакомился с А. С. Норовым в 1855 г. на праздновании 100-летнего юбилея Московского университета. Министр пригласил историка в Петербург, чтобы обсудить с ним вопрос о разработке учебника по всеобщей истории. Т. Н. Грановский 2 октября 1855 г. не без гордости сообщил К. Д. Кавелину из Москвы: «Он (А. С. Норов. – С. Л.) ко мне показывает большое расположение и остался доволен присланной мною ему запиской»⁶.

Вряд ли А. С. Норов разделял историософские воззрения историка, но, безусловно, увидел в нем талантливого и способного ученого и поддержал его. Летом 1855 г. министр утвердил избрание Т. Н. Грановского деканом историко-филологического факультета Московского университета. Ранее попытка его избрания была заблокирована попечителем Московского учебного округа В. И. Назимовым. Благожелательное отношение А. С. Норова к Т. Н. Грановскому было искренним. В своем письме Александру II «о нигилизме» он так отозвался о нем: «Это был один из достойнейших профессоров Московского университета, человек благочестивый и совершенно монархический»⁷. Последняя характеристика добавлена А. С. Норовым, вероятнее всего, сознательно, с целью скрыть прозападнические взгляды Т. Н. Грановского.

Стоит отметить, что не только российская профессура, но и лица, далекие от системы образования, например адмирал Е. В. Путятин, положительно восприняла назначение А. С. Норова министром народного просвещения. 1 августа 1854 г. с борта своего фрегата «Паллада», находившегося в Амурском лимане, Е. В. Путятин отправил с И. А. Гончаровым А. С. Норову письмо, в котором выразил «искреннюю радость» в связи с его назначением на пост министра народного просвещения⁸.

С. М. Соловьев высоко оценивал культурно-образовательный уровень и деловые качества А. С. Норова: «Человек, потерявший ногу при Бородине, являлся беспристрастным и правдивым оценщиком благонамеренности русских учёных, более беспристрастным и правдивым, чем блестящий учёный и потому подозрительный Уваров и трепещущий подъячий Ширинский. Норову удалось выхлопотать позволение представлять императору лучшие произведения русских учёных и литераторов; моя “История России” была представлена, вследствие чего я удостоился получить монаршее благоволение осенью 1854 года»⁹. На упомянутом университетском юбилее, по словам С. М. Соловьева, «Норов сделал так, что получили награды только выдающиеся по своим способностям и учёно-литературным заслугам профессора:

Грановский и я получили орден Анны II-й степени...»¹⁰. Несомненно, А. С. Норов был хорошо знаком с научными трудами Т. Н. Грановского и С. М. Соловьева и, очевидно, положительно о них отзывался. Во всяком случае упоминание об учебнике по всеобщей истории в письме Т. Н. Грановского можно рассматривать как подтверждение этого вывода. Возможно, он неоднократно встречался с обоими историками, но отражение в их воспоминаниях и письмах нашли лишь первые встречи с ним.

Несколько иные, можно сказать сугубо служебные, обстоятельства встречи с А. С. Норовым профессора русской истории, декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Н. Г. Устрялова описал в своих воспоминаниях его сын – Федор Николаевич Устрялов. Известно, что Н. Г. Устрялов способствовал защите магистерской диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетическое отношение искусства к действительности». Министр народного просвещения оказался в весьма затруднительном положении в результате давления на него ретроградов, стремившихся не допустить работу к защите. И помощь, оказанная диссертанту Н. Г. Устряловым, Норов воспринял едва ли не панически, отметив, что диссертация Н. Г. Чернышевского являет собой «отрицание искусства и изящного». Встретившись по дороге из Павловска в Петербург с историком, он достаточно эмоционально высказал ему, свое недовольство по этому поводу, потребовав отменить защиту. Вот как, очевидно со слов отца, описал эту встречу Ф. Н. Устрялов: «Едва ли не накануне диспута, Абрам (так Норова называли многие его современники. – С. Л.) Сергеевич Норов, проездом из Павловска в Петербург встретился в вагоне с моим отцом.

– Николай Герасимович! Что вы наделали! – воскликнул министр, увидев моего отца. – Как могли вы пропустить диссертацию Ч[ернышев]ского? Вчера, ложась спать, я просмотрел её. Ведь это вещь невозможная! Ведь это полнейшее отрицание искусства и изящного! Помилуйте! Сикстинская мадонна и Форнарина – итальянка-натурщица. К чему же сводится искусство? Это невозможно, невозможно!

Отец заметил, что диссертация одобрена советом, что экзамен выдержан магистрантом, диссертация напечатана, и день диспута назначен.

– Отменить! Остановить всё это! Я не могу согласиться! – решил Норов. – Как хотите, но такая диссертация невозможна и всё это дело следует окончить»¹¹.

Ф. Н. Устрялов предположил, что «очень может быть, что кто-нибудь из “приверженцев” как его, так и существовавшего в то время порядка, нарочно обратил его внимание на диссертацию Ч[ернышев]ского»¹².

Впрочем, эпизод с диссертацией Н. Г. Чернышевского отнюдь не мешал Н. Г. Устрялову бывать «почти каждую неделю у А. С. Норова на вечерах в министерском доме у Чернышева моста, где палаты были огромными, и публики собиралось много»¹³.

«Тогдашний министр народного просвещения, А. С. Норов, относился к моему отцу с большим уважением»¹⁴, – вспоминал Ф. Н. Устрялов. Представляется логичным эти «вечера в министерском доме» считать своеобразным продолжением работы Археографической комиссии, председателем которой А. С. Норов являлся с 1850 г. и до конца своей жизни. Под его руководством деятельность Комиссии активизировалась, стала более результативной. К работе в ней ему удалось привлечь таких видных историков, архивистов, филологов, публицистов, как: К. Н. Бестужев-Рюмин, П. С. Билярский, И. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, А. Ф. Бычков, И. О. Гирт, Н. И. Костомаров, М. О. Коялович, А. Н. Пыпин, П. И. Савваитов, С. М. Соловьёв, П. М. Строев.

Нередко сотрудники Археографической комиссии, выполняя поручения А. С. Норова, с целью сбора исторического материала, выезжали в командировки в губернии и работали в местных архивах. Например, Н. В. Калачов, несмотря на то, что находился в отпуске, летом 1858 г. плодотворно работал в Саратовском губернском архиве и сообщал А. С. Норову о находке «в одном фамильном архиве коллекции актов, из коих некоторые будут помещены в изданиях комиссии»¹⁵. По просьбе А. С. Норова Н. В. Калачов работал также в архивах Владимирской, Самарской, Тамбовской, Рязанской и Пензенской губерний. Столь тесное общение министра с профессорско-преподавательским корпусом говорит о том, что он был, образно говоря, своим в этой среде. Ему доверяли, его уважали, с его мнением считались. Думается, эпизод с работой Н. В. Калачова во время его отпуска в Саратовском губернском архиве по просьбе А. С. Норова, можно рассматривать как подтверждение этого тезиса.

Собственно самого А. С. Норова в 1841 г. единогласно избрали почетным членом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности, а через 10 лет – действительным членом и ординарным академиком. «Предаваясь науке и литературе ещё в молодости, А. С. Норов с самого начала вступления своего на литературное поприще обратил на себя общее внимание всех, дорожащих успехами отечественной словесности, своим строго художественным направлением, тем более, что оно было в нём соединено с требованиями современной науки и с основательным знанием языков классической древности и богатств литературы новоевропейской»¹⁶, – говорится в отзыве-рекомендации, подписанной всеми академиками отделения.

В сообществе ученых А. С. Норов небезосновательно считался специалистом по древнему Востоку. К нему обращались за рецензиями, консультациями, разъяснениями, советом по тому или иному вопросу, связанному с историей древнего Востока. Например, секретарь Московского археологического общества, историк, археолог и искусствовед, заслуженный профессор Московского университета К. К. Герц обратился к А. С. Норову с просьбой дать рецензию на его статью «Новейшие исследования Палести-

ны». «Мне будет очень лестно, если этот труд, в котором я намеревался ознакомить нашу публику с результатами новейших разысканий и указать на важные вопросы, связанные с археологическим прошлым этой страны, удостоится снисходительного обсуждения такого знатока Палестины, как Ваше высокопревосходительство»¹⁷, – писал он. Следует заметить, далеко не к каждому ученому А. С. Норов проявлял своё расположение и благосклонность. Так, после публикации статьи Н. И. Костомарова о Куликовской битве, в которой историк поставил под сомнение активное участие в ней московского князя Дмитрия Ивановича, он демонстративно перестал здороваться с Н. И. Костомаровым на заседаниях Археографической комиссии.

А. С. Норов, возглавляя Министерство народного просвещения, в своей кадровой политике в определяющей степени руководствовался критериями профессионализма того или иного кандидата. В частности, он помог К. Д. Ушинскому стать классным инспектором Смольного института, несмотря на противодействие некоторых чиновников, выступавших против К. Д. Ушинского, вовлек в сферу образования известного хирурга Н. И. Пирогова, предложив ему место попечителя Одесского учебного округа. А. С. Норов проявлял заботу и об «отставных» профессорах. В частности, он оставил в качестве «причисленного» к Министерству народного просвещения, вышедшего в отставку с должности помощника попечителя Казанского учебного округа выдающегося математика Н. И. Лобачевского, сумев добиться для него выплаты единовременного пособия на весьма внушительную по тем временам сумму – 1500 руб.

Все, общавшиеся с А. С. Норовым, отмечали его открытость, доброту, начитанность, любознательность, высокий уровень культуры, умение расположить к себе собеседника. Вместе с тем современники отмечали и его слабых характерность, непостоянство в принятии решений, легкость, с которой он оказывался под влиянием то одного, то другого лица. «Абрам Сергеевич, – отмечал Ф. Н. Устрялов, – был очень добрый, знающий и даже, в некоторых случаях, передовой человек. Но он отличался крайнею слабостью характера»¹⁸. «Но с первых же слов поразило меня в Норове и неумение избежать крайностей, характеризующее всех наших господ, наверху стоящих, и в Норове по мягкости его натуры видное более чем в ком-либо»¹⁹, – вспоминал С. М. Соловьёв. «Опять тревоги по милости жалкой бесхарактерности министра. Нет возможности идти с ним путем ровным, прямым и открытым, а между тем он сам хороший человек. Но вот что значит не иметь ума твердого и воли, способной решать самой, без чужих подпорок»²⁰, – с плохо скрываемой досадой записал А. В. Никитенко в своем дневнике 10 марта 1855 г. «Мягкость натуры» А. С. Норова была подмечена даже сотрудниками III отделения. «В лице нынешнего министра, действительного тайного советника Норова, соединяются многие отличные свойства: религиозно-нравственный образ

мыслей, истинная любовь к просвещению, стремление к выполнению своих обязанностей; но в нём замечают также вредную слабость, происходящую от чрезмерного благодушия. Он подчиняет себя влиянию окружающих и притом, желая снискать в кругу учёных имя поборника просвещения, нередко вполне предается их внушениям»²¹, – говорится в отчете отделения за 1856 г.

Создается впечатление, что профессорский корпус относился к А. С. Норову с симпатией, сочувственно, понимая трудность его положения, видя его стремление добиться смягчения цензурной политики, создать профессорскому составу высших учебных заведений наиболее комфортные условия для преподавательской и научной деятельности.

В марте 1858 г. император Александр II отправил А. С. Норова в отставку. Вот как отразил это событие в своем дневнике А. В. Никитенко: «Сейчас получил известие от Петра Петровича Татаринова, что Норов подал в отставку и получил её. <...>. Говорят, государь, решая отставку Норова, сказал: “Это почтенный человек по своему сердцу, по благонамеренности; я душевно люблю его и уважаю. Но он не способен быть министром, и я дольше оставить его на этом месте не могу”»²². Официальной причиной отставки было названо ухудшение здоровья «бородинского ветерана», как называли А. С. Норова в его ближайшем окружении. Но многие современники полагали, что главной причиной отставки министра стали его слабых характерность, мнительность, неумение отстаивать свою точку зрения. Автор данной статьи придерживается мнения, высказанного им в своей монографии, посвященной жизненному пути, научным и общественным взглядам А. С. Норова: главной причиной отставки следует признать несовпадение его взглядов на будущее российского образования и воззрений на этот предмет Александра II²³.

Являясь человеком академической среды, сознавая значимость культурной преемственности, необходимость творческой самореализации личности, «воспитания в вере» без попыток столкновения веры и науки, А. С. Норов мыслил высшее образование как соединение науки, высоких нравственных идеалов ее представителей, патриотизма и религиозной духовности учащихся. Он отдавал приоритет классическому образованию, в то время как страна нуждалась в специалистах узкого профиля, выражаясь современным языком, технократах. Очевидно, проводить преобразования с министром, чьи установки значительно разнились со взглядами Александра II и требованиями времени, было невозможно. Программным лозунгом А. С. Норова-министра было «ничего не преобразовывать, а только улучшать». Он нашел свое отражение в его записке о совершенствовании системы народного образования. «Наконец, – говорится в ней, – вообще осмелюсь изъяснить, что если какие меры существенно нужны по

Министерству народного просвещения, то это, как и во всяком другом ведомстве, суть меры постепенного улучшения, а не меры преобразования»²⁴. Таким образом, можно утверждать, что А. С. Норов сознательно избрал конформистскую линию поведения, что в правление Николая I представлялось оправданным с позиций модернизации системы народного образования, но непонятным для многих его современников, видевших в этом слабование, непостоянство взглядов министра. В их представлении такое непостоянство и отсутствие твёрдости было непозволительно крупному государственному чиновнику.

А. С. Норов находился во главе Министерства народного просвещения в сложный период. Феодално-крепостническая экономика не справлялась с требованиями времени, становилась главным препятствием на пути поступательного социально-экономического и общественно-политического развития России. Правление Николая I – последний этап кризиса феодално-крепостнической системы. Ее финальным и трагическим завершением явилось поражение России в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Потребность в квалифицированных кадрах стала в период правления императора Николая I настоятельной, можно сказать, жизненной необходимостью. От человека, занимавшего пост министра народного просвещения, требовались незаурядные личные качества, в частности: упорство и сила воли, понимание задач, стоявших перед народным образованием, ясное представление путей и средств их решения. В связи с этим уместно подчеркнуть, что характер А. С. Норова явно не соответствовал тем требованиям, которыми должен обладать чиновник высокого государственного ранга – министр народного просвещения, особенно в такой сложный исторический период.

А. С. Норов воплощал собой образ культурного, высокообразованного, эрудированного чиновника. В его взглядах на развитие системы народного просвещения присутствуют либерализм времени Александра I, здоровый консерватизм и патриотизм николаевской эпохи, понимание необходимости демократизации общественной жизни периода правления Александра II. Все это в совокупности составило некий синтез, своего рода рациональное зерно в образовательной политике министра. А. С. Норов стоял на консервативно-охранительных позициях, но в своей деятельности руководствовался здравым смыслом, отстаивая эволюционные изменения, поступательное, а не скачкообразное развитие отечественного народного образования.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 349 (Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – писатель и востоковед). Оп. 1. Д. 116. Л. 1.
- ² *Никитенко А. В.* Дневник : в 3 т. Т. 1 : 1826–1857 / подготовка текста и вступ. ст. И. Я. Айзенштока. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1955. С. 391–392.
- ³ *Соловьёв С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно и для других // Соч. : в 18 кн. Кн. XVIII : Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М. : Мысль, 1995. С. 649.
- ⁴ *Ветринский Ч.* [Чешихин В. Е.]. Т. Н. Грановский и его время. Исторический очерк. 2-е изд. СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1905. С. 355.
- ⁵ Там же. С. 356.
- ⁶ Т. Н. Грановский и его переписка : в 2 т. Т. II : Переписка Т. Н. Грановского. М. : Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 437.
- ⁷ *Норов А. С.* Всеподданнейшее письмо // Русский архив. 1895. Кн. III, № 11. С. 368.
- ⁸ См.: *Лёвин С. В., Левина О. С.* А. С. Норов : образ государственного и общественного деятеля дореформенной России. Саратов : Техно-Декор, 2018. С. 143.
- ⁹ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 642–643.
- ¹⁰ Там же. С. 643.
- ¹¹ *Устрялов Ф. Н.* Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. Июнь. С. 588.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Устрялов Н. Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и Новая история. 1880. № 8. С. 671.
- ¹⁴ *Устрялов Ф. Н.* Указ. соч. С. 582.
- ¹⁵ Государственный архив Саратовской области. Ф. 408 (Калачов Николай Васильевич (1819–1885) – ученый, историк и археограф). Оп. 2. Д. 623. Л. 43 об.
- ¹⁶ Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 1. (Конференция Академии наук СССР). Оп. 2. 1851. Д. 10. Л. 32.
- ¹⁷ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – РНБ ОР). Ф. 531 (Норов Авраам Сергеевич). Оп. 1. Д. 303. Л. 1.
- ¹⁸ *Устрялов Ф. Н.* Указ. соч. С. 588.
- ¹⁹ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 641.
- ²⁰ *Никитенко А. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 431.
- ²¹ «Россия под надзором». Отчёты III отделения 1827–1869 : сб. документов / сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М. : Чеховский полиграфкомбинат, 2006. С. 454–455.
- ²² *Никитенко А. В.* Указ. соч. Т. 2 : 1858–1865. С. 15.
- ²³ См.: *Лёвин С. В., Левина О. С.* Указ. соч. С. 166.
- ²⁴ РНБ ОР. Ф. 531. Оп. 1. Д. 46. Л. 105–106.

Поступила в редакцию 28.09.2020, после рецензирования 06.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 28.09.2020, revised 06.10.2020, accepted 05.11.2020

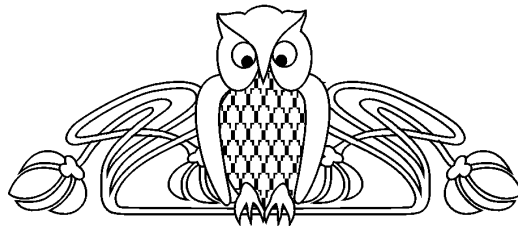

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 22–28
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 22–28

Научная статья
УДК 930.2
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

Вклад Ю. Н. Рериха в изучение истории тохар

А. М. Шустова

Институт востоковедения РАН, Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Шустова Алла Михайловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, parinama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7130-1762>

Аннотация. В работе анализируются статьи Ю. Н. Рериха «Тохарская проблема» и «Память о тохарах в Тибете», а также исследования истории тохар из его труда «История Средней Азии». Рерих приходит к выводу, согласно которому тохары античных авторов были тождественны народу юэчжи из китайских источников, а кушанов надо рассматривать как юэчжи-тохаров. В целях дальнейшего исследования проблемы Рерих выдвинул идею создания международной комиссии для комплексного изучения истории Кушанской империи.

Ключевые слова: история востоковедения, Ю. Н. Рерих, Центральная Азия, тохары, юэчжи, Кушанская империя

Для цитирования: Шустова А. М. Вклад Ю. Н. Рериха в изучение истории тохар // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 22–28. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

Yuri N. Roerich's contribution to the study of the Tocharians

Alla M. Shustova, parinama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7130-1762>

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia

Abstract. This article deals with Yuri Roerich's articles "Tocharian Problem", "The Memory of Tocharians in Tibet" and his "The History of Central Asia". Roerich concluded that Tocharians of the Ancient Greek authors were identical to the Yuezhi of the Chinese texts. Moreover, he considered the Kushans to be identical to the Yuezhi-Tocharians. He held the initiative to create the International Commission for the integrated study of the Kushan Empire's history.

Keywords: history of Asian studies, Yuri Roerich, Central Asia, Tocharians, Yuezhi, Kushan Empire

For citation: Shustova A. M. Yuri N. Roerich's contribution to the study of the Tocharians. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 22–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-22-28>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

История древнего народа тохар, проживавшего в Центральной Азии на рубеже старой и новой эры, до сих пор остается до конца не изученной. Она связана с возникновением так называемой тохарской проблемы. В начале XX в. в Китайском Туркестане обнаружили древние тексты, часть из которых была написана на тогда еще неизвестном языке. К изучению рукописей приступили специалисты по древним языкам. Не имея на тот момент достаточно исторического материала, да и, вероятно, в некоторой спешке, лингвисты назвали язык тохарским.

Под наименованием «тохары» (гр. Τόχαροι) античные писатели понимали один из индоевропейских этносов, проживавший на территории Бактрии. Язык же, который называли тохарским,

был распространен гораздо восточнее, в оазисах Таримского бассейна. Его процесс изучения проходил достаточно успешно. Было выделено два диалекта: «тохарский А» – «восточно-тохарский», и «тохарский Б» – «западно-тохарский»¹, а также выдвинуто предположение о существовании еще одного тохарского языка («тохарский С»), который использовали в оазисе Лоулань². Термин «тохарский» прочно закрепился в научной литературе.

Однако возникла трудность соотнесения тохарского языка с тохарами как с предполагаемыми его носителями. Тохарская тема переросла в тохарскую проблему³. Один из современных ее исследователей Л. М. Свечков замечает: «Многие учёные отрицали само определение "тохарские" по отношению к языку документов из Кучи, Кара-

шара и Турфана как не отражающее самоназвание народа, оставившего эти тексты. Все осознавали искусственность построения подобного рода, когда “неизвестному языку” присвоили имя тохарского, руководствуясь данными греко-римских письменных источников. В античной традиции известны только три народа, которые можно приурочить к территории Китайского Туркестана – серы, тохары и фруны (или фауны). Ход дальнейших рассуждений крайне прост: коль скоро язык рукописей индоевропейский (но не иранский или индийский), а серы – это китайцы, фруны – гунны, как полагало почему-то большинство исследователей, значит, тексты оставили тохары»⁴.

Процесс изучения тохарских языков шел гораздо быстрее исторического осмысления проблемы. Лингвистическое исследование выделилось в отдельную большую отрасль. Тохарская тема разделила специалистов по тохарской проблематике условно на два лагеря: тех, кто во главу угла ставит лингвистическое исследование, и тех, кто отталкивается прежде всего от исторических и археологических данных. В своих выводах они приходят порою к разным результатам, о чем будет сказано ниже.

На возникновение расхождений в подходах на тохарскую проблему лингвистов и историков указывал Ю. Н. Рерих (1902–1960), у которого с этой темой была связана своя личная история. Еще обучаясь в Гарварде по специальности индийская филология, он начал интересоваться тохарской темой. Она настолько увлекла молодого ученого, что он оставляет занятие санскритом и пали и решает закончить свое образование в Парижском университете, занимаясь историей тохар под руководством профессора Поля Пеллио, специалиста по тохарам.

В 1921 г. Рерих написал реферат на тему тохарского языка и отправил его в Парижский университет, сопроводив письмом, в котором писал: «В настоящее время я, в частности, интересуюсь проблемой тохар. Моя интуиция даёт возможность рассматривать проблему с исторической точки зрения, основываясь на археологических находках, касающихся Китайского Туркестана. Я думаю представить эту работу как тезисы докторской работы в Парижском университете»⁵. Молодой ученый четко сформулировал свою позицию, он ставит своего наставника в известность, что он намерен изучать проблему в историческом ключе, опираясь на археологические данные.

В той или иной степени тохарская проблематика присутствует во всех трудах Рериха. Непосредственно теме истории тохар посвящены его статьи «Тохарская проблема»⁶ и «Память о тохарах в Тибете»⁷, а также большая часть первого тома его капитального труда по истории Центральной Азии⁸.

Прежде чем перейти к анализу результатов исследования тохарской истории Рерихом, необходимо сделать несколько замечаний. Отметим, что

систематическое изучение его научного наследия только начинается⁹. Рерих долгие годы провел в эмиграции, проживая в Индии, и только в 1957 г. вернулся на родину. Но в Институте востоковедения АН СССР, куда он устроился по возвращении, ему было судьбой отведено проработать менее трех лет. Скончался он в возрасте 58 лет, достаточно рано для ученого, оставив неизданными целый ряд рукописей. Свои труды он писал на английском, русском и французском языках, публиковал их в Америке, Европе, Индии и России. До сих пор неизвестно, все ли его работы изданы, а если изданы, то где. Некоторые из опубликованных в первой половине прошлого века статей Рериха являются библиографической редкостью. А те, которые удалось переиздать в последние годы маленьким тиражом, к сожалению, не стали широко известными. Трудностей в изучении научного наследия Ю. Н. Рериха добавляет и то обстоятельство, что многие его работы являются программными, и для понимания их значения требуется знать не только многогранное наследие самого ученого, но и всей семьи Рерихов, которая представляла собой единый творческий коллектив.

Рерих часто поднимал проблемы, перспективные для будущего исследования. Так, он один из первых поставил вопрос об изучении истории и культуры кочевников как отдельной отрасли научного знания. В настоящее время кочевниковедение активно развивается, и труды Рериха являются важным вкладом в продвижение этого направления исторической науки. Поэтому не оправдан взгляд на научное наследие Рериха как на устаревшее.

Что касается тохарской проблемы, то Рерих в свое время не только дал ей историческое измерение, но и наметил перспективы на будущие исследования, в которых история тохар может занять определенное место. Среди них можно назвать такие темы как, например, эпоха великих древних миграций в Азии, общность кочевого мира Евразии, распространение буддизма в первом тысячелетии нашей эры, культурное единство Азии, возникновение и распространение гандхарского стиля в искусстве, древняя и средневековая история Индии и Тибета, евразийская концепция об истоках русской культуры, будущее совместное развитие народов Евразии.

Статью «Тохарская проблема» Рерих начинает словами: «Так называемая тохарская проблема является одной из сложнейших проблем истории Внутренней Азии и до известной степени относится к истории Индии, поскольку она касается этнической принадлежности кушанской династии. От выявления хронологии кушанской эпохи зависит решение многих вопросов истории Индии – не только древней, но и средневековой»¹⁰. Это утверждение Рериха сразу расставляет акценты в его последующем изложении материала. Во-первых, историю тохар он считает частью истории Индии; во-вторых, многие вопросы древней и

средневековой Индии, по его мнению, связаны с хронологией Кушанской эпохи, в которой главенствовали тохары.

История Индии, в особенности ее северо-западной части, в период II в. до н.э. – V в. н.э. характеризуется политическим, экономическим и культурным расцветом, который стал возможен благодаря возвышению Кушанской империи¹¹. В период своего наибольшего могущества она занимала территорию, включающую регионы современной юго-западной и центральной Индии, Пакистана, Афганистана, Таджикистана, Узбекистана, а также Китая. По своему политико-экономическому уровню Кушанская империя была сопоставима с Римской, Парфянской или Китайской державами.

В Кушанскую эпоху произошло массированное распространение буддизма из Индии в страны Юго-Восточной Азии, Среднюю и Центральную Азию, а также на Дальний Восток. Рерих писал: «По буддийским каналам в Центральной Азии стали известны индийские светские науки: астрономия, медицина, драматические произведения, поэзия и грамматика; они были восприняты народами, живущими от степей юга России до берегов Тихого океана»¹². Крупные буддийские культурные и образовательные центры появились в Бамиане (Афганистан), Хотане, Куче, в Дуньхуане и других древних городах Центральной Азии. На базе буддизма возникло и получило свое развитие так называемое гандхарское искусство, которое еще называют греко-буддийским, так как оно передавало индийские буддийские сюжеты преимущественно с помощью греческой художественной лексики¹³.

Будучи частью большой индийской цивилизации, Кушанская империя распространила культурную экспансию на все евразийское пространство. О всеазиатском масштабе культурного влияния индийской цивилизации на базе буддизма в первом тысячелетии нашей эры Рерих писал: «Художественные традиции Гандхары распространялись вдоль караванных путей через центрально-азиатские пустыни и достигли берегов Тихого океана. <...> Центральная Азия, районы Западного и Восточного Туркестана стали местом встречи индийских, иранских и китайских художественных воздействий, из которых выросло яркое и сильное искусство, на своей поздней стадии повлиявшее на искусство Тибета, а через него – на китайское искусство периода династии Юань (XIII–XIV вв. н.э.)»¹⁴.

В Кушанскую эпоху оживились торговые, культурные и религиозные связи между различными областями евразийского континента, причем достаточно удаленными друг от друга. Особо следует отметить развитие системы коммуникаций в различных направлениях евразийского материка, которая получила название Великого шелкового пути. Это было выдающимся достижением Древнего мира. Насколько оптимальны были эти маршруты, свидетельствует современная идея

возрождения этой коммуникативной сети уже на новом технологическом уровне.

Относительно высокий уровень культурно-исторического развития Кушанской империи порождает воображение и справедливо вызывает множество вопросов. Как потомки кочевых племен, пришедшие из глубин Азии, могли сокрушить власть влиятельных греко-бактрийских правителей и объединить в одно государство совершенно разные области, причем уже достаточно развитые в политическом и экономическом плане? Удивляет и выбор в качестве идеологической основы государства именно идеологии буддизма, который и в самом деле продемонстрировал хорошие перспективы для будущего государственного строительства, хотя в Азии в то время было много и других влиятельных культов и религий. Существующая веротерпимость в кушанском государстве тоже заслуживает внимания.

Вопрос, кто были эти люди, создавшие Кушанскую империю и выработавшие высокие образцы гандхарской культуры, волновал Рериха как ученого. В тохарах он видел не только тех, кто стал родоначальником Кушанской династии, но и тех, кто инициировал мощный культурно-цивилизационный импульс в Центральной Азии. В связи с этим он ставил перед собой задачу «восстановить ход событий, разыгравшихся во Внутренней Азии и приведших к уходу орды племени юэчжи (вариант: юэши) на запад и к рубежам Индии, на основе китайских и классических письменных источников»¹⁵, а также согласовать между собой этнонимы юэчжи, тохары и кушаны.

Выделим наиболее важные моменты в исторической реконструкции Рерихом указанного периода тохарской истории. Рерих анализирует китайские хроники «Шицзи», «Цянь Ханьшу» и «Хоу Ханьшу». Хотя они ведут свое повествование о народе юэчжи с III в. до н.э., он предполагает, что их история гораздо древнее. Юэчжи кочевали на большой территории в китайской провинции Ганьсу. Переломный момент в их истории происходит во II в. до н.э., который Рерих называет «крупным событием в кочевом мире Внутренней Азии»¹⁶. Под давлением сюнну (хунну) юэчжи вынуждены были уйти из зоны своих обычных кочевий, начав натиск на соседние кочевые племена. Эта миграция привела, как в эффекте домино, к массовым перемещениям в кочевом мире. В результате некоторые народы были поработаны, государства пали, а на их месте возникали как новые племенные союзы, так и новые государственные образования. Вслед за направляющимися на запад юэчжи племена хунну проникли в земли Таримского бассейна и завоевали княжество Лоулань. Пришли в движение и сарматы, а также среднеазиатские скифы (саки), которые двинулись в Согдиану. Во время своего следования на запад юэчжи перешли реку Оксус (Амударью) и вторглись в Бактрию. В 128 г. до н.э. они уже занимали всю ее территорию.

Рерих обращает внимание на новый важный момент в истории юэчжи, а именно на образование племенного объединения, в которое входило пять владений (Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь и Думи¹⁷). Причем, кроме самих юэчжи, в объединении было и местное, оседлое, население. Таким образом, мы имеем интересный исторический факт, когда кочевники объединяются с оседлыми племенами, и что также интересно, правителями каждого из владений был князь не с юэчжи, и не с местным наименованием, а с хуннским – ябгу. Таким образом, одной из отличительных этнопсихологических черт народа юэчжи была их приспособляемость к условиям и достаточная гибкость в отношениях с другими племенами.

Ябгу Гуйшуана (Kuśana) Куджула Кадфиз (Kujula Kadphises) становится верховным правителем над всеми пятью княжествами в Бактрии и основывает новую династию Кушанов. Описывая это событие, Рерих называет Куджула Кадфиза правителем владений не юэчжи и не тохаров, а владений уже юэчжи-тохаров¹⁸. Далее Рерих делает важное замечание. Двигаясь на запад, часть юэчжи вместе с примкнувшими к ним скифами-саками остались во владении усуней в районе Куча – Карашахр – Турфан. Здесь они постепенно смешивались с местным населением, переходя к оседлому образу жизни. Рерих предполагает, что именно эти люди были носителями языка, который впоследствии получил наименование тохарского. В Кушанскую эпоху они восприняли буддизм.

Рерих замечает, что первоначальная орда юэчжи разделилась на две части, которые сформировали две новые общности: больших (даюэчжи) и малых (сяо) юэчжи, имеющих в будущем разную историческую судьбу. Часть малых юэчжи остались на территории прежних кочевий и от поколения к поколению стали постепенно смешиваться с племенами цянов, от которых восприняли тибетский язык. Некоторые из них жили в горах на юго-запад от Дуньхуана и продержались там довольно долго, вплоть до X в. н.э., до завоевания их тюрками.

Чтобы ответить на вопрос, какие основания имеются для того, чтобы отождествлять юэчжи китайских исторических источников с тохарами классических писателей, а это главная составляющая тохарской проблемы, Рерих приводит следующие аргументы: вывод французского ориенталиста Р. Груссе, который проводил такое отождествление¹⁹, слова Птолемея, сообщавшего о народности Θαυουροι, горы Θαυουρονορος, город Θουаралολις на востоке торгового пути в Ганьсу. Также Рерих упоминает уроженца города Куча Кумарадживу (344–413), который слово tukhara (тохары) в буддийских трактатах переводил на китайский язык как малые юэчжи, которые еще в V в. н.э. кочевали в горах Наньшаня к югу от Лянчжоу. Он пишет, что «для Кумарадживы, который бывал в северо-западной Индии и в частности в Кашмире, где изучал санскрит и буддийскую философию, тохары

были юэчжи»²⁰. В качестве следующего аргумента Рерих приводит свидетельства хотанского и восточно-иранского (сакского) документов, которые содержат исследования соответственно Г. Бейли²¹, Ф. Томаса и С. Коноу²². В них говорится об отряде в две тысячи воинов Ttaudāgara и упоминается местность Ttaugaга, расположенная на Шёлковом пути на территории Ганьсу.

Что касается тибетских источников, то Рерих пишет, что в тибетской литературе содержатся сведения о двух областях, где жили тохары, – северо-восток и северо-запад Тибетского нагорья. Эти люди именовались как Thod-dkar, или Phod-dkar, или Tho-gar. В тибетском Танджуре упоминается Тохар (Tho-gar) Дхармамитра, уроженец Термеза на реке Оксус²³. В Ладакхе близ населенного пункта Дрангцэ (на берегу озера Пангонг-Цо) была найдена четырехязычная надпись, одним из языков которой был тохарский язык Б (кучинский), а другие – согдийский, тибетский и китайский языки. Там обозначена дата – 825/826 гг. н.э., что говорит, по мнению Рериха, о наличии тохароязычного населения на западе Тибетского нагорья в начале IX в. н.э. Название «тохар», равно как и «юэчжи», сохранилось еще в X в. н.э. Уйгуры считали владения в окрестностях Кучи, Карашахра, Турфана и Бешбалька (Гучэнцзы) тохарскими²⁴. Рерих стремился показать, что наименование «тохар» встречается в различных транскрипциях в текстах, содержащих упоминание местностей в пределах Ганьсу, или где-то рядом, вплоть до X в., а затем исчезает.

Что касается текстов на тохарском языке, то Рерих пишет, что на нем основывалась богатая буддийская литература. Уйгуры, занявшие район Куча – Карашахр – Турфан в IX в., стали переводить тохарские тексты на уйгурский язык. В связи с этим Рерих упоминает сравнительное исследование П. Пеллио²⁵ текста «Maitreyasamiti», написанного на тохри, и его уйгурского перевода. Пеллио показал, что язык тохри является тохарским А, на котором писали в Турфане.

Рерих также делает замечание относительно эволюции тохарского языка, предполагая, что «между концом кушанской эпохи и VIII–IX вв. н.э. тохарский язык (“наречия А и Б”) постепенно превратился в литературный язык, и весьма возможно, что эта эволюция языка совершилась в районе именно по соседству с Кучей, которая уже в IV в. н.э. являлась крупным культурным центром буддийского мира, связанного культурными нитями с северо-западной Индией и Китаем»²⁶.

Свое исследование в статье «Тохарская проблема» Рерих завершил словами: «Тохары принадлежали к очень древней группе племён, которые долгое время продолжали существовать среди ираноязычных и тюркоязычных племён Внутренней Азии, пока окончательно не исчезли, растворившись в окружавшей их этнической среде»²⁷.

В статье «Память о тохарах в Тибете» Рерих описывает судьбу племени малых юэчжи. Малые

юэджи, соприкоснувшись с цянами-тибетцами, восприняли от них их образ жизни, а также стали говорить на их наречиях. Ядро малых юэджи в Ханьскую эпоху располагалось в городе Хуанчжун к востоку от озера Кукунор и к югу от реки Сининхэ. Опираясь на китайские источники, он пишет, что малые юэджи еще в X в. жили на юго-востоке Таримского бассейна и в сопредельном районе Наньшаня.

Несмотря на то, что малые юэджи быстро «отибетились», в тибетских источниках о них говорится не как о тибетцах, а как о тохарах. Рерих обращает внимание на то, что имя «тохар» в различных транскрипциях часто можно встретить среди названий тибетских родов и поколений. Причем, в тибетской литературе делается различие между тохарами на западе, в Бактрии, – Тохарестане, и тохарами на востоке Таримского бассейна и сопредельных областей. Рерих замечает, что согласно тибетским источникам ряд буддийских проповедников были тохарами.

Память о тохарах в Тибете сохранилась не только в тибетской литературе, но и в искусстве, а также в типе вооружения и в конной тактике ведения боя. Юэджи-тохары приобщили тибетцев к культуре алано-сарматов, где главенствовал так называемый звериный стиль в искусстве. Во время Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха в Центральном Тибете были обнаружены предметы, искусно украшенные звериным орнаментом. Ю. Н. Рерих описал их и осуществил историко-культурный анализ находок в монографии «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета»²⁸.

Таким образом, Рерих не только попытался восстановить историю тохаров, но и обосновал свой взгляд на тохарскую проблему. Для него юэджи из китайских источников являлись тохарами из сочинений античных авторов. Более того, ученый считал для себя обязательным идентифицировать основателей Кушанской династии как юэджи-тохаров.

Данная точка зрения до сих вызывает сомнения у исследователей. Так, в предисловии к сборнику статей Ю. Н. Рериха «Тибет и Центральная Азия» М. И. Воробьева-Десятовская, специалист по древним рукописям из Центральной Азии, признавая, что тохарская проблема остается «одной из самых сложных и запутанных до наших дней», формулирует ее следующим образом: «Кто же были тохары, откуда они пришли на территорию Восточного Туркестана – в оазисы Кучу и Турфан, – когда они туда пришли и, наконец, было ли засвидетельствованное в письменных источниках только в I тыс. н.э. название “тохары” названием того индоевропейского народа, который пришёл в Восточный Туркестан, очевидно, во II тыс. до н.э., т. е. раньше, чем арийские племена вступили на территорию Ирана и Индии, – такова сущность тохарской проблемы»²⁹. Чтобы приблизиться к разрешению тохарской проблемы, Воробьева-Десятовская считает це-

лесообразным приступить сразу к рассмотрению вопроса о происхождении и структуре тохарских языков. Рерих же предлагал решение тохарской проблемы начинать с другой стороны, а именно, – с исследования истории тохар, как одного из древнейших народов Центральной Азии, независимо от того, говорили они на тохарском или на каком-то другом языке.

Эти два различных подхода к решению тохарской проблемы ведут, как оказалось, к различным выводам. Согласно «лингвистическому» подходу тохары пришли на восток с запада и не могли быть автохтонным народом Внутренней Азии. Воробьева-Десятовская, опираясь на труд Гамкрелидзе и Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»³⁰, прямо так и пишет: «Глава 12 второго тома посвящена проблеме “Выделения тохарского из общеевропейского языка и миграции носителей тохарских диалектов”. В ней рассматриваются вопросы тохарских миграций на восток (разумеется, с запада...)»³¹. Далее она приходит к выводу, согласно которому попытка Рериха доказать, что кушаны были юэджи-тохарами, является необоснованной и опять же, ссылаясь на лингвистические данные, утверждает, что «кушаны также не могли быть юэджи, поскольку государственным языком Бактрии (бассейн Аму-Дарьи) стал бактрийский, один из восточно-иранских языков»³².

Подход Рериха, который опирается прежде всего на исторические хроники, предполагает совершенную иную картину событий. Более развернуто о проблеме Рерих пишет в своем фундаментальном труде по истории Центральной Азии, содержащем более тысячи страниц текста³³. В нем он предпринял анализ исторических событий в Центральной Азии, охватывающий период с глубокой древности до XIV в. Ученый работал над этой книгой около 30 лет, изучая многочисленные древние источники. Но не только теоретические исследования содержались в этом труде. Рерих имел опыт серьезной практической работы во время большой Центрально-Азиатской экспедиции его отца, прошедшей дорогами Азии более 25 тыс. км, а также Маньчжурской экспедиции и ряда малых экспедиций в рамках программы Института гималайских исследований «Урусвати», который Рерихи учредили в долине Куллу (Индия).

В первом томе «Истории Средней Азии» ученый достаточно подробно освещает историю Центральной Азии в эпоху преобладания иранских племен, а также раннетюркского периода и периода Великого переселения народов. Рассматривает он и историческое соотнесение кушанов-юэджи-тохар.

Чтобы прийти к определенному выводу, Рериху, следует признать, пришлось проделать весьма трудоемкую исследовательскую работу. Он выстроил достаточно связную и последовательную реконструкцию событий в отношении кушанов и юэджи-тохар. На основе своих ис-

следований Рерих устанавливает их прямую историческую связь. Он пишет: «Нам представляется излишним сомневаться в том, что юэчжи китайских анналов действительно были теми тохарами, чьё имя упоминается классическими писателями и хорошо известно в древнеиндийской литературе»³⁴. После анализа упоминаний о тохарах в тибетской литературе Рерих пишет, что «существовала упорная традиция, помещавшая в западном Ганьсу область тохаров, причём имя “тохары” в IV–V вв. связывалось с именем “юэчжи”. Мы не сомневаемся, что эта традиция имеет под собой историческую почву и что юэчжи китайских анналов действительно были тохарами классических писателей и древнеиндийской литературы»³⁵. Таким образом, Рерих несколько раз дает понять, что для него вопрос тождественности тохар с юэчжи решен.

В исследовании по истории тохар Рерих коснулся также и лингвистического аспекта проблемы. Его взгляд таков, что, если у него нет сомнений относительно отождествления тохар с юэчжи, то вопрос о появлении тохарского языка в районе Турфана – Карашахра все-таки требует дополнительного исследования. Так, он замечал, что «только дальнейшая исследовательская работа в пределах Таджикистана и сопредельного с ним Афганистана может поставить “тохарскую” проблему на твердую почву и разрешить вопрос, был ли “тохарский” язык, или наречие А, литературным языком ушедших на запад тохаров-юэчжи, занесённым обратно в Восточный Туркестан вместе с буддизмом»³⁶.

Упомянув о некоторых лингвистических аналогиях между тохарским языком (язык I) и языками хеттским и фракийским, Рерих писал: «Для нас тохары-юэчжи вместе с древними хеттами и фракийцами и, вероятно, киммерийцами, являются представителями древней обширной группы индоевропейских народов, некогда широко разбросанных по северному степному поясу»³⁷.

Что касается кушанов, то, рассматривая историю Кушанской династии, Рерих писал: «Мы считаем, что кушанов надо рассматривать как юэчжи-тохаров»³⁸. И далее прямо указывает: «Как отмечено выше, эти кушаны были тохарами»³⁹.

Поддерживает точку зрения Рериха и Сверчков, который представил достаточно полный анализ взгляда различных ученых на тохарскую проблему. Он пишет: «Проблема согласования этнонимов юэчжи – тохары – кушаны, титулов и имён царей Кушанской династии составляет суть пресловутой “тохарской проблемы”, так блестяще освещённой и сформулированной И. Умняковым⁴⁰ и весьма далёкой от разрешения даже в наши дни. Последовательность событий истории юэчжи детально изложена в специальной статье Ю. Н. Рериха»⁴¹. Сверчков изучил содержание статьи Рериха «Тохарская проблема» и также пришел к выводу о том, что отождествление тохар

с юэчжи правомерно. Он пишет: «И раньше, и сейчас большинство исследователей сходятся в том, что данные китайских хроник о юэчжи соответствуют сведениям греко-римских источников II в. до н. э. – II в. н. э. о тохарах»⁴².

В заключение добавим, что Ю. Н. Рерих, вернувшись на родину в 1957 г. и поступив работать в Институт востоковедения АН СССР, продолжил заниматься вопросами, связанными с историей тохар. Так, он выдвинул идею создания международной комиссии для комплексного изучения истории Кушанской империи, куда бы в первую очередь входили страны, чьи территории частично находились в свое время под влиянием кушанов.

Предложение Рериха было рассмотрено 24 июля 1959 г. на заседании Советского комитета «Восток – Запад», который был создан на базе Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. Директор Института востоковедения АН СССР Б. Г. Гафуров, поддержав идею Рериха, сказал: «Товарищ Рерих недавно поднимал такой вопрос: организовать совместное изучение кушанского периода. Я считаю, что это очень выгодная для нас работа. Чем отличается кушанский период? <...> Это был такой период, когда в течение длительного времени не было никаких столкновений между народами. <...> Давайте поставим вопрос о разработке и широком изучении кушанского периода и совместном проведении наших мероприятий в этой области»⁴³.

Вскоре были очерчены следующие задачи, которые должна была решать международная комиссия по изучению кушанской истории: «а) учёт письменных, этнографических, нумизматических памятников Кушанской эпохи на территории СССР, Индии, Афганистана и КНР, как на местах, так и в музейных собраниях; б) археологическая разработка архитектурных памятников Кушанской эпохи (развалин населённых пунктов, буддийских вихар и ступ); в) подготовка двухтомника по истории Кушанской эпохи»⁴⁴. Была также разработана карта археологических разведок на территории Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Афганистана (Бадахшан, Нуристан, Северный Гиндукуш, долина Кабулруда), Индии (Кашмир, Пенджаб, Уттар-Прадеш) и КНР (Западный Ганьсу, Наньшань, Восточный Тянь-Шань (Карашахр – Куча – Турфан), северные предгорья Тянь-Шаня на территории Синьцзяна).

Однако развернуть такой грандиозный международный проект в то время не удалось по разным причинам, главной из которых была напряженная международная обстановка, не позволявшая ученым из разных стран вести совместно намеченные в проекте исследования. Кушанский проект был приостановлен. Однако идея Рериха по изучению кушанской истории не осталась втуне. В 1967 г. ЮНЕСКО выдвинула проект по изучению народов Центральной Азии, одно из главных мест в котором занимала проблема изучения Кушанской эпохи.

Примечания

- ¹ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Ч. 1. 433 с.
- ² Burrow T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan // Journal of the Royal Asiatic Society. 1935. Vol. 67, iss. 4. P. 667–675.
- ³ См.: Сверчков Л. М. История изучения и лингвистический анализ тохарских языков // The Bulletin of Ethnogenomics-Historical Project «Suyun» (BENPS) Moscow-Vila do Conde-Ufa. Ural, Moscow ; Suyunche, Portugal, 2016 (Nov.). Т. 3, № 10 [1, 2]. С. 806–824.
- ⁴ Там же. С. 808.
- ⁵ Рерих Ю. Н. Письмо в Парижский университет (1921) // Рерих Ю. Н. Материалы юбилейной конференции. М. : Международный Центр Рерихов, 1994. С. 9.
- ⁶ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123.
- ⁷ Рерих Ю. Н. Память о тохарах в Тибете // Краткие сообщения Института народов Азии. 1964. № 65. С. 140–143.
- ⁸ См.: Рерих Ю. Н. История Средней Азии : в 3 т. М. : Международный Центр Рерихов, 2004. Т. 1. 470 с.
- ⁹ См., напр. : Троянова Е. В. Проблемы истории и культуры народов Центральной Азии в трудах Ю. Н. Рериха : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 25 с.
- ¹⁰ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия : Статьи, лекции, переводы / науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара : Агни, 1999. С. 127.
- ¹¹ См.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия : проблемы истории и культуры / отв. ред. Б. И. Вайнберг. М. : Наука, 1977. 196 с.
- ¹² Рерих Ю. Н. Индия в долгу перед буддизмом // Буддизм и культурное единство Азии : сб. статей / пер. с англ. А. Л. Барковой, с фр. А. А. Соболевой, с тибет. В. С. Дылыковой-Парфионович. М. : Международный Центр Рерихов, 2002. С. 7.
- ¹³ См.: Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М. : Искусство, 1982. 195 с.
- ¹⁴ Рерих Ю. Н. Культурное единство Азии // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы / науч. ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара : Агни, 1999. С. 21.
- ¹⁵ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема // Там же. С. 127.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Chavannes J. Les Pays d'Occident d'argisle Hoou Nan chou // T'oung Pao. 1907. Vol. VIII. P. 190.
- ¹⁸ См.: Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. С. 130.
- ¹⁹ Grousset R. L'Asie orientale. Paris, 1934. P. 63.
- ²⁰ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. С. 132.
- ²¹ Bailey H. W. A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantsou // Asia Major. New Ser. 1949. Vol. 1, № 1. P. 31, 35, 43.
- ²² Thomas F. W., Konow S. Two medieval documents from Tun-Huang. Oslo, 1929. P. 132, 148.
- ²³ Cordier P. Catalogue du fonds tibétain de la Bibliothèque Nationale : in 8 p. P. III : Index du Bstan-'gyur. Paris, 1915. P. 408.
- ²⁴ Henning W. B. Agri and the Tokharians // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1938. № 9. P. 560.
- ²⁵ Pelliot P. Tokharien et Koutchïen // Journal Asiatique. 1934. Vol. CCXXIV. P. 23–106.
- ²⁶ Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. С. 133.
- ²⁷ Там же. С. 134.
- ²⁸ Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. С. 29–55.
- ²⁹ Воробьева-Десятовская М. И. Предисловие // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия : Статьи, лекции, переводы. С. 9.
- ³⁰ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч.
- ³¹ Воробьева-Десятовская М. И. Предисловие. С. 9.
- ³² Там же. С. 10.
- ³³ См.: Рерих Ю. Н. История Средней Азии : в 3 т. М. : Международный Центр Рерихов, 2004–2009. Т. 1. 2004. 470 с. Т. 2. 2007. 446 с. Т. 3. 2009. 316 с.
- ³⁴ Там же. Т. 1. С. 272.
- ³⁵ Там же. С. 273.
- ³⁶ Там же. С. 275.
- ³⁷ Там же. С. 276.
- ³⁸ Там же. С. 320.
- ³⁹ Там же. С. 321.
- ⁴⁰ См.: Умняков И. И. Тохарская проблема // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 181–193.
- ⁴¹ Сверчков Л. М. История изучения и лингвистический анализ тохарских языков. С. 818.
- ⁴² Там же. С. 820.
- ⁴³ Тамазишвили А. О. Деятельность Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения АН СССР // Юрий Рерих : Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. I : сборник статей и интервью / сост. В. А. Росов. 2-е изд. М. : Дельфис, 2017. С. 141–142.
- ⁴⁴ Там же. С. 142.

Поступила в редакцию 05.06.2020, после рецензирования 10.06.2020, принята к публикации 05.11.2020

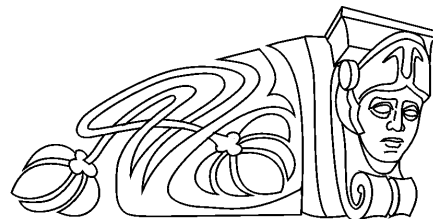
Received 05.06.2020, revised 10.06.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 29–33
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 29–33

Научная статья
УДК 9476.084.62(471.313)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области)

С. Н. Джейранов

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

Джейранов Станислав Нугзарович, аспирант кафедры истории России, stas4587@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3871-0078>

Аннотация. В статье освещаются взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в конце 1920 – начале 1930-х гг., в период коллективизации деревни, которая сопровождалась разрушением традиционного мира, драматической ломкой привычного уклада жизни. В центре внимания – политика наступления на РПЦ, выражавшаяся в закрытии храмов и монастырей, воинствующем атеизме, мерах репрессивного воздействия по отношению к священникам. На примерах Рязанского и Тульского округов Московской области анализируются протестное движение крестьян против антирелигиозной политики власти, активные и пассивные формы сопротивления. Формулируется вывод о том, что сопротивление крестьян антицерковной политике власти фатально было обречено на поражение.

Ключевые слова: Московская область, РПЦ, 1920 – начало 1930-х гг., колхоз, коллективизация, церковь, сельсовет, священник, крестьянин, кулак, закрытие церквей, бунт

Для цитирования: Джейранов С. Н. Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 29–33. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

Power and the Church during the period of collectivization in the Moscow region

Stanislav N. Jayrunov, stas4587@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3871-0078>

Ryazan State University named for S. Esenin, 46 Svobody St., Ryazan 390000, Russia

Abstract. The article highlights the relationships between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the «Russian Orthodox Church») in the late 1920s and early 1930s, during the period of collectivization of the villages, which was accompanied by the destruction of traditional life, a dramatic violation of the usual way of life. The focus is on the policy of attacking the Russian Orthodox Church, expressed in the closure of churches and monasteries, militant atheism and repressive measures against priests. The examples from the Ryazan and Tula districts of the Moscow Region analyze the protest movement of peasants against the anti-religious policies of the authorities, active and passive forms of resistance. At the end of the article, the author concludes that the resistance of the peasants to the anti-church policy of the authorities was fatally doomed to be defeated.

Keywords: Moscow Region, Russian Orthodox Church, 1920s – early 1930s, collective farm, collectivization, church, village council, priest, peasant, fist, church closure, riot

For citation: Jayrunov S. N. Power and the Church during the period of collectivization in the Moscow region. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 29–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-29-33>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В российской исторической науке изучены религиозные настроения деревенского населения в период коллективизации сельского хозяйства. Есть фундаментальные исследования в этой области, например, монография В. С. Батченко, в которой рассматриваются активные и пассивные формы протеста крестьянства в ответ на антицерковную

политику советского государства¹. В монографии Ж. В. Яковлевой на примере «писем во власть» и других архивных материалов анализируются формы протеста представителей всех конфессий и религиозных групп на территории Саратовского Поволжья в период коллективизации². Однако в этой проблеме еще имеются пробелы, которые

пытается заполнить автор статьи на примере Московской области.

В 1928 г. меняется формат государственно-церковных отношений. На собрании актива московской организации ВКП (б) Сталин, призвавший в условиях кризиса хлебозаготовок к наступлению на кулака, соединил его с необходимостью проведения «самой боевой антирелигиозной работы в массах»³. Утверждалось, что кулаки поддерживают религиозные организации. 8 апреля 1929 г. был принят Закон «О религиозных объединениях», который регламентировал всю деятельность религиозных организаций под контролем власти. Активизировалась деятельность «Союза воинствующих безбожников», заявившего о необходимости «безбожной пятилетки»⁴.

Стали закрываться последние монастыри, еще сохранившиеся кое-где в провинции. Так, был закрыт бывший Чернеевский женский монастырь, с 1923 г. существовавший под вывеской трудовой общины с. Старое Чернеево Шацкой волости Сасовского уезда. Устав «Свято-Николаевского религиозного общества при женской трудовой общине» был зарегистрирован 27 июля 1923 г. Шацким уездным управлением. Все постройки и богослужбное имущество были приняты в бесплатное и бессрочное пользование. Облик общины сохранил монастырский вид. На 18 десятиах земли трудились 52 бывшие монахини. Скандальное разоблачение начала спецкомиссия губмузея по госфондам. Президиум губисполкома, ознакомившись с материалами обследования комиссии, предложил губземуправлению совместно с сельскохозяйственной кооперацией, губмузеем, Сасовским уисполкомом и Шацким волисполкомом произвести с выездом на место обследование женской трудовой общины бывшего Чернеевского монастыря. Президиуму Сасовского уездного исполкома предлагалось расторгнуть договор на передачу общине построек, не относящихся к богослужбному имуществу⁵.

Дело не ограничивалось только закрытием уцелевших к тому времени монашеских обителей. Последовали аресты насельников. 23–29 июня 1931 г. были арестованы 46 монахинь ранее закрытого Тульского Успенского монастыря. Все они были осуждены по ст. 58–10 УК РСФСР⁶.

Государственная политика наступления на церковную организацию включала в себя следующие меры: закрытие и ликвидацию храмов, препятствование к осуществлению богослужбной деятельности, запрет колокольного звона, налоговое давление, завышение страховых платежей, отказ в регистрации религиозного объединения, раскулачивание священника или доведение его до отказа от сана и т. д.

Представление о характере провокационных антирелигиозных акций со стороны местных властей, обостряющих противостояние Церкви и государства в деревне, помогает сформировать пресса тех лет и архивные документы. В качестве примера

можно использовать материалы рязанской газеты «Рабочий клич». Вот некоторые выдержки из нее.

Статья под заголовком «Враг наступает» сообщала о «20-тысячной армии врагов в составе 3585 человек духовенства, 13000 членов церковных советов и 4000 сектантов». Всего в Рязанской епархии на тот момент насчитывалось 1195 молитвенных домов⁷.

В номере газеты «Рабочий клич» от 8 марта 1928 г. содержалась следующая информация. Районный совет Рязанского Союза безбожников принял установку на организацию антирелигиозной работы так, чтобы на Пасху люди шли не в церковь, а в клуб. В этих целях предполагалось провести открытые киносеансы у клубов с установкой громкоговорителей и вывесить антирелигиозные лозунги. Рекомендовалось противопоставить поповской Пасхе культурный отдых. Клубы и избы-читальни должны были отвлечь трудящихся от церкви.

Директива Президиума губернского совета профессиональных союзов и Союза безбожников, опубликованная в номере газеты от 14 апреля, рекомендовала в канун Пасхи организовать массовые вечера во всех клубах и красных уголках, используя для этого помещения учреждений и предприятий. Перед зрелищной частью планировались атеистические лекции. Начать бесплатные киносеансы планировалось в 10 ч вечера перед праздничной службой, а на следующий день организовать массовые детские утренники и киносеансы. Кроме того, Союз безбожников призывал сделать светлую седмицу буднями с общественно полезным трудом и воскресниками (в первый день Пасхи) по очистке домов, садов. В сельских клубах и избах-читальнях должны быть организованы тематические лекции с опытами по физике и химии с привлечением инженеров, агрономов и учителей.

В результате подобных провокационных действий, инспирируемых Союзом безбожников в период пасхальных праздников, в деревне вспыхивали серьезные конфликты на религиозной почве. Из «Обзора Рязанского губотдела ОГПУ о политнастроениях православного духовенства и противодействии крестьян антирелигиозным мероприятиям власти» можно найти следующие факты. «В с. Горлово Скопинского уезда на собрании, созванном местными организациями как антипасхальное, не стесняясь, с явной антисоветской агитацией выступали церковники Жуков Владимир Иванович, Шкырин Александр и Чиликин Семен, которые, сорвав собрание, вызывали граждан на демонстрацию против безбожия. Главным инициатором и руководителем со стороны являлся священник того же села. По тому же случаю взволнованной пьяной толпой 5 мая с. г. был избит член ВИКа Кудимов, на которого набросились с криками: “Бей коммунистов!” В избиении принимал активное участие член церковного совета Паршиков, подстрекаемый попом Крыловым, который до этого неоднократно выступал с проповедью против безбожия...»⁸.

Согласно информационной сводке Тульского окружкома ВКП (б) от 17 июня 1929 г., антипасхальная кампания позволила вынести два решения крестьян о закрытии храмов в Михайловском районе, а также два решения о запрещении священникам ходить по домам. В ходе кампании было прочитано 179 лекций с охватом 15 700 чел., проведены 2 факельных шествия с 3 тыс. участников, организованы 3 антипасхальных карнавала. Согласно реляции храмы посетили 270 чел., клубы и киносеансы – 1120 чел. Членов колхоза в первый день Пасхальной недели выводили на работу в поле. Проводились праздники «Первой борозды».

В той же сводке читаем следующее: «В Ивановском сельсовете Тепло-Огаревского района во время антипасхального вечера молодежи под влиянием попа Михайловского был совершен хулиганский поступок, имевший целью сорвать вечер. В окно избы-читальни, где проходил вечер, был брошен увесистый булыжник. Этот поп ведет по селам яростную антисоветскую агитацию, результатом чего 14-го мая в с. Бородиловке кулаки и зажиточные решили устроить празднование 1-го Мая по старому стилю. Под лозунгом «Праздника трудящихся» целый день в церкви была служба. Утром в этот день кулаками было организовано шествие с красными знаменами вокруг церкви. Во время шествия пелись контрреволюционные песни... Вдохновителем и организатором этого дела был местный поп Михайловский, систематически ведущий контрреволюционную работу. По сообщению Прокопчука, настроение было такое, что попу Михайловскому только оставалось призвать местное кулачество к оружию»⁹.

Оперативные сводки Рязанского и Тульского окротделов ОГПУ о ситуации и основных происшествиях в округе в связи с коллективизацией сообщали о многочисленных коллизиях. В Мишенском сельсовете Милославского района (Тульского округа) поп Амонов среди крестьян вел контрреволюционную агитацию, говоря: «Советскую власть скоро свергнут и коммунистов всех перестреляют». Поп был арестован 2 октября 1929 г.¹⁰

В начале 1933 г. Каширским райотделом ОГПУ Тульского округа был арестован священник о. Анатолий Преображенский. По показаниям свидетелей он систематически вел контрреволюционную агитацию. По их словам, батюшка собирал у себя дома верующих и «под видом раздачи святой воды» обсуждал с ними голод, тяжелую жизнь, недостатки существующей власти. Также священник якобы говорил: «Теперь народу стало понятно, что так жить нельзя, когда заставляют работать по-ударному без разгиба, а хлеба не дают, все ходят голодными». Свидетели показывали, что в результате деятельности священника «среди прилегающих селений наблюдаются нездоровые настроения». В результате «тройка» ОГПУ по Московской области приговорила о. Анатолия к заключению в лагерь сроком на три года по ст.58–10 УК РСФСР¹¹.

В том же Каширском районе иерей церкви с. Липицы Алексей Троицкий, чтобы прокормить семью устроился на работу в молочную артель. Однажды на собрании весной 1930 г. священник выступил против покупки стада коров, заявив, что власть все равно их заберет. Эти слова не остались незамеченными. На заседании рабочей бригады решили обсудить вопрос «об изоляции попа». Говорили, что о. Алексей принуждает женщин выступать против коллективизации, а на молодежь воздействует «через организацию хорового кружка». Также священника упрекали в связях с сосланным на Соловки братом – епископом Илларионом. В итоге постановили: «Просить РК ВКП (б), ввиду вышеуказанных фактов и принимая во внимание религиозное возбуждение против колхозов, изолировать попа Троицкого... Принять меры к конфискации имущества»¹².

Причины сопротивления носили не только идеологический, но и социально-экономический характер. Духовенство ориентировалось на средние и зажиточные слои деревни, от которых во многом зависело его благополучие. Именно эти слои и вместе с ними духовенство не приняли коллективизацию, направленную на их ликвидацию. Священники были приравнены к кулакам: их не принимали в колхозы, и так же, как единоличников, обкладывали непосильными налогами. Налоговый пресс и политическое давление вынуждали многих снимать сан.

В информационном письме Милославского райкома партии в Тульский окружком ВКП (б) от 27 сентября 1929 г. читаем: «В Муравляновском сельсовете поп подал заявление в РК ВКП (б) о снятии сана и о восстановлении в гражданских правах. Ячейка ВКП (б) решила созвать собрание граждан этого села и, по договоренности с попом, поставила сообщение попа о снятии сана. Поп, сделав сообщение об отречении от сана, уклонился от ответа на вопросы, которые задавались о Боге, религии и т. п. До собрания церковники усиленно уговаривали попа не высказываться на собрании, затем пытались сорвать собрание. Собрание вынесло постановление следующего содержания: “Информацию попа принять к сведению, поставить вопрос перед сельсоветом о закрытии церкви, просить райисполком и другие организации открыть в церкви школу 2–1 ступени. Просить организации не восстанавливать в правах паразитов”. РК просит оказать поддержку в открытии школы повышенного типа, т. к. в районе нет ни одной»¹³.

Главной причиной закрытия храмов на местах становилось отсутствие священника. Поэтому крестьяне вставали на защиту подвергающегося репрессивному воздействию священника, дабы не потерять приход. В спецдонесении Рязанского окротдела ОГПУ в окрисполком читаем: «В с. Ерахтур того же района комиссия по раскулачиванию зашла в дом к попу Флоренскому. Член комиссии Курицын предложил попу постричься и немедленно уехать (на это ему дали 15 минут), Флоренский так и сделал. На 2-й день в воскресенье последний должен был совершать службу, но его не было. Возбужденная толпа

женщин требовала возврата попа, и дело чуть было не вылилось в организованное выступление...»¹⁴.

В записке в Информационный отдел ОГПУ МВО приводится способ защиты священника путем давления на местную власть. «4 марта 1930 г. в с. Микитинском Спас-Клепиковского района собралась к зданию с/совета толпа женщин в 100 чел. с требованием освободить дом попа и дать гарантию, что последний не будет арестован, при невыполнении угрожали устроить демонстрацию...»¹⁵.

С конца 1928 – начала 1929 г. ОГПУ отмечало увеличение количества массовых выступлений на религиозной почве и численный рост участников в этих выступлениях. Из докладной записки Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г., составленной 15 марта 1931 г., узнаем, что по всей стране за 1930 г. было зафиксировано 13 754 массовых выступления, 1487 из них – на религиозной почве¹⁶.

В 1929 г., когда коллективизация только начиналась, вопрос о закрытии храмов решался пока еще с учетом интересов верующих. Так, например, в с. Гулынки Старожилковской волости Рязанского уезда верующим по договору было передано два здания: одно – каменное, приспособленное для культовых целей и второе – деревянное, полуразрушенное и никем не используемое. Гулынский сельский совет ходатайствовал о предоставлении старого здания церкви под избу-читальню¹⁷.

В с. Ершово Спас-Клепиковской волости за закрытие храма и использование его под клуб проголосовали большинство жителей (141 против 30). В справке Ершовского сельсовета указывалось, что в 4 км от с. Ершово в Спас-Клепиках имеется храм, который и будут посещать верующие. К ходатайству о закрытии церкви сельсовет приложил заявления граждан с просьбой не считать их верующими, поскольку они были записаны членами общины без их ведома¹⁸. В г. Спасске по решению Спасского горсовета и общего собрания рабочих и крестьян был передан под культурное учреждение собор (2323 голоса из 3374), верующим остались две, оснащенные всем необходимыми для службы, церкви¹⁹.

Большинство верующих с. Шилово Рязанского округа выразили желание использовать храм под школу, а религиозные потребности удовлетворять в церквях с. Новоселки и с. Борки. Верующие с. Елатьма, в пользовании которых находилось 7 храмов, добровольно отказались от пяти, отдав их под культпросветучреждения²⁰.

Имели место и спорные вопросы. Так, например, на заседании Рязанского уездного исполнительного комитета Рязанской губернии 22 апреля 1929 г. отмечалось, что при населении 3699 чел. в городе имеется пять больших церквей, поэтому решено было передать Соборную церковь под культурно-просветительские нужды. Однако от православной общины верующих в Рязанский губисполком было направлено заявление с просьбой не менять назначение храма. Просьба была удовлетворена²¹.

В 1930 г. по мере развертывания коллективизации созданным колхозам не хватало хозяйственных помещений. Чтобы решить эту проблему, храмы закрывали и перепрофилировали для хозяйственных нужд. Присутствовали и идеологические мотивы.

Подобные действия власти нагаливались на сопротивление верующих. Вот строки из оперативной сводки Рязанского окружкома: «23 февраля в с. Кулики Шацкого района распространился слух о разрушении местной церкви, на основании того, что председатель сельсовета сдал в утиль-сырье два церковных подсвечника. Собралась толпа женщин, и произошло большое волнение. Председателя местной коммуны ударили кирпичом по голове, а одного комсомольца поколотили за то, что он грубо разгонял собравшихся женщин. В ночь на 25 февраля в селе произошло два подпольных собрания женщин... Утром 25 февраля толпа женщин около 250 чел. собрались к совету местной коммуны и потребовали проверки церковного имущества, так как в красном уголке и других местах ими были обнаружены обломки церковной утвари и икон. Среди женщин было сильное возмущение грубым обращением председателя коммуны и комсомольцев»²².

На территории Рязанского округа по состоянию на 25 апреля 1930 г. из 835 зданий культа (в том числе 20 мечетей) 37 были закрыты, 798 продолжали функционировать²³. По сравнению с 1928 г. (1195), количество действующих храмов заметно сократилось.

Аналогичная ситуация сложилась в соседних регионах. Резонансным конфликтом сопровождалось закрытие Румянцевской церкви Ново-Николаевского района Тульского округа. В материалах бюро Тульского окружкома ВКП (б) подробно освещаются все детали этого события. После передачи церкви сельсовету в ней был украден сосуд с приборами. Факт кражи пошли освидетельствовать секретарь ячейки и Покровский. Войдя в церковь, они курили, сядились на престол и расспали «святые дары». Это стало известно верующим. В результате собрались 16 чел. бедноты и 50 чел. середняков. Выступления в большинстве были направлены против действий партячейки, а один крестьянин договорился до заявления, что бедняки – лодыри и пьяницы – не помогают государству. Выступали двое или трое бедняков и они отказались от вынесенного ими же постановления о закрытии церкви. В конечном итоге окружком партии решил немедленно открыть церковь в с. Румянцево, наложить партвызыскания на председателя РИКа, начальника РАО (районного административного отдела) и секретаря партячейки, а также создать ячейку безбожников, развернуть систематическую антирелигиозную и культурно-политическую работу²⁴.

На закрытых заседаниях бюро Ефремовского райкома ВКП (б) Тульского округа 31 мая – 1 июня 1929 г. был заслушан вопрос «О событиях в городе в связи с взятием церкви “Спас”». Эту церковь предполагалось передать под военный склад раскварти-

рованного в городе полка. В момент изъятия церковных ценностей в ночь на 27 мая 1929 г. с участием милиции и армии были поломаны некоторые иконы. Налицо были нетактичное поведение и оскорбление чувств верующих. В ответ со стороны населения последовало открытое оскорбление представителей власти, а также ругань, швыряние камнями. До этого состоялся крестный ход с иконами на святой источник. Женщины окружающих деревень требовали выступления представителя власти с разъяснениями. Изъятие церкви означало изъятие части кладбища. В этой ситуации было решено приостановить передачу кладбищенской церкви полку²⁵.

Столкнувшись с перегибами на местах, политическое руководство отреагировало статьей Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в «Правде» 2 марта 1930 г. и Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 марта того же года «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В нем руководство страны обязало партийные организации «прекратить практику закрытия церквей в административном порядке»²⁶. Например, за незаконное закрытие церкви и засыпку ее зерном в с. Кулики Шацкого района прокуратурой Рязанского округа были привлечены к ответственности член президиума и трое уполномоченных райисполкома²⁷.

В заключение следует отметить, что усиление классовой борьбы в деревне в эпоху коллективизации поставило под удар церковную организацию: большинство сельских храмов было закрыто, а священники как пособники кулака были серьезно ограничены в правах и служении или репрессированы. Воинствующий атеизм стал одним из идеологических компонентов коллективизации. Наступление на традиционные основы крестьянского мировоззрения, образ жизни и психологию вызвало ожесточенное сопротивление крестьян, в особенности женщин, в защиту веры, храмов и священства. Колхозное строительство ассоциировалось с деянием антихриста. Были сформированы определенная культура и формы сопротивления: от пассивных (тайные моления, хранение икон) до активных (срыв антирелигиозных агитационных мероприятий, открытые протесты и восстания). Борьба крестьянского мира с антицерковной политикой центральной и местной властей заведомо была обречена на поражение. Тем не менее именно она позволила сохранить отдельные храмы как очаги религиозности и элементы православной традиции в провинции. Придавленная властью традиционная сельская религиозность и вынужденный конформизм нашли выход позднее, в годы войны, в виде массовых ходатайств об открытии храмов.

Примечания

- 1 См.: Батченко В. С. Власть и вера : антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. СПб. : Петроглиф, 2019. 336 с.
- 2 См.: Яковлева Ж. В. «Марш отсюда... Церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!» : Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). Саратов : Техно-декор, 2020. 252 с.
- 3 Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. С. 145.
- 4 Алексеев В. А. «Правая оппозиция» и борьба с религией // Агитатор. 1989. № 5. С. 41, 43.
- 5 См.: В глуши лесов сосновых... // Рабочий клич : орган Рязанского губкома ВКП (б) и губисполкома. 1928. 14 апр. № 82.
- 6 Из архивной справки УФСБ по Тульской области по делу П-1433. Л. 25–30.
- 7 См.: Враг наступает // Рабочий клич. 1929. 31 авг.
- 8 Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 32–36.
- 9 Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–5.
- 10 Там же. Л. 44.
- 11 См.: Прихожане Каширских храмов, пострадавшие за веру православную в годы лихолетья : в 3 кн. / сост. протоиерей В. Коценко. Кашира : ООО «Светоч», 2012. Кн. 2. С. 5.
- 12 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П.-78627.
- 13 ГАТО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 39.
- 14 ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 376–387.
- 15 Там же. Л. 360.
- 16 См.: Трагедия советской деревни : Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. Т. 2 : Ноябрь 1929 – декабрь 1930 гг. / отв. ред. Н. Ивницкий. М. : РОССПЭН, 2000. С. 787.
- 17 См.: ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1748. Л. 62.
- 18 Там же. Л. 205.
- 19 Там же. Л. 425.
- 20 Там же. Л. 526.
- 21 Там же. Л. 99.
- 22 Там же. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 349.
- 23 Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1748. Л. 643.
- 24 См.: ГАТО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 309. Л. 174, 174 об., 175, 175 об., 176, 176 об., 177, 177 об.
- 25 Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 42. Л. 278–278 об., 280–280 об. 281.
- 26 КПСС в резолюциях и документах съездов, пленумов и конференций : в 11 т. М. : Политиздат, 1984. Т. 5. С. 103–104.
- 27 ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2(вн.1). Д. 5. Л. 655–656.

Поступила в редакцию 20.05.2020, после рецензирования 22.06.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 20.05.2020, revised 22.06.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 34–39
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 34–39

Научная статья
УДК 94(47).084.8
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-34-39>

Методологические и источниковедческие проблемы изучения повседневной жизни сотрудников центрального аппарата Советской военной администрации в Германии

А. В. Власов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Власов Алексей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, aleksvlasov3007@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2453-0255>

Аннотация. В статье анализируются методологические и источниковедческие сложности, с которыми сталкиваются исследователи повседневности сотрудников Советской военной администрации в Германии. Основное внимание уделяется историографическим предпосылкам обращения к данной теме, объекту изучения, особенностям различных источников и проблеме «поиска» повседневности в них.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, история повседневности, советская оккупационная зона, восточная Германия, Берлин, советская оккупационная политика в Германии

Для цитирования: Власов А. В. Методологические и источниковедческие проблемы изучения повседневной жизни сотрудников центрального аппарата Советской военной администрации в Германии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 34–39. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-34-39>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-34-39>

Methodological and source problems of studying the daily life of employees of the Central office of the Soviet military administration in Germany

A. V. Vlasov

Alexey V. Vlasov, aleksvlasov3007@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2453-0255>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of methodological and source-related difficulties faced by researchers of everyday life of employees of the Soviet military administration in Germany. The main attention is paid to the historiographical prerequisites for addressing this topic, the object of study, the features of various sources and the problem of «searching» for everyday life in them.

Keywords: Soviet military administration in Germany, history of everyday life, Soviet occupation zone, East Germany, Berlin, soviet occupation policy in Germany

For citation: Vlasov A. V. Methodological and source problems of studying the daily life of employees of the Central office of the Soviet military administration in Germany. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 34–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-34-39>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Формирование и развитие нового мироустройства после 1945 г. было и продолжает оставаться одной из актуальнейших историографических научных проблем, которую пытаются решить представители различных направлений и школ. Разница в методологических и особенно в

мировоззренческих подходах объективно обусловила остроту дискуссии и полемики и практическую невозможность достижения компромисса. Бескомпромиссность позициям представителей разных историографических и методологических направлений в значительной мере придавала

жесткая идеологическая борьба, продолжавшаяся вплоть до самого конца 1980-х гг. между «социалистической» и «капиталистической» системами государств, находившимися в постоянном противоборстве «холодной войны».

Одним из элементов функционирования сложного мироустройства первых послевоенных лет в Европе была деятельность Советской военной администрации в Германии. Она имеет достаточно широкое историографическое освещение как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, однако не все ее стороны получили достаточно глубокую научную разработку. В частности, одной из таких сторон является повседневная жизнь сотрудников Центрального аппарата Советской военной администрации в Германии (далее – ЦА СВАГ), которая представляется достаточно сложным разносторонним и многофункциональным явлением. Его исследование требует неординарного методологического подхода и разносторонней источниковой базы.

После объединения Германии и прекращения существования СССР исследователям стали доступны многие ранее закрытые советские и восточногерманские архивные документы, что позволило существенно скорректировать имевшиеся научные знания о функционировании советской зоны оккупации и деятельности ЦА СВАГ. Как известно, на территории советской зоны оккупации в октябре 1949 г.¹ образовалось второе независимое германское государство – Германская Демократическая Республика (далее – ГДР). Первое и в момент провозглашения единственное независимое германское государство – Федеративная Республика Германия (далее – ФРГ) – было образовано весной 1949 г.² Вовлечение в оборот новых архивных документов, связанных с послевоенным советским присутствием в Германии, позволило сместить акцент в исследованиях причин раскола Германии с вопроса «что произошло?» на вопрос «как произошло?»³

Однако даже расширение источниковой базы не позволило сблизить позиции двух основных противоборствующих направлений в историографии, возникших еще в середине XX в. Дискуссии ведутся о роли и последствиях советской политики в Германии, идет поиск объективного ответа на вопрос: планировало правительство СССР изначально советизацию Восточной Германии или нет?⁴ Одно историографическое направление защищает позицию об изначальной политике советизации, которую проводило руководство СССР в своей зоне оккупации. Второе направление трактует советизацию как результат противоречивых и изменчивых позиций союзников после окончания Второй мировой войны и начала холодной войны. В том или ином виде взаимосвязь политики советизации и вопроса раскола Германии присутствует во всех статьях и монографиях, посвященных Советской оккупационной зоне и вышедших в

свет в первые десятилетия после распада СССР и социалистического лагеря.

Среди этих многочисленных работ следует выделить исследования, проведенные в стиле классического позитивизма. В них, несмотря на общий методологический подход, представлены разные ответы на вопросы о причинах, целях и результатах советизации Восточной Германии, процесс советизации раскрывается с разных ракурсов. Исследуются политическая, культурная, социальная и экономическая сферы жизни советской оккупационной зоны. Прежде всего, это работы Я. Фойтцика⁵, М. И. Семиряги⁶, Э. Шерстяного⁷, Н. П. Тимофеевой⁸, Н. Неймарка⁹, Д. Пайка¹⁰, Р. Ю. Болдырева¹¹, В. В. Захарова¹².

Как полагает Э. Шерстяной, позитивисты, опираясь на архивную революцию, на интенсификацию международных контактов, серьезно переосмыслили событийный ряд, расширили спектр тематических полей исследования и, несмотря на разные, порой противоположные результаты исследования, своими работами способствовали формированию общего мнения о том, что необходимость дальнейшего изучения советской политики в Германии перестала существовать. Автор называет такую ситуацию кризисной и ее причины видит в нежелании сторонников позитивизма рассматривать новые архивные документы «менее тенденциозно», отмечая при этом, что «нельзя напрямую безоговорочно связывать замыслы исторического субъекта с тем, что получилось в итоге, и наоборот»¹³.

Имевший место кризис привел, в частности, к прекращению издания сборников документов и работы международных объединений исследователей по разработке архивов Советской военной администрации в Германии¹⁴. Этот факт один из современников охарактеризовал фразой: «Время больших проектов прошло»¹⁵.

Выходом из сложившейся ситуации, как представляется, стало использование культурологических и антропологических подходов при изучении источников по советской оккупационной зоне и СВАГ. В конце первого и второго десятилетий XXI в. это привело к появлению серии работ, раскрывающих особенности межкультурного взаимодействия и восприятия инокультурной среды сотрудниками СВАГ (Н. П. Тимофеева¹⁶, А. В. Власов¹⁷), повседневность сотрудников СВАГ на основе структурно-функционального анализа¹⁸ и их взаимодействие с органами немецкой власти для решения повседневных вопросов¹⁹ (Р. Ю. Болдырев), социальную политику СВАГ (Д. Г. Балашов)²⁰.

Особое место занимает серия культурологических очерков В. А. Козлова и М. Е. Козловой, в которых авторы сосредоточили свое внимание на военно-бюрократическом лексиконе военнослужащих²¹, квартирном вопросе²², кадровой политике²³, партийной жизни²⁴ и т. д.

Возросшее в 2010-х гг. обилие исследований по истории повседневности сотрудников СВАГ

обнажило целый комплекс источниковедческих и методологических проблем ее изучения, которые до сих пор нуждаются в осмыслении историков.

Во-первых, исследование повседневности сотрудников СВАГ упирается в необходимость конструирования и объективации социальной группы, которая бы являлась наиболее репрезентативной для изучения и обоснования выводов. Территориальные рамки советской оккупационной зоны в Германии охватывали провинции (Бранденбург, Мекленбург, Саксония-Ангальт), федеральные земли (Саксония и Тюрингия), а также советский сектор Берлина²⁵.

Каждый регион имел свою специфику, которая существенно влияла на повседневность советских сотрудников: экономические особенности, степень урбанизации, наличие или отсутствие границ с другими оккупационными зонами, различный уровень достатка и идеологической индоктринации населения, политические традиции, настроения местного населения, круг решаемых советской администрацией задач по демократизации и денацификации Германии и, наконец, особенности дислокации органов советской военной администрации.

Наиболее компактной и однородной социальной группой представляются сотрудники ЦА СВАГ, который располагался в советском секторе Берлина и в провинции (с 31 мая 1947 г. – земли²⁶) Бранденбург (фактически – пригороды Берлина). Упор на эту группу позволяет получить данные наибольшей однородности профессионально-личностного опыта сотрудников, а также сферы их специализации при решении целей и задач оккупационной политики СССР.

Объективация сотрудников ЦА СВАГ позволяет проследить влияние личности исполнителя, его образа жизни и повседневных практик на реализацию и результаты большой политики Советского государства в германском вопросе. Примечателен тот факт, что большинство сотрудников в регионах занимали должности в комендатурах, что уже может представлять для исследователя иную, вполне цельную социальную группу, однако документы комендатур до сих пор засекречены²⁷ и находятся в Центральном архиве министерства обороны²⁸. Общая характеристика частной и повседневной жизни сотрудников комендатур и их роли в послевоенной жизни была реконструирована в статье Э. Шерстяной²⁹.

Во-вторых, перед исследователями стоит вопрос возможности изучения повседневности. Что понимать под повседневностью? Выбор методологического инструмента дает как определенные возможности, так и ограничения. Сама «история повседневности» представляет собой восприятие антропологических (этнологических), социологических и философских идей исторической наукой в XX в., что в свою очередь требует от исследователя междисциплинарного подхода, в рамках которого он будет создавать методологическую структуру

работы. Для советского послевоенного общества анализ идей и методов, позволяющих изучить повседневность, уже являлся предметом отдельного исследования³⁰. В отношении сотрудников ЦА СВАГ такие исследования не проводились, однако подробное рассмотрение применения различных социальных теорий в этой предметной области требует отдельного рассмотрения.

Повседневная жизнь, заботы и мысли сотрудников ЦА СВАГ «спрятаны» от историка. Архивные документы, которые своими заголовками могут заявить о наличии в них элементов содержания повседневной жизни, практически отсутствуют. Важно понимать особенность ведения архивного дела в прошлом: чиновники и архивариусы как в СССР, так и в других странах, целенаправленно не сохраняли документы для будущих исследований повседневности, потому что для них она еще не являлась объектом внимания в нашем понимании. Источники не создавались так, как желает социальный историк³¹. То есть изучение повседневной жизни является преимущественно целенаправленной рефлексией самого исследователя, при том, что она находится в другом культурном и историческом контексте. Методологическим инструментом, позволяющим сгладить эту эпистемологическую проблему (эпистемология – философско-методологическая дисциплина, исследующая знание как таковое, его строение, структуру, функционирование и развитие), является эмический подход (эмический подход – взгляд изнутри, свойствен личности, интегрированной в данный культурно-исторический контекст)³².

В-третьих, проблемой является репрезентативность эмпирической базы исследования. Прежде всего, внимание исследователя сосредоточено на архивных документах ЦА СВАГ и на соотношении документов директивно-распорядительного и отчетного, справочно-аналитического характера. Именно последние в большей степени позволяют применять культурологические и антропологические подходы. Необходимую информацию о повседневности можно извлечь из документов о моральном состоянии и настроениях сотрудников и документах партийных собраний, а также в отчетах «интеллектуальных» структур ЦА СВАГ.

Кроме того, можно найти документы о нарушениях дисциплины, чрезвычайных происшествиях, состоянии здоровья, заработной плате и коммунальных услугах, правилах службы и о жалобах от немецкого населения³³. Однако интерпретация архивных источников сталкивается в большинстве случаев с измененной и многоликой картиной реальности в советской оккупационной зоне, что вынуждает исследователя искать причины и проявление коллективных и индивидуальных мотивов творчества авторов источников. Прежде всего, это относится к документам, которые циркулировали между отделами внутри ЦА СВАГ и ведомствами в Москве (как наркоматами (министерствами), так и отделами ЦК)³⁴.

По обоснованному предположению Я. Фойтцика, «отдельные организационные сегменты – к ним мы относим и СЕПГ (Социалистическую единую партию Германии. – А. В.), и отраслевые ведомства преследовали партикуляристские интересы. <...> ... в рамках представленной модели было возможно одновременно проводить политику расчленения Германии и политику её объединения и притом манипулировать акцентами во временной перспективе в зависимости от конкретного расклада политических интересов»³⁵. Данный клубок противоречий, завязанный, прежде всего, на экономических и политических интересах СССР в Германии, приходится также учитывать исследователю повседневности ЦА СВАГ.

В-четвертых, компенсация недостатков и ограниченной репрезентативности архивных документов происходит за счет обращения исследователей к нарративным источникам, которые могут воедино за счет рефлексии соединить события, память, жизненный опыт и текущую ситуацию (момент написания) друг с другом³⁶. Исследование источников личного происхождения было проведено автором ранее³⁷, здесь же стоит отметить важные замечания.

Все мемуары соответствуют трем «культурам воспоминания», которые передавали свое своеобразие данным источникам помимо их общей субъективности и возможным неточностям. Первая «культура воспоминания» датируется 1950–1960 гг., когда память о послевоенной оккупации была законсервирована в публичном пространстве и выражалась в основном сотрудниками средств массовой информации, что отразилось в практическом отсутствии субъективных оценок, а также в провозглашении прогрессивности советской политики в Германии.

Вторая «культура воспоминания» отмечена бумом издания мемуаров в 1960–1980-е гг., когда преимущественно выходили воспоминания высших офицеров из структуры ЦА СВАГ (Г. К. Жукова, Ф. Е. Бокова, С. И. Тюльпанова и др.), которые задавали рамки памяти о тех событиях (освободительная миссия советской «оккупации», дружба советского и немецкого народов, успешность и результативность советской политики).

Третья «культура воспоминания», которая относится к постсоветскому периоду, продемонстрировала плюрализм оценок советской оккупации и обилие субъективных впечатлений в мемуарах, а также смогла освободить от цензурных рамок память о послевоенном пребывании советских граждан в Германии, которая долгое время подвергалась умолчанию. Эти особенности мемуарного нарратива приходится учитывать при анализе данных источников, однако их обоснованность и пригодность применения во многом зависят от сопоставления с архивными документами.

В-пятых, до сих пор незадействованным источником для изучения повседневности сотрудников ЦА СВАГ является периодическая печать

– газета «Советское слово», выходившая в Берлине в 1947–1953 гг.³⁸ Проблема включения данного источника в исследование заключается в доминировании партийного и идеологического дискурса в структуре и тематике публикаций газеты, формирующего отшлифованный фасад ЦА СВАГ. В обстоятельствах начала холодной войны практически все средства информации бывших союзников были направлены на дискредитацию оппонентов. Однако при тщательном анализе за выстроенным фасадом исследователю доступна каждодневная хроника происходивших событий и определенных реакций на них, возможность отслеживания новостной повестки (в советской оккупационной зоне, в западных зонах оккупации, в СССР и в мире) сотрудников ЦА СВАГ. Однако анализ газеты «Советское слово» позволяет проследить только повседневную жизнь сотрудников в 1947–1949 гг., тогда как первые два года оккупации остаются без верификации периодической печатью.

Подводя итог, можно зафиксировать пути современного развития исследований истории советской оккупационной зоны: вместо политических и правовых проблем внимание историков сосредотачивается на культурных и антропологических вопросах. Новые темы в большей степени, чем предыдущие, сталкиваются со сложностью извлечения информации из архивных документов и других источников. Поэтому задача исследователя, темой которого является повседневная жизнь сотрудников ЦА СВАГ, состоит в том, чтобы не только строго, внимательно и аккуратно подобрать предмет своего исследования и его категориальный аппарат, четко определив их границы, но и грамотно проанализировать его источниковую базу.

Примечания

- 1 См.: История Германии : учебное пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 2 : От создания Германской империи до начала XXI века. М. : КДУ, 2008. С. 384.
- 2 Там же. С. 391.
- 3 *Неймарк Н.* Сергей Тюльпанов и Советская военная администрация в Германии // Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. : сб. документов. 2-е изд., доп. и изм. М. : АИРО-XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. С. 7.
- 4 См.: *Шерстяной Э.* Реформа Советской оккупационной политики в Германии на рубеже 1946–1947 годов // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 68–88.
- 5 *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949 : Struktur und Funktion. Berlin : De Gruyter Akademie Forschung, 1999.
- 6 См.: *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. М. : РОССПЭН, 1995. 349 с.
- 7 *Scherstjanoi E.* Sowjetische Deutschlandpolitik. Deutschland unter alliierter Besatzung 1945–1949/55. Berlin, 1999.

- ⁸ См.: Тимофеева Н. П. Немецкая интеллигенция и политика реформ : Система образования в Восточной Германии 1945–1949 гг. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 157 с.
- ⁹ Naimark N. Die Russen in Deutschland : Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin : Ullstein, 1997. 587 S.
- ¹⁰ Pike D. The politics of culture in Soviet-occupied Germany, 1945–1949. Stanford : Stanford Univ. press, 1992. 691 p.
- ¹¹ См.: Болдырев Р. Ю. Советская оккупационная политика в Германии, 1945–1949 : экономический аспект. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 253 с.
- ¹² См.: Захаров В. В. Между властью и верой : религиозные конфессии Восточной Германии в годы советского оккупационного режима, 1945–1949 // СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949 гг. : сб. документов. М. : РОССПЭН, 2006. С. 32–135.
- ¹³ Шерстяной Э. Указ. соч. С. 68–88.
- ¹⁴ См.: Захаров В. В. Серийное издание о деятельности Советской военной администрации в Германии // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 44–51.
- ¹⁵ «Время больших проектов прошло...» Интервью с В. А. Козловым // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 309–334.
- ¹⁶ См.: Тимофеева Н. П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945–1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век : материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб. : Нестор-История, 2012. С. 345–356.
- ¹⁷ См.: Власов А. В. Образ союзника и практики взаимодействия с представителями союзных администраций в повседневной жизни сотрудников Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 332–336. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-332-336>
- ¹⁸ См.: Болдырев Р. Ю. Повседневная жизнь советских военнослужащих по материалам политуправления СВАГ // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в. : материалы конференции российских и немецких историков (Тутцинг, ФРГ, 25–29 апреля 2009 г.). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. С. 141–154.
- ¹⁹ См.: Болдырев Р. Ю. Повседневная жизнь немецкой провинции в условиях Советской оккупации, 1945–1949 гг. (на примере города Галле на Заале) // Германия. Государство, общество, человек : сб. науч. ст. Кемерово : АИ «Кузбассвузиздат», 2015. С. 166–181.
- ²⁰ См.: Балашов Д. Г. Проблема занятости немецкого населения в Советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 годы) : социальный аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 5. С. 5–14.
- ²¹ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945–1949 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2013. Вып. XIV. С. 414–472.
- ²² См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Жилище как трофей : квартирный вопрос в бюрократических практиках и личных стратегиях сотрудников Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2014. Вып. XVI. С. 375–416.
- ²³ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2017. Т. XXI. С. 368–430.
- ²⁴ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2018 [14] / под ред. М. А. Колерова. М. : Модест Колеров, 2018. С. 298–415.
- ²⁵ См.: Болдырев Р. Ю. Региональная политика советских оккупационных властей в Германии, 1945–1949 : от федерализма к унитаризму // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 70–74.
- ²⁶ См.: Clarke Chr. Preußen. Aufstieg und Niedergang, 1600–1947. Bonn, 2007. S. 753.
- ²⁷ См.: Фонды Советской военной администрации в Германии в Государственном архиве Российской Федерации : в 2 ч. Ч. 1 : Каталог дел фонда Советской военной администрации в Германии (Р-7317). 1945–1953 гг. М. : Новый хронограф. 2004. С. 6.
- ²⁸ См.: Шолкович З. Б. Документы о деятельности советских военных комендатур в Восточной Германии 1945–1949 гг. // Советский архив. 1978. № 4. С. 73–79.
- ²⁹ См.: Scherstjanoi E. Erinnerungen sowjetischer Besatzungssoldaten an den ostdeutschen Nachkriegs-alltag 1945–1949 // Erinnerung an Diktatur und Krieg : Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945. Berlin : De Gruyter Akademie Forschung, 2015. S. 365–366.
- ³⁰ См.: Лейбович О. Л. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения «Время «Веселого солдата» : ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России». Пермь : Б.и., 2009. С. 250–265.
- ³¹ Scherstjanoi E. Erinnerungen sowjetischer Besatzungssoldaten an den ostdeutschen Nachkriegs-alltag 1945–1949. S. 365–366.
- ³² Pike K. L. Language in Relation to a Unified Theory of Structure of Human Behavior. 2 ed. Paris : The Hague, 1967. 762 p.
- ³³ См.: Болдырев Р. Ю. Повседневная жизнь немецкой провинции в условиях Советской оккупации, 1945–1949 гг. (на примере города Галле на Заале). С. 166–181.
- ³⁴ См.: Из истории деятельности СВАГ : интервью с ее бывшим сотрудником доктором исторических наук А. А. Галкиным / беседовал С. Н. Мудров // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 165–185.
- ³⁵ Фойтцук Я. Бедность метода // Советская политика в

отношении Германии, 1944–1954. Документы / сост., отв. ред. Я. Фойтцик. М. : Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 51.

³⁶ *Scherstjanoi E.* Erinnerungen sowjetischer Besatzungssoldaten an den ostdeutschen Nachkriegs-alltag 1945–1949. S. 373.

³⁷ См.: *Власов А. В.* «Erinnerungsdiktatur» : память о (не) советской жизни в эго-документах военнослужащих

СВАГ // Материалы Международной научной конференции «Молодежь и наука XXI века» : в 3 т. Т. I. Ульяновск : УлГАУ, 2018. С. 36–39.

³⁸ *Bednarek H.* «Sovjetskoje Slovo», die Tageszeitung der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland // Die Entwicklung der freundschaftlichen Beziehungen zwischen der DDR und der UdSSR. Berlin, 1977. S. 187–197.

Поступила в редакцию 27.10.2020, после рецензирования 31.10.2020, принята к публикации 05.11.2020

Received 27.10.2020, revised 31.10.2020, accepted 05.11.2020

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 40–47
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 40–47

Научная статья
УДК 94 (36)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-40-47>

Местное ленное землевладение в Скаловии в 1280–1371 годах

С. А. Денисов

Институт археологии РАН, Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Денисов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, densera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

Аннотация. Статья посвящена положению скаловских ленников в государстве Тевтонского ордена, которые обладали наделами 2–6 гаконов, обязуясь нести военную службу и строить укрепления. Внутри группы, чьи владения располагались преимущественно вблизи рек Мемель и Юра, наблюдались аккумуляция имущества и дробление участков, характерные для соседних прусских земель. Стабилизировав землепользование, Орден добился регулярного роста численности ленников, что свидетельствовало об успешном включении скаловов в новую социальную систему.

Ключевые слова: ленное землевладение, Скаловия, Тевтонский орден, военная служба, Великое Литовское княжество

Для цитирования: Денисов С. А. Местное ленное землевладение в Скаловии в 1280–1371 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 40–47. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-40-47>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-40-47>

Local fief system in Scalovia in 1280–1370

Sergey A. Denisov, densera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

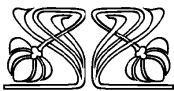
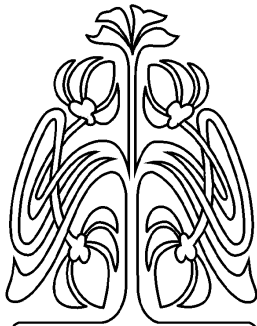
Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow 117036, Russia

Abstract. The article is devoted to the condition of lieges from Scalovia in the State of Teutonic Order, who possessed land estates of 2–6 hakens and were obliged to keep military service and built fortifications. Among representatives of this group, whose possessions were located mainly near the rivers Memel and Jura, there was accumulation of property and fragmentation of land estates. By stabilizing landholding, the Order could receive regular growing in number of lieges, that testified to successful incorporation of Scalovians in the new social system.

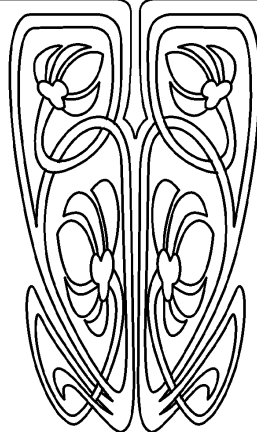
Keywords: fief system, Scalovia, Teutonic Order, military service, Grand Duchy of Lithuania

For citation: Denisov S. A. Local fief system in Scalovia in 1280–1370. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 40–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-40-47>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В 1277 г. Тевтонский орден, расширяя свои владения в Юго-восточной Прибалтике, приступил к покорению Скаловии – области, располагавшейся к северу и югу от р. Мемель между прусской землей Надровией и Великим Литовским княжеством. Победив местное войско и разорив внутренние районы области, братья вынудили скаловских нобилей Сурбанча, Свисдету и Сурдету признать в 1280 г. свою власть над ними¹. После этого местные жители, выжившие после войны, были переселены в прусские земли, что зафиксировано в грамотах² и хронике Каспара Шютца³. Включение Скаловии в состав Орденского государства официально подтверждалось актом, изданным 7 февраля 1289 г., зафиксировавшим раздел прибалтийских земель между ландмейстерами Пруссии и Ливонии⁴.

Описывая в 1326 г. покорение Скаловии, хронист Петр из Дусбурга сформулировал сложившуюся в ней демографическую ситуацию следующим образом: «И так земля та пребывала без единого жителя многие годы» («Sique terra illa fuit sine habitatore multis annis») ⁵. Эта оценка прочно утвердилась в немецком историописании XIV–XVI вв., представленном трудом Николая Ерошина⁶, Старшей хроникой великих магистров⁷ и кратким описанием прусских земель Каспара Генненбергера⁸. В 1594 г. Каспар Шютц перефразировал ее в своем труде: «... Там по сей день чаще встречаются дикие звери, чем люди» («... Da sich jetzo mehr wilde Thiere als Menschen verhalten») ⁹.

Данные оценки ставят вопрос о состоянии и значении Скаловии для братьев, которые в 1283–1410 гг. вели напряженную борьбу с Великим Литовским княжеством за политическое лидерство в Юго-восточной Прибалтике, сопровождавшуюся постоянными войнами. Соответственно выселение из Скаловии местных жителей, приведшее к ее опустошению, могло быть причиной создания здесь буферной зоны между Орденским государством и Великим Литовским княжеством, с помощью которой братья поддерживали безопасность внутренних районов Пруссии. Такую зону они создали в Судовии, другой прибалтийской племенной земле, лежавшей к юго-востоку от Скаловии и также граничившей с Великим Литовским княжеством. Отправив местное население в прусские земли, Орден и церковь не стали повторно осваивать эту область, а использовали ее для предупреждения и защиты от литовских набегов с востока¹⁰.

Однако в Скаловии дело обстоит иначе: в районах Скаловского замка и крепости Рагнит сохранились поселения местных жителей, как следует из трудов Петра из Дусбурга¹¹ и Каспара Шютца¹². Данное обстоятельство свидетельствует о повторном заселении Скаловии, анализ характера которого позволит нам сделать вывод о ее статусе в Орденском государстве.

В рамках социальной системы, создаваемой братьями в соседних прусских землях, освоение

какой-либо области подразумевало выстраивание отношений с местными жителями в форме условного землевладения. Получая участки, большинство пруссов обязались нести военную службу и дополнительно платить налог, становясь ленниками, или основать поселение и привлечь в него земледельцев, принимая статус локаторов. Основной из перечисленных практик стало для братьев ленное землевладение, не требовавшее длительного времени для становления. Его представители обеспечивали во второй половине XIII–XIV вв. доходы Ордена от земельного фонда и участвовали в военных кампаниях против его политических противников¹³.

Исходя из этого, можно определить систематичность заселения Скаловии, рассмотрев положение (состав и функции) местных ленников.

Хронологические рамки настоящей работы – 1280–1371 гг. – от покорения братьями области до складывания в ней ленного землевладения, близкого по времени к оформлению орденской социальной системы в прусских землях¹⁴.

В историографии состав и функции скаловских землевладельцев получили неполное освещение. Основным выводом стало утверждение, согласно которому они занимали положение ленников, обладая участками размером 2–6 гаекнов (1 гаекен равен 30 га). Такое представление характерно для следующих в хронологической последовательности работ Г. Моргенсена¹⁵, Г. и Х. Моргенсенов¹⁶, П. Карге¹⁷ и Р. Павла¹⁸. При этом общая численность ленников, которая оценивалась в границах комтурства Рагнита, включавшего в себя Скаловию и часть Надровии, составила 121 чел., как показали исследования Л. Вебера¹⁹ и Г. Феркамера²⁰. Между тем военные обязанности скаловов, социальные процессы, происходившие среди них, и принципы регулирования Орденем этих процессов рассмотрены не были.

Основными источниками для решения поставленных задач являются акты, формуляр которых состоит из обозначений дарителя (великого магистра или ландмейстера), публичного объявления, изложения обстоятельств дела (размер, расположение участка и обязанности его владельца), запрета на отчуждение имущества и ущерб здоровью скаловов, сообщений о свидетелях, дате, удостоверительных знаках, а также сигнатуры. Сведения актов дополняются хроникой Петра из Дусбурга, завершенной в 1326 г., и хроникой Виганда из Марбурга, законченной в 1394 г., в которых сообщается о функциях скаловов в орденском войске.

Критериями для выделения рассматриваемой группы в источниках являются прямые указания на этническую принадлежность («скалов», «Scalowita», «Schalwens», «Schalw») и область происхождения (Скаловия, «Schalowia», «Schalwen», «Shcalwera»), а также имена, характерные для ее представителей (Гирдоле, Сурдтин, Йомин и др.).

Акты содержат сведения о положении 30 скаловских ленников. Все они обладали участками в полях размером 2–6 гаковен, за которые несли военную службу, а также возводили и ремонтировали укрепления. Речь идет о следующих персонах: братья Бейтам и Спудух²¹, Трудите²², Сурдейке²³, Навальде и его брат²⁴, братья Сурдоттин и Йомин²⁵, Рохстин²⁶, Мерит²⁷, Арведете²⁸, Навессус²⁹, Тулевирде³⁰, братья Прайке и Драбилге³¹, Сандер³², Теле³³, Бикант³⁴, Арндетте³⁵, братья Себегауде и Хеце³⁶, Алгец³⁷, братья Салейде и Астемс³⁸, Самбил³⁹, Вунтайке и его племянник Мусайке⁴⁰, Савдоте и два его брата⁴¹.

Военные функции скаловов описаны в хрониках Петра из Дусбурга и Виганда из Марбурга. В первой из них говорится о Гирдило, который пользовался авторитетом среди своих соплеменников и относился, вероятно, к местному нобилитету. Перейдя на сторону Ордена и приняв крещение, он в 1285 г. с разрешения Ордена возглавил отряд из 100 воинов в походе на литовский замок Отекайм. Во время похода он предупредил противников о своём приближении и допустил разгром отряда⁴². Доверие братьев, оказанное скалову, не было исключительным случаем и являлось частью их политики в отношении местного населения. Они часто использовали новообращенных пруссов и судовов в военных кампаниях как проводников (Тирско⁴³ и Скоманд⁴⁴) или воинов небольших диверсионных отрядов, в задачи которых входило опустошение сельской округи и уничтожение войск противника (Накейм и Конрад Судов⁴⁵). Эту позицию Ордена скаловы и судовы использовали для того, чтобы, притворившись его сторонниками, нанести братьям поражение. Помимо похода под руководством Гирдило, к таким событиям можно отнести попытку скаловского вождя Сареки заманить комтура Мемельбурга в засаду в конце 1270-х гг. под предлогом того, что нобиль желал перейти к братьям вместе со своей семьей и челядью⁴⁶.

Аналогичным образом поступили жители судовской волости Кименов, которые сначала признали власть братьев и согласились переселиться в прусские земли, однако затем убили проводника и ушли в Великое Литовское княжество⁴⁷. Тем не менее число таких случаев было невелико, так как Орден, собирая войско из подвластного ему населения, регулярно осуществлял рейды в глубь еще не покоренных земель, вынуждая местных вождей признавать свою власть над ними. Возвращаясь к военным функциям Гирдило, следует отметить, что, судя по сравнительно небольшой численности, его войско представляло собой диверсионный отряд, задачей которого было разрушение литовского замка. Схожим числом прусских воинов (150 чел.) располагали 5 братьев Ордена, совершившие поход на замок Гарту в 1295 г.⁴⁸ В хронике Виганда из Марбурга упоминается другая функция скаловов – пограничная стража. В 1364 г. 12 скаловов, входивших в гарнизон замка

Рагнит, совершили рейд в приграничной территории и отбили наступление воинов литовского князя Кейстута (1341–1382)⁴⁹. В 1381 г. комтур Рагнита Виганд Билдерсгейм (1380–1384) с отрядом скаловов защитил Байербург от нападения литовского войска⁵⁰.

Вооружение ленников описано в актах как оружие, предписанное обычаем. В документах, пожалованных в то же время прусским землевладельцам, данная фраза означала наличие у воина шлема, брони, копья и щита⁵¹. Предположение о том, что именно такой состав подразумевался в актах, пожалованных скаловам, отчасти подтверждается упоминанием брони как части их имущества в грамоте великого магистра Винриха фон Книпроде (1351–1382), изданной 27 февраля 1369 г. и регламентирующей порядок наследования во время войны⁵².

Рост численности скаловских ленников на протяжении рассматриваемого периода был в целом стабильным (таблица), но сравнительно невысоким. Речь идет о пополнении рассматриваемой группы на 1–8 чел. в 1307–1309 и 1311–1371 гг. Стабильное и малочисленное пополнение связано с тем, что развитие местного землевладения происходило в условиях постоянной войны Ордена с Великим Литовским княжеством, войско которого регулярно разоряло округи Скаловского замка и Рагнита в 1293⁵³, 1295⁵⁴, 1315⁵⁵, 1347⁵⁶, 1364⁵⁷ и 1402 гг.⁵⁸ Наиболее опустошительным из данных походов стало вторжение 1364 г., в ходе которого литовские князья Кейстут и Ольгерд (1341–1377), разделив войско на три части, разорили местность вплоть до Куршского залива, разрушили Скаловский замок, Рагнит и Шплиттер и увели в плен 800 местных жителей. Регулярный характер указанных походов был обусловлен тем, что Рагнит являлся опорным пунктом Ордена для экспансии в литовские земли. Отряды под командованием местных комтуров, действуя отдельно или в составе орденского войска, совершили 30 походов против Великого Литовского княжества в 1292⁵⁹, 1294 (трижды)⁶⁰, 1298⁶¹, 1301⁶², 1313⁶³, 1316⁶⁴, 1317⁶⁵, 1324⁶⁶, 1328⁶⁷, 1330⁶⁸, 1361⁶⁹, 1363⁷⁰, 1365⁷¹, 1370⁷², 1375⁷³, 1377⁷⁴, 1378⁷⁵, 1381 (трижды)⁷⁶, 1382⁷⁷, 1384⁷⁸, 1389 (дважды)⁷⁹, 1390⁸⁰, 1392⁸¹, 1394⁸², 1397 гг.⁸³

Учитывая низкую численность скаловских ленников, попытаемся определить происходившие среди них социальные процессы на основе сопоставления их положения с положением аналогичной группы в прусских землях. Основываясь на данном сопоставлении, можно выделить три процесса: аккумуляцию участков в руках отдельных лиц, дробление наделов и появление выморочных земель. Первый из них представлен в пожаловании Савдоте и его двум братьям 19 июля 1371 г., согласно которому они получали дополнительный надел к уже имеющемуся владению, расположенному у замка Шплиттер⁸⁴. Следующий процесс представлен в пожаловании Бейтаму и

Рост численности скаловских ленников в 1307–1371 гг.

Даритель	Количество новых ленников, чел.
Ландмейстер Генрих фон Плоцке (1307–1309)	4
Великий магистр Карл фон Триер (1311–1324)	2
Великий магистр Вернер фон Орселн (1324–1330)	2
Великий магистр Лютер фон Брауншвейг (1331–1335)	1
Великий магистр Дитрих фон Альтенбург (1335–1341)	4
Великий магистр Людольф Кениг (1342–1345)	2
Великий магистр Генрих Дюсемер (1345–1351)	5
Великий магистр Винрих фон Книпроде (1351–1382)	8

Спудуху 19 мая 1307 г. 5 гаков в поле Погенен. В акте отдельно отмечено, что из данного участка 3 гаков принадлежат Бейтаму, а 2 – Спудуху⁸⁵. Возможное появление выморочных участков отражено в грамоте, выданной Тулевирде 8 марта 1338 г. В документе говорится об отсутствии сыновей у скалова на момент пожалования, что заставило орденскую администрацию расширить состав лиц, имевших право на наследование.

Аналогичные процессы наблюдались в прусских землях, где ленники получали дополнительные участки (Ганс Гердаун⁸⁶ и Сенкете⁸⁷), разделяли между собой владения (Прейботе, Славотин и их братья⁸⁸, Зудеке и Гинтил⁸⁹), а также не имели прямых наследников мужского пола (Гердав⁹⁰, Йонке⁹¹), что свидетельствует о схожем развитии прусских земель и Скаловии. При этом перечисленные случаи охватывали меньшую часть землевладельцев (6 из 30 персон), что связано с относительно поздним заселением и медленным развитием Скаловии под властью Ордена из-за постоянных военных действий. Регулярные кампании против Великого Литовского княжества стали причиной еще одной особенности условного землевладения в Скаловии. Большинство ленников были обязаны нести военную службу и возводить укрепления без выплаты налогов и юрисдикции над крестьянами. Аналогичные группы были сформированы Орденом в Самбии и Наттангии, ленники которых постоянно привлекались к походам против Великого Литовского княжества, что отражено в актах⁹² и хронике Петра из Дусбурга⁹³.

Для поддержания землевладения в Скаловии Орден принял ряд мер. Прежде всего, братья создали опорные пункты, ставшие военными и административными центрами области. В 1289 г. по распоряжению ландмейстера Мейнхарда фон Кверфурта (1288–1299) были построены Рагнит (на месте существовавшей в доорденское время крепости)⁹⁴ и Скаловский замок⁹⁵, в которых проживало местное население и которые в последующем укреплялись и перестраивались⁹⁶. Другой мерой стало расширение состава лиц, имевших право наследования. Согласно рассмотренному акту, пожалованному Тулевирде, право наследования участка в случае отсутствия сыновей и внуков имели ближайшие потомки по мужской

линии, а также друзья⁹⁷. В упоминавшейся грамоте Винриха фон Книпроде также допускалось наследование движимого имущества («*varndhab*») вдовами и дочерьми владельцев в случае отсутствия потомков по мужской линии⁹⁸. В документе оговаривалось, что это право действует только во время войны и при условии, что вдовы и дочери останутся жить в округе Рагнита, не допуская запустения хозяйства: «Этой милостью они должны пользоваться, если будет такое время и если они находятся перед [нашим] домом (т. е. замком Рагнит. – С. Д.) столько, сколько они смогут жить на земле. Также необходимо, чтобы вдовы и дочери подтвердили [право владения] у совета комтура и пообещали его членам, что хозяйство не останется в запустении» («*Dyseye gnad sullen si haben, dywile dis orlyge wert und dywile si vor den husern sitzen, als lange, bis das man si uffs land mag setzzen. Ouch sal man dy frown und dy tochtir mit komturs rate bestattin und zeu manne gebin in den worthen, das dy gut nicht wuste blyben*»)⁹⁹.

Данная мера была призвана поддержать население округа замка, часто подвергавшейся разорению. При этом распоряжение великого магистра не распространялось на земельное владение, коня и броню, которые переходили в собственность Ордена. Кроме регулирования порядка наследования, братья, для того чтобы обезопасить ленников в мирное время, ввели штраф за ущерб их здоровью (вергельд) в размере 30 марок. Такое условие было сформулировано в актах, пожалованных в 1333–1358 гг. 4 ленникам: Рохстину¹⁰⁰, Тулевирде¹⁰¹, Прайке и Драбилге¹⁰². Регулируя социальные отношения в Скаловии, Орден использовал меры, применяемые в других прусских землях, где братья также увеличивали в случае необходимости численность наследников¹⁰³ и вводили вергельд¹⁰⁴. Однако право на движимое имущество было специфическим распоряжением, изданным в соответствии со сложными условиями. Специфика заключалась в передаче по женской линии именно данного вида собственности, так как в прусских землях в аналогичных случаях дочери¹⁰⁵ и вдовы¹⁰⁶ пользовались наделами, т. е. недвижимым имуществом.

Развитие местного ленного землевладения свидетельствует о том, что Скаловия не была

превращена братьями в буферную зону между их государством и Великим Литовским княжеством, как это было сделано с Судовией. Данное обстоятельство позволяет уточнить значение слов Петра из Дусбурга о сложившейся здесь демографической ситуации. Указанная оценка могла быть сделана хронистом вследствие частых военных вторжений, которые завершались разорением земель, прилегающих к замкам. Уделяя особое внимание орденским крепостям как опорным пунктам братьев в покоренных землях, Петр из Дусбурга мог принять опустошение округ Скаловского замка и Рагнита за разорение всей Скаловии. В то же время географическое распределение ленников было более обширным, чем описано в хронике, и свидетельствует о том, что большинство владений (11 из 14) располагалось вблизи рек Мемель и Юра (рис. 1). В районе Рагнита, Скаловского замка и Шплиттера было сконцентрировано около трети из них (4 из 11), что не позволяет связать становление условного землевладения исключительно с близким расположением к военным и административным центрам. Другим важным фактором стала степень освоения того или иного района Скаловии в доорденский период. Сопоставление локаций владений XIV в. с расположением городищ, могильников и крепостей IX–XIII вв., свидетельствует о том, что основная часть ленов

(7 из 11), находившаяся на правом берегу Мемеля и вблизи Юры, занимала районы, хорошо освоенные в предшествующее время (рис. 2).

Анализируемая ситуация обусловлена ключевым значением рек, обеспечивавших коммуникацию между Скаловией и другими областями, для общественной и хозяйственной жизни местного населения. Водные пути, связывавшие эту землю с Самбией и Великим Литовским княжеством, описаны в орденских хрониках. В трудах Петра из Дусбурга и Виганда из Марбурга содержатся сообщения о водном пути из Самбии в Скаловию, который проходил от замка Лабиау по Куршскому заливу, через реки Гильге и Мемель и сохранял свое значение на протяжении всего рассматриваемого периода. Его использовали братья в 1277–1280 гг. для походов в Скаловию¹⁰⁷, а также местные воины, совершившие в 1279 г. набег на Лабиау¹⁰⁸. По этому пути в 1394 г. Орден организовал вторжение в Великое литовское княжество¹⁰⁹. Для защиты данной коммуникации, имевшей для братьев стратегическое значение, во второй половине XIV в. были построены замки Кукернеезе и Венкишкен¹¹⁰. Другой путь, используемый Орденom в военных кампаниях 1295–1385 гг., проходил из Скаловии в литовские земли по Мемелю¹¹¹ и ее притокам Юре¹¹², Навезе¹¹³ и Нерге¹¹⁴. Сохранение актуальности водных

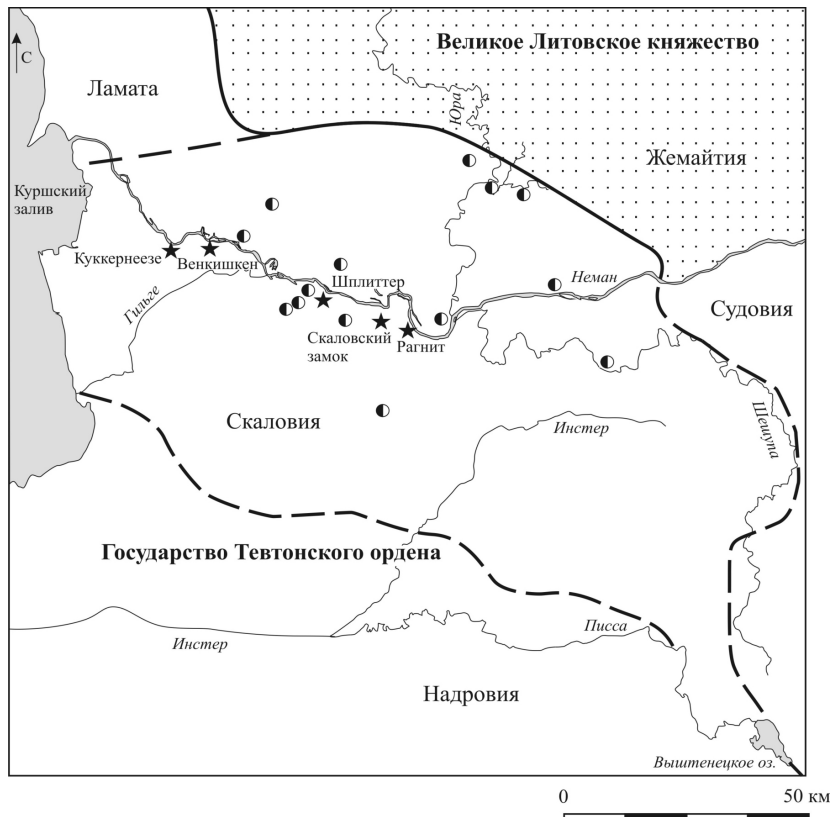

Рис. 1. Владения скаловских ленников в 1301–1371 годах:

● – владения ленников ★ – опорные пункты Ордена

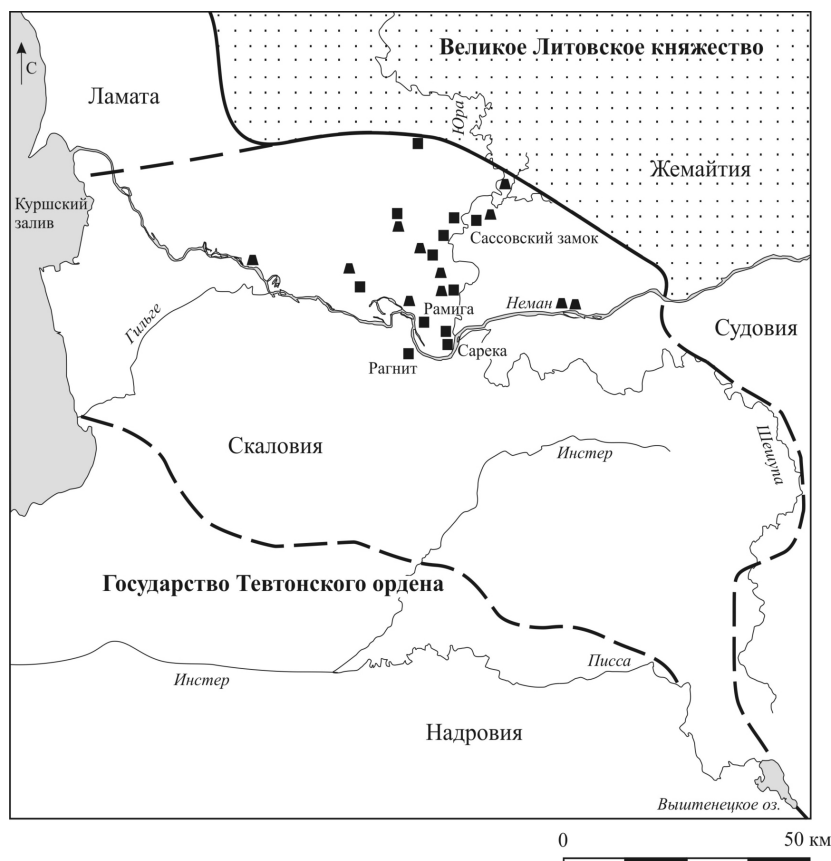

Рис. 2. Крепости, городища и могильники в Скаловии в IX–XIII вв.:

■ – городища и крепости ▲ – грунтовые могильники

путей обуславливалось тем, что основная часть Скаловии на протяжении исследуемого периода оставалась покрытой лесами¹¹⁵.

Итак, становление ленного землевладения в Скаловии, ставшее важным инструментом для освоения данной области, находилось в контексте орденской политики, направленной на инкорпорирование прусского населения в новую социальную систему, и обладало при этом своей спецификой. Скаловы получали земельные владения, обязуясь нести военную службу, которая заключалась в диверсионных действиях и охране границы. Длительный военный конфликт Ордена с литовскими князьями привел к замедленному развитию условного землевладения в Скаловии, что выразилось в низкой численности местных ленников. Социальные процессы, прослеживаемые внутри данной группы, представлены аккумуляцией имущества в руках отдельных лиц, дроблением наделов и появлением выморочных участков. Стремясь стабилизировать положение местных землевладельцев, Орден создал укрепленные пункты, выполнявшие роль военных и административных центров, расширил состав лиц, имевших право на наследование, а также ввел штраф за ущерб, причиненный здоровью ленника (вергельд). Географическое распределение

скаловских землевладельцев показывает, что выбор большинства мест для новых пожалований был напрямую связан с близостью к водным артериям, по которым проходили водные пути между Скаловией и другими землями. Перечисленные особенности свидетельствуют о гибкой политике Ордена, при помощи которой братья учли специфику области и успешно инкорпорировали местное население в свою социальную систему.

Примечания

- ¹ *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae* // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1861. S. 133–135. № 180–183, 185–188.
- ² *Preussisches Urkundenbuch*. Bd. 1. Hft. 2 / Hrgb. von R. Philippi. Königsberg : Hartungsche Verlagsdruckerei, 1881. S. 327. № 520, etc.
- ³ *Caspar Schütz. Historia rerum Prussicarum*. Zerbst : Bonaventur Schmid, 1594. P. 47a.
- ⁴ *Preussisches Urkundenbuch*. Bd. 1. Hft. 2. S. 336–337. № 533.
- ⁵ *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae*. S. 135. № 188.
- ⁶ *Di Kronike von Pruzinlant des Nicholaus v. Jeroschin* // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 1. S. 492.

- ⁷ Die ältere Hochmeisterchronik // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 3 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1866. S. 576.
- ⁸ *Caspar Hennenberger*. Kurze und warhafftige Beschreibung des Landes zu Preussen. Königsberg : Georg Ostenberger, 1584. S. 39.
- ⁹ *Caspar Schütz*. *Historia rerum Prussicarum*. P. 47.
- ¹⁰ *Новиков А. С.* Ятвягия в системе международных отношений XIII века : дис. ... канд. ист. наук. Калининград ; М., 2009. С. 147, 149.
- ¹¹ *Petri de Dusburg* *Chronicon terrae Prussiae*. ... S. 151.
- ¹² *Caspar Schütz*. *Historia rerum Prussicarum*. P. 47a–v.
- ¹³ *Kwiatkowski K.* *Wojska Zakonu Niemieckiego w Prusach 1230–1525*. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersitetu Mikołaja Kopernika, 2016. S. 187–188.
- ¹⁴ *Biskup M., Labuda G.* *Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach*. Gdańsk : Wydawnictwo Morskie Gdańsk, 1988. S. 288–290.
- ¹⁵ *Mortensen G.* Beiträge zu den Nationalitäten- und Siedlungsverhältnissen von Pr. Litauen. Memel : Memelland-Verlag, Berlin-Nowawes, 1927. S. 30–34.
- ¹⁶ *Mortensen G., Mortensen H.* Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreussens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts. Teil II : Die Wildnis im östlichen Preussen, ihr Zustand um 1400 und ihre frühere Besiedlung. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1938. S. 103–109.
- ¹⁷ *Karge P.* Die Litauerfrage in Altpreussen in geschichtlicher Beleuchtung. Königsberg : Ostpreussische Druckerei und Verlangsanstalt, 1940. S. 52–54.
- ¹⁸ *Pawel R.* Das deutsche Memelland war der Prußengau Schalauen // Wo liegt Coadjuthen? Die Geschichte eines ostpreußischen Kirchspiels im ehemaligen Memelland / Hrsg. G. Uschtrin. Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2011. S. 33–35.
- ¹⁹ *Weber L.* Preussen vor 500 Jahren in culturhistorischer, statistischer und militärischer Beziehung. Danzig : Theodor Bertling, 1878. S. 543.
- ²⁰ *Vercamer G.* Die Freien im Deutschordensland Preußen als militärischer Rückhalt Ende des 14.–Anfang des 15. Jahrhunderts // Tannenbergring – Grunwald – Žalgiris 1410 : Krieg und Frieden im späten Mittelalter / Hrgb. von W. Paravicini, R. Petrauskas, G. Vercamer. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2012. S. 189.
- ²¹ Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2. S. 554. № 879.
- ²² Ibid. S. 554–555. № 880.
- ²³ Ibid. S. 555. № 881.
- ²⁴ Ibid. Bd. 2. Lief. 1–3 / Hrgb. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg : Gräfe und Unzer, 1932–1937. S. 35. № 58.
- ²⁵ Ibid. S. 428. № 641.
- ²⁶ Ibid. S. 535. № 799.
- ²⁷ Ibid. Bd. 3. Lief. 1 / Hrgb. von M. Hein. Königsberg : Gräfe und Unzer, 1944. S. 49. № 166.
- ²⁸ Ibid. S. 80. № 109.
- ²⁹ Ibid. S. 80–81. № 110.
- ³⁰ Ibid. S. 108–109. № 150.
- ³¹ Ibid. Bd. 3. Lief. 2 / Hrgb. von H. Koeppen. Marburg : N. G. Elwert Verlag, 1958. S. 535–534. № 652.
- ³² Ibid. Bd. 4 / Hrgb. von H. Koeppen. Marburg : N. G. Elwert Verlag, 1964. S. 238. № 267.
- ³³ Ibid. S. 391–392. № 430.
- ³⁴ Ibid. S. 525. № 581.
- ³⁵ Ibid. S. 525–526. № 582.
- ³⁶ Ibid. S. 537. № 596.
- ³⁷ Ibid. Bd. 5. Lief. 1–3 / Hrgb. von K. Conrad. Marburg : N. G. Elwert Verlag, 1969–1975. S. 423. № 746.
- ³⁸ Ibid. S. 425. № 749.
- ³⁹ Ibid. S. 501. № 888.
- ⁴⁰ Ibid. S. 501. № 889.
- ⁴¹ Ibid. Bd. 6. Lief. 2 / Hrgb. von K. Conrad. Marburg : N. G. Elwert Verlag, 2000. S. 536. № 922.
- ⁴² *Petri de Dusburg* *Chronicon terrae Prussiae*. S. 148. № 226.
- ⁴³ Ibid. S. 93. № 74.
- ⁴⁴ Ibid. S. 147. № 223.
- ⁴⁵ Ibid. S. 139. № 198.
- ⁴⁶ Ibid. S. 134–135. № 186.
- ⁴⁷ Ibid. S. 145. № 217.
- ⁴⁸ Ibid. S. 160. № 260.
- ⁴⁹ Die Chronik Wigands von Marburg // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 2 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. S. 548. № 60.
- ⁵⁰ Ibid. S. 607. № 118.
- ⁵¹ Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2. S. 373. № 595.
- ⁵² Ibid. Bd. 5. Lief. 1–3. S. 412–413. № 723.
- ⁵³ *Petri de Dusburg* *Chronicon terrae Prussiae* // *Scriptores rerum Prussicarum*. Leipzig : S. Hirzel, 1861. S. 157. № 253.
- ⁵⁴ Ibid. S. 160. № 261.
- ⁵⁵ Ibid. S. 181. № 323.
- ⁵⁶ Die Chronik Wigands von Marburg. S. 509. № 37.
- ⁵⁷ Ibid. S. 549. № 61.
- ⁵⁸ *Johann von Posilge*. *Chronik des Landes Preussen* // *Scriptores rerum Prussicarum*. Bd. 3. Leipzig : S. Hirzel, 1866. S. 263.
- ⁵⁹ *Petri de Dusburg* *Chronicon terrae Prussiae*. S. 157. № 251.
- ⁶⁰ Ibid. S. 158–159. № 255, 257, 259.
- ⁶¹ Ibid. S. 164. № 271.
- ⁶² Ibid. S. 166–167. № 280.
- ⁶³ Ibid. S. 179–180. № 317, 318.
- ⁶⁴ Ibid. S. 183. № 330.
- ⁶⁵ Ibid. S. 183. № 332.
- ⁶⁶ Ibid. S. 189–190. № 351.
- ⁶⁷ Ibid. S. 215. № 8.
- ⁶⁸ Ibid. S. 217. № 15.
- ⁶⁹ Die Chronik Wigands von Marburg. S. 543. № 56.
- ⁷⁰ Ibid. S. 546. № 59.
- ⁷¹ Ibid. S. 548–549. № 61.
- ⁷² *Hermani de Wartberge*. *Chronicon Livoniae* // *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 2. S. 97. № 22.
- ⁷³ Ibid. S. 108–109. № 27.
- ⁷⁴ Ibid. S. 115. № 30.
- ⁷⁵ Ibid. S. 588. № 98b.
- ⁷⁶ Die Chronik Wigands von Marburg. S. 600. № 110b ; S. 605–606. № 117 ; S. 610–611. № 122.
- ⁷⁷ Ibid. S. 617. № 129.
- ⁷⁸ Ibid. S. 626–627. № 137.

- ⁷⁹ Ibid. S. 636–637. № 145b ; S. 639. № 148b.
⁸⁰ Ibid. S. 642–643. № 150.
⁸¹ Ibid. S. 645–646. № 152.
⁸² Ibid. S. 660–661. № 163.
⁸³ Franciscani Thorunensis annales prussici // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 3. Leipzig : S. Hirzel, 1863. S. 216.
⁸⁴ Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lief. 2. S. 536. № 922.
⁸⁵ Ibid. Bd. 1. Hft. 2. S. 554. № 879.
⁸⁶ Ibid. Bd. 6. Lief. 1 / Hrgb. von K. Conrad. Marburg : N. G. Elwert Verlag, 1986. S. 199–200. № 356 ; S. 221. № 399.
⁸⁷ Ibid. Bd. 5. Lief. 1–3. S. 199–200. № 352 ; S. 324–325. № 575.
⁸⁸ Ibid. Bd. 1. Hft. 2. S. 157–159. № 204.
⁸⁹ Ibid. Bd. 6. Lief. 1. S. 161–162. № 285.
⁹⁰ Ibid. S. 225. № 408.
⁹¹ Ibid. Bd. 6. Lief. 2. S. 449–450. № 780.
⁹² Ibid. Bd. 1. Hft. 2. S. 204. № 292 ; S. 244–245. № 362 ; S. 277–278. № 435, etc.
⁹³ *Petri de Dusburg*. Chronicon terrae Prussiae. S. 180, № 319, 320 ; S. 183, № 331 ; S. 189–190. № 351, etc.
⁹⁴ Ibid. S. 133. № 182.
⁹⁵ Ibid. S. 151. № 235.
⁹⁶ Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград : Terra Baltica, 2005. С. 128–129.
⁹⁷ Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lief. 1. S. 108–109. № 150.
⁹⁸ Ibid. Bd. 6. Lief. 2. S. 412–413. № 723.
⁹⁹ Ibid. S. 413. № 723.
¹⁰⁰ Ibid. Bd. 2. Lief. 1–3. S. 535. № 799.
¹⁰¹ Ibid. Bd. 3. Lief. 1. S. 108–109. № 150.
¹⁰² Ibid. Bd. 3. Lief. 2. S. 535–534. № 652.
¹⁰³ Ibid. Bd. 1. Hft. 2. S. 257–259. № 380 ; S. 503–504. № 809 ; S. 504. № 810.
¹⁰⁴ Ibid. Bd. 2. Lief. 1–3. S. 303–304. № 425 ; S. 464. № 700 ; S. 486. № 733 ; S. 535. № 799 ; S. 535–536. № 800.
¹⁰⁵ Ibid. Bd. 6. Lief. 1. S. 68. № 125.
¹⁰⁶ Codex Diplomaticus Warmiensiensis. Bd. 2 / Hrgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Mainz : Verlag von Franz Kirchheim, 1864. P. 37–38. № 36.
¹⁰⁷ *Petri de Dusburg* Chronicon terrae Prussiae. S. 133. № 180 ; S. 135. № 187.
¹⁰⁸ Ibid. S. 134. № 184.
¹⁰⁹ Die Chronik Wigands von Marburg. S. 656. № 162.
¹¹⁰ Бахтин А. П. Указ. соч. С. 178, 180.
¹¹¹ *Petri de Dusburg* Chronicon terrae Prussiae... S. 160. № 260 ; S. 179. № 316.
¹¹² Ibid. S. 173–174. № 298.
¹¹³ Die Chronik Wigands von Marburg. S. 560. № 72.
¹¹⁴ Ibid. S. 624. № 136.
¹¹⁵ Aussage alter Leute über die Ausdehnung des Ordensgebietes an der Grenze Samaitens // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 2. S. 709.

Поступила в редакцию 17.06.2020, после рецензирования 22.06.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 17.06.2020, revised 22.06.2020, accepted 05.11.2020

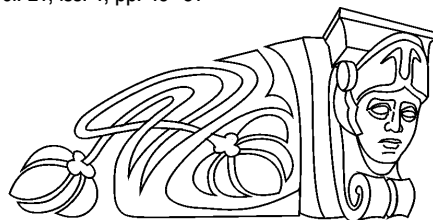

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–51
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–51

Научная статья
УДК 94(430).03

Томас Мюнцер в Чехии

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-0901>

Аннотация. В статье рассматривается одна из страниц жизненного пути и деятельности предводителя народного крыла германской Реформации Томаса Мюнцера – его поездка в Прагу. Выявляются причины прибытия Мюнцера в Чехию, характер деятельности немецкого реформатора в Праге и ее исторические последствия.

Ключевые слова: Томас Мюнцер, народная реформация, Прага, Чехия, Пражское воззвание

Для цитирования: Галямичев А. Н. Томас Мюнцер в Чехии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–51. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-48-51>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-48-51>

Thomas Munzer in the Bohemia

Alexandr N. Galyamichev, galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-0901>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article deals with one of the pages of the life and activity of the leader of the popular wing of the German reformation, Thomas Munzer – and his trip to Prague. The reasons for Munzer's arrival in the Bohemia, the nature of the German reformer's activities in Prague, and the historical consequences of his activities are revealed.

Keywords: Thomas Munzer, popular reformation, Prague, Bohemia, Prague proclamation

For citation: Galyamichev A. N. Thomas Munzer in the Bohemia. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–51 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-48-51>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Заявленная тема не принадлежит к числу обделенных вниманием исследователей. Можно вспомнить работы видных чешских историков Й. Мацека¹, В. Гусы², А. Мольнара³, немецкого исследователя Р. Шварца⁴, советских ученых М. М. Смирин⁵ и А. Э. Штекли⁶. Напротив, она неоднократно становилась предметом рассмотрения в работах по истории Реформации, а в конце 1940-х–1950-е гг. находилась в сфере особого внимания историков стран Социалистического Содружества. В Германской Демократической Республике Томас Мюнцер считался одним из главных героев национальной истории, а его поездка в Прагу рассматривалась как яркий пример вековых революционных связей немецкого и чешского народов. Фигура Мюнцера занимала центральное место в советской историографии Реформации, вождю народной реформации посвящались научно-популярные работы и художественно-исторические произведения.

В настоящее время названный эпизод из истории эпохи Реформации вызывает гораздо меньший интерес исследователей. Представляется, однако, что утрата им политической злободневности создает благоприятные условия для его более объективного рассмотрения, а юбилейная дата, которой посвящена Всероссийская научная конференция «Реформация и конфессиональные процессы в контексте истории цивилизаций» (110-летие со дня рождения В. А. Ермолаева) стала побудительным импульсом к этому.

Обратимся к известным исторической науке фактам. Томас Мюнцер прибыл в Прагу в начале июня 1521 г. из саксонского города Цвиккау, где он в предыдущем году развернул активную проповедническую деятельность. Виднейший советский историк германской Реформации М. М. Смирин усматривал в этой поездке, прежде всего, политический расчет Мюнцера. Последний, как отмечал М. М. Смирин, уже во время своей

деятельности в Цвиккау пришел к убеждению, что дело Реформации не может ограничиваться преобразованиями в церкви, но непременно должно стать частью политической борьбы, а Чехия способна послужить главной опорой сторонников Реформации в борьбе с императором Карлом V и Габсбургами, решительно выступившими против Реформации⁷.

С такого рода объяснением мотивов поездки Мюнцера в Прагу согласиться трудно, поскольку он не был склонен к трезвому политическому расчету, но с первых своих шагов на ниве проповеднической деятельности вдохновлялся мистическими ожиданиями сверхъестественного обновления мира.

Обстановка, сложившаяся в Германии к лету 1521 г., способствовала резкому всплеску мистических настроений. Следует вспомнить, что 25 мая этого года император Карл V издал знаменитый Вормский эдикт, согласно которому основоположник германской Реформации Мартин Лютер объявлялся еретиком и преступником. Запрещалось издание и распространение трудов Лютера. Даже предоставление ему убежища или иного рода помощи объявлялось преступлением против империи.

Между тем еще за 20 дней до издания Вормского эдикта, 4 мая, Мартин Лютер был похищен неизвестными людьми и судьба его долгое время оставалась неизвестной, что стало причиной появления многочисленных слухов. Широкое распространение получила народная легенда, согласно которой Лютер был схвачен и распят врагами евангельской истины. Накануне издания Вормского эдикта на рейхстаг пришло сообщение, что тело Лютера было найдено в рудничном забое⁸.

Настроение, охватившее Германию, ярко отражают размышления великого немецкого художника Альбрехта Дюрера, который писал в своем «Дневнике путешествия в Нидерланды»: «Также в пятницу перед пятидесятницей [17 мая] в 1521 году дошли до меня в Анторфе слухи, что так предатели схватили Мартина Лютера... О, всевышний небесный отец, влей в наши сердца через твоего сына Иисуса Христа такой свет, чтобы мы поняли, каких заповедей нам следует держаться, чтобы мы отказались от прочих тягот со свободною совестью и могли служить тебе, преемственный небесный отец, со свободных и радостным сердцем. И если мы потеряем этого человека, который писал яснее, чем кто бы то ни было из живших в последние сто сорок лет, и которым ты дал такой евангелический дух, мы просим тебя, о небесный отец, чтобы ты вновь даровал свой святой дух другому, который бы еще раз собрал отовсюду твою святую христианскую церковь, дабы мы жили все опять добродетельно и похристиански и чтобы благодаря нашим хорошим делам все неверные, как-то: турки, язычники, калькутцы, сами захотели бы к нам и приняли христианскую веру»⁹.

В такой наполненной слухами и мистическими ожиданиями обстановке Мюнцер принял решение покинуть Цвиккау, где его радикальные проповеди вызвали все большее недовольство городских властей и духовенства, и отправился в Прагу (в литературе высказывались предположения о двух поездках Мюнцера в Чехию, но в настоящее время более предпочтительной представляется версия об одной поездке¹⁰). Спутником Мюнцера стал согласно возобладавшей в последнее время точке зрения один из его учеников – Амброзиус Эммен¹¹.

Путь от Цвиккау до Праги был не очень далек и хорошо известен, однако не географическая близость определяла сделанный Мюнцером вывод.

Драматические события весны 1521 г. многими своими гранями перекликались с событиями вековой давности, когда профессор Пражского университета Ян Гус бесстрашно вступил в спор с отцами Констанцкого собора, не отрекся от своих взглядов перед лицом мучительной смерти и был сожжен на костре.

Подобно Гусу Лютер отправился на Вормский рейхстаг, имея заверения императора в своей неприкосновенности. Как и чешский реформатор, он не стал отрекаться от своих убеждений вопреки исходившим от папы и императора угрозам. К тому же со времен Лейпцигского диспута Лютера и Иоганна Экка 1519 г. имя Гуса стали тесно связывать с деятельностью основоположника германской Реформации.

Все это рождало предположения, что родина Гуса призвана сыграть особую роль в грядущем преображении мира, тем более, что там существует созданная его сторонниками независимая от Рима церковь. В Германии помнили, что радикальные гуситы (табориты) 100 лет назад высказывали созвучные мистическим ожиданиям Мюнцера идеи о приближении Судного дня и установлении праведниками тысячелетнего царства добра и справедливости.

По прибытии в столицу Чехии Мюнцер был доброжелательно встречен в Пражском университете как посланец сторонников Реформации. Поселился он в главной коллегии университета – Каролинуме¹².

Мюнцеру было предоставлено право выступить с двумя проповедями в знаменитых храмах Праги. Первую он произнес в Вифлеемской часовне, где в свое время проповедовал Ян Гус, вторую – в часовне Божьего Тела и Крови Христовой, где в 1416 г. был впервые осуществлен гуситский обряд причащения под обоими видами. В главном храме гуситов – церкви Святой Девы Марии перед Тыном – Мюнцер принял участие в обряде причащения под двумя видами.

Однако содержание пражских проповедей Мюнцера вызвало недоумение университетских магистров и утравкистского духовенства: принятый в качестве одного из приверженцев Лютера, проповедник стал выступать с идеями «живого

евангелия», начертанного не в букве Священного Писания, а в сердце благочестивого человека. В проповедях Мюнцера звучали предсказания о скором наступлении Судного дня и сверхъестественном обновлении мира.

Университет отказал Мюнцеру в праве на проживание в Каролинуме, а пражское духовенство и городские власти воспротивились продолжению его проповедей в храмах столицы Чехии¹³. Мюнцер был вынужден перебраться в дом одного из пражских бюргеров, где и написал знаменитое «Пражское воззвание», датированное 1 ноября 1521 г. (наряду с этой, наиболее известной редакцией, существуют также более пространная немецкая, чешская и латинская версии документа).

В воззвании (по оценкам некоторых исследователей, именно оно представляет собой первый опыт цельного изложения взглядов немецкого реформатора¹⁴) Мюнцер вновь провозглашает идеи «живого евангелия», гневно порицая новых «книжников и фарисеев»: «Мир, введённый в заблуждение всякими сектами, уже давно стремится к правде. Но здесь-то и сбываются слова Иеремии, что дети требовали хлеба, но не нашлось никого, кто бы преломил его для них. И до нас, и в наше время были многие, кто этот хлеб, то есть слово Божие не преломили, и не в духе, а в букве писания бросили, как собакам. О заметь, заметь это! Они его не преломили, не разъяснили истинного духа страха Божьего, и те не получили истинного наставления в том, что они дети Божьи. Вот отсюда и выходит так, что, когда надо защищать истину, христиане становятся подобны трусам. А кое-кто ещё осмеливается болтать, что Бог больше не говорит с людьми, как будто он стал немым. Они полагают, что достаточно написанного в книгах и что это можно преподнести людям в сыром виде, как аист – лягушек своим птенцам в гнезде. Они не хотят поступать, как наседка, которая обхаживает своих птенцов и согревает их. Они не наделяют людей истинным словом Божиим, пребывающим в сердцах всех избранных, подобно тому, как мать кормит ребёнка молоком. Они поступают как Валаам: он имел на устах своих лишь букву закона, но сердце его было за сто тысяч вёрст от писания»¹⁵.

В завершение Мюнцер предсказывает ближайшее будущее, обращаясь к жителям Чехии с призывом решительно выступить за проведение коренных преобразований в церкви и государстве: «Господь совершит удивительные дела со своими избранными, особенно в этой стране. Ибо здесь возьмёт начало новая церковь, и народ сей будет образцом для всего мира. Потому-то и призываю я каждого, чтобы он помог защитить слово Божие. Я могу ясно доказать, ведомый духом Илии, что тебя приучили приносить жертвы Ваалу. Если же ты не сделаешь, как я говорю, то Господь позволит туркам убить тебя в будущем году. Я уверен, что говорю правду. Я готов перенести за это те же страдания, какие перенёс Иеремия.

Примите это к сердцу, дорогие жители Богемии. Не я один требую от вас отчёта, как учат меня слова Петра, но сам Господь его требует. Я же, со своей стороны, отчитаюсь вам. И если я не знаю учения, которым в высшей степени горжусь, то пусть я стану чадом скорой и вечной смерти. Более высокого залога я дать не могу. Да хранит вас Христос.

Написано в Праге в 1521 году в день всех святых»¹⁶.

Мюнцер, как можно заключить из текста воззвания, связывал с ним надежды, однако обращенный к жителям Чехии страстный призыв, по всей вероятности, не встретил ожидаемого отклика. С одной стороны, обстановка в стране и особенно в ее столице, несмотря на социально-политическую напряженность и имевшие место в начале июля (в годовщину трагической гибели Яна Гуса) выступления против монастырей и монахов, все же не была в такой степени критической, чтобы создать почву для восприятия предсказаний о приближении Судного дня и коренного переворота в устройстве существующего мира. С другой стороны, успеху пражских проповедей и воззванию Мюнцера препятствовало незнание им чешского языка (он произносил проповеди на латинском и немецком языках) и местных обычаев и традиций.

Преследования властей и отсутствие отклика среди народа (в свое время Й. Мацек не исключал влияния проповедей Мюнцера на всплеск антицерковных настроений в Праге 6 июля 1421 г. – в день памяти Яна Гуса¹⁷) заставили Мюнцера покинуть Прагу в конце ноября того же 1521 г.

Подводя итог, отметим, что пражская поездка Мюнцера, как представляется, в большей степени оказала влияние на него самого, нежели на дальнейшее развитие событий в Чехии. Она ярко высветила особенности его внутреннего мира. Испытанная в Чехии неудача не сломила вождя народной Реформации, а скорее напротив, обогатила опытом и укрепила его веру в приближение всеобщего обновления мира.

Примечания

- 1 Macek J. Z revoluční minulosti německého lidu. Tomáš Müntzer a německá selská válka. Praha : Orbis, 1955. 77 S.
- 2 Husa V. Thomáš Müntzer a Čechy // Rozpravy Československé akademie věd. Roč. 67. Praha, 1957. 123 S.
- 3 Molnár A. Tomas Müntzer und Böhmen // Chommuniho Viathorum. 1958. Vol. I, № 1. S. 242–245.
- 4 Schwarz R. Die aphokalyptische Theolohgie Thomas Müntzers und der Taboriten. Tübingen : Jh. Ch. Bh. Mohr (Paul Siebeck), 1977. 142 S.
- 5 См.: Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. 2-е изд. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 80–85, 94–104.
- 6 См.: Штекли А. Э. Томас Мюнцер. М. : Молодая гвардия, 1961. С. 90–99.
- 7 См.: Смирин М. М. Указ. соч. С. 80–84.

- ⁸ См.: Соловьёв Э. Непобеждённый еретик. Мартин Лютер и его время. М. : Молодая гвардия, 1984. 296 с.
- ⁹ Дюрер А. Дневник путешествия в Нидерланды [1520–1521 гг.] // Дюрер А. Дневники. Письма. Трактаты : в 2 т. М. ; Л. : Искусство, 1957. Т. 1. С. 150–152.
- ¹⁰ Maur E. Thomáš Můntzer, Praha : Karolinum, 1993. S. 117–119.
- ¹¹ Bräuer S., Vogler G. Thomas Můntzer. Neu Ordnung machen in der Welt : eine Biographie, Gůtersloh : Gůtersloher Verlagshaus, 2016. S. 130.
- ¹² Husa V. Op. cit. S. 63.
- ¹³ Maur E. Op. cit. S. 136.
- ¹⁴ De Boor F. Zur Textgesichiichte des Prager Manifestes // Můntzer Tomas. Prager Manifest. Leipzig : Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1975. S. 13.
- ¹⁵ Мюнцер Томас. Пражское воззвание. Письма / пер. М. М. Смиринa, В. М. Володарского // Средние века. М. : Наука, 1989. Вып. 52. С. 334–335.
- ¹⁶ Там же. С. 336.
- ¹⁷ Macek J. Vira a zbožnost jagellonského věku. Praha : Argo, 2001. S. 341.

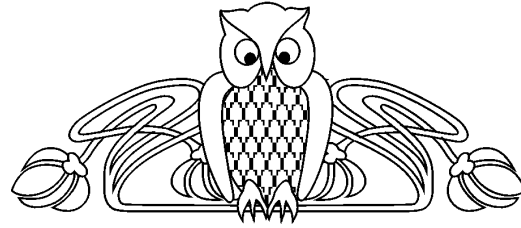
Поступила в редакцию 25.10.2020, после рецензирования 02.11.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 25.10.2020, revised 02.11.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 52–59
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 52–59

Научная статья
УДК 94(410)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-52-59>

Начальный этап идейного формирования пуританизма в ходе Реформации в Англии

В. Н. Ерохин

Северо-Восточный государственный университет, Россия, 685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, erohin_vladimir@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4237-5065>

Аннотация. В статье рассматривается возникновение идейных предпосылок для формирования пуританизма как течения в Церкви Англии, возникшего в ходе Реформации. Прослеживается проникновение реформационных идей в Англию с европейского континента с 1520-х гг., еще до начала королевской Реформации в стране в 1534 г., и появление английской религиозной эмиграции на континенте, которую составили сторонники Реформации по европейским образцам. Определяющим фактором в становлении английского пуританизма, по мнению автора, было идейное влияние континентальных реформированных церквей, которое восприняли сначала английские эмигранты, а в последующем также часть духовных лиц в Церкви Англии.

Ключевые слова: Англия, Реформация, пуританизм, Церковь Англии, лютеранство, цвинглианство, кальвинизм

Для цитирования: Ерохин В. Н. Начальный этап идейного формирования пуританизма в ходе Реформации в Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 52–59. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-52-59>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-52-59>

The initial stage of ideological formation of Puritanism in the course of Reformation in England

Vladimir N. Yerokhin, erohin_vladimir@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4237-5065>

North-Eastern State University, 13 Portovaya St., Magadan 685000, Russia

Abstract. The article deals with the origin of ideological prerequisites of Puritanism as a trend in the Church of England which appeared in the course of Reformation. The author traces penetration of Reformation ideas to England from European continent before the beginning of King's Reformation by Henry VIII (1509–1547) in 1534 and shows the beginnings of English religious emigration on the Continent from 1520s which was formed by Englishmen who were adherents of continental Reformed churches. The author of the article supports the opinion that the decisive factor which contributed to the rise of Puritanism in England was connected with the influence of continental Reformed churches. The ideas of European Reformation were perceived, first of all, by the English emigrants, and later on part of English clergy also supported continuation of Reformation in England in accordance with continental examples.

Keywords: England, Reformation, Puritanism, Church of England, Lutheranism, Zwinglianism, Calvinism

For citation: Yerokhin V. N. The initial stage of ideological formation of Puritanism in the course of Reformation in England. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 52–59 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-52-59>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Реформация в Англии развернулась с 1534 г. по воле королевской власти, но ее история фактически началась раньше. Еще в 1520-е гг. возникли предпосылки для того, чтобы англичане восприняли идеи Реформации: реформационные влияния начали проникать в английские университеты. Поэтому британские ученые начинают

рассмотрение истории Реформации в Англии с 1520-х гг.

На этом первом этапе одним из важнейших деятелей, приложивших усилия к распространению идей Реформации в английском интеллектуальном пространстве, был Уильям Тиндейл (1494–1536), ученик английского гуманиста Джона Колета, ис-

пытавший влияние гуманистической традиции в критике текстов Св. Писания. Тиндейл был, видимо, выходцем из Оксфорда¹. Самым первым шагом сторонников Реформации в Англии в соответствии с протестантскими постулатами была подготовка английского перевода Библии, чем и вознамерился заняться Тиндейл, но обстановка в стране была неблагоприятная, антилютеранская. Тиндейл сначала обратился к своему епископу за разрешением выполнить английский перевод Библии. Епископ Лондонский Катберт Тансталл не одобрил этого плана. Дальнейшие действия Тиндейла позволяют характеризовать его как протестанта и в определенном смысле как предшественника пуритан. Без благословения епископа он решает осуществить свой замысел и уехать в Германию². Подобные поступки характерны для более поздних пуритан в ответ на многие запретительные распоряжения церковных властей.

Весной 1524 г. Тиндейл с помощью английских купцов отправился на континент. М. Кнэппен считал, что помощь купцов в таком предприятии была не случайна: они сочувствовали реформационному движению и распространяли протестантскую литературу в Англии. Антицерковные настроения в их среде стимулировались тем, что их трудно контролируемые доходы католическая церковь стремилась обложить десятиной.

По мнению большинства исследователей, Тиндейл не был оригинальным мыслителем, а только переводчиком, на которого оказали влияние идеи Лютера. Однако в его мировоззрении присутствовала идея, повлиявшая на богословскую доктрину английских пуритан – это идея кovenанта (договора) человека с Богом, развиваемая в английском кальвинизме³.

В результате переводческих и организационных усилий Тиндейла к весне 1526 г. в Вормсе была отпечатана английская Библия. Это был перевод Нового Завета, и его экземпляры контрабандой (опять же через купцов) стали отправлять в Англию.

К концу 20-х гг. XVI в. число англичан – сторонников Реформации – на континенте заметно увеличилось. Кроме Германии, они появились во Франции, а в Бельгии (в Антверпене) они завели свой печатный станок⁴. Важным обстоятельством послужило то, что среди англичан были люди, знакомые с практикой европейских реформированных церквей.

Англичане, жившие на континенте, пытались вести полемику с католиками на родине. Особенно к этому стремился Тиндейл. Пуританские идеи мировоззрения были характерны также для раннего английского протестанта – мученика Томаса Билни, выходца из Кембриджского университета, сожженного за ересь в Норидже в 1531 г. В образе жизни Билни уже был похож на пуританина, как об этом несколько иронично писал П. Коллинсон: «Он не переносил музыку даже больше, чем грубую брань»⁵.

В зарождение Реформации в Англии и в том числе в появление пуританизма внесли вклад английский реформатор Джон Уиклиф (1320–1384) и его идейные последователи – лолларды. Роль лоллардов становится понятной из характеристики их доктрины. Как писал, например, американский историк Ч. Крименс, «Джон Уиклиф, основатель лоллардизма, предвосхитил почти все основные доктрины Реформации XVI в. Он выступил против папства, поддерживал браки духовенства, осудил принцип монашества, настаивал на важности духовной стороны религии и незначительности церемоний (характерная черта пуританизма. – В. Е.), сводил реальное присутствие Христа в Евхаристии к духовному присутствию, призывал государственные власти реформировать коррумпированную церковь и предлагал к всеобщему использованию Библию на английском языке»⁶. Лоллардизм сохранялся в среде духовных и светских лиц в Англии вплоть до начала XVI в. Как отмечал известный британский исследователь истории Реформации А. Дж. Диккенс, лоллардизм был «уклончивым, негероическим и подпольным движением», и эти черты помогли ему избежать уничтожения во времена преследований⁷.

Выход Англии из церковно-административного подчинения Риму и провозглашение короля Генриха VIII (1509–1547) главой Церкви Англии в 1534 г., при всем значении этих событий для дальнейшей истории Англии в идейном отношении не впечатлили английских сторонников Реформации, которые жили на континенте в протестантской среде. Никаких других серьезных изменений в системе церковной администрации, а также в доктрине не произошло. Англичане, знакомые с практикой европейских реформированных церквей, с их доктриной, системой управления, могли испытать только чувство, близкое к негодованию, при знакомстве с результатами религиозной реформы в Англии. Без половинчатой английской Реформации в начальном варианте, начавшей осуществляться королем Генрихом VIII, вряд ли бы развился, питаясь ее критикой, исторический феномен, вошедший в историю под названием «английский пуританизм». Вместе с тем английские эмигранты – сторонники Реформации, первые из которых выехали на континент еще в 1520-е гг., как раз и внесли непосредственный идейный и организационный вклад в распространение мнения о том, что Реформация в Англии еще не завершена. Они пропагандировали идею, согласно которой Церковь Англии далека по устройству и доктрине от европейских реформированных церквей. Англичан – сторонников дальнейшей Реформации на континенте в это время постигла неудача – католиками в Нидерландах был схвачен Уильям Тиндейл и 6 октября 1536 г. сожжен⁸.

Церковная политика короля Генриха VIII во второй половине 1530-х гг. породила новую волну эмиграции из Англии по религиозным причинам среди тех англичан, кто успел стать сторонником

европейского континентального протестантизма. Выезд англичан в эмиграцию на рубеже 30–40-х гг. XVI в. и пребывание в Швейцарии и Германии прямо способствовали пополнению идейного багажа английской Реформации и, более того, оформлению будущих пуританских требований. Значимым было, прежде всего, влияние швейцарских реформированных церквей, особенно последователей цвинглианства⁹. Некоторые его черты, видимо, наложили отпечаток на английский пуританизм.

Наряду с этими респектабельными течениями Реформации англичане имели возможность познакомиться на континенте с еще одним продуктом реформационных идей – различными сектами, принесшими немалые потрясения. Особенно это касалось анабаптистов, которые доводили тезис о том, что Писание является руководством к действию и организации образа жизни до логического конца, буквально истолковывая его требования. Если это влекло за собой подрыв всех общественных устоев, им все было нипочем. Английским анабаптистам посвящены специальные работы¹⁰. История английского анабаптизма изучалась также в отечественной историографии¹¹. Анабаптисты не находили в Новом Завете ни церковной организации, поддерживаемой государством, ни организованного привилегированного духовенства, отказывались платить десятину, требовали, чтобы общины верующих состояли из настоящих, нелицемерных христиан. Такие общины, по их мнению, не подлежали контролю со стороны, должны были сами выбирать своих священников. Сторонники анабаптизма опирались на личные откровения, под которыми понимали внутренние свидетельства Св. Духа: понятно, что тут был простор для деятельности. Подобные идеи впоследствии, на рубеже XVI–XVII вв., стали появляться в среде радикальных пуритан – конгрегационалистов.

Англичане, жившие в эмиграции, издавали памфлеты, в которых критически отзывались о происходящем в стране. Эмигрантов по-прежнему поддерживали английские купцы, имевшие дела на континенте. Издаваемые эмигрантами полемические и сатирические сочинения удачно критиковали религиозную ситуацию на родине. Два остроумных и содержательных памфлета написал, например, Уильям Тернер: «Охота и поиски римской лисицы» (Базель, 1543) и «Второй выход охотника на римскую лисицу и ее защитников» (Цюрих, 1545)¹².

Особенностью этой второй английской эмиграции на континент были усилившиеся в ее среде нападки на обряды и церемонии англиканской церкви и остатки католических обрядов – и это, пожалуй, не вызывает сомнений в прямом влиянии швейцарских реформированных церквей с гораздо более простым ритуалом. Административное устройство, доктрина и обрядность, установившиеся в Церкви Англии после 1534 г.,

эти английские эмигранты оценивали как своего рода разновидность «папизма», как впоследствии характеризовали Церковь Англии пуритане. Симпатии английских сторонников продолжения реформации определились. Если Тиндейл начинал в определенном смысле с подражания Лютеру, новыми авторитетами для англичан к концу 40-х гг. XVI в. были богословы Страсбурга, Базеля, Цюриха, а влияние идей Лютера, как отметил Б. Холл, постоянно шло по убывающей¹³.

27 января 1547 г. умер король Генрих VIII. В среде английских епископов сохранялась консервативная партия во главе со Стивеном Гардинером, но не они теперь определяли происходившее. Правление Эдуарда VI (1547–1553) характеризуется новыми значительными шагами в проведении реформы церкви с усилением влияния именно континентальных реформаторов, появлению радикалов даже среди английских епископов, так что, например, американские историки Э. Роуз и Э. Эмерсон считали возможным говорить о появлении пуританизма уже в начале 50-х гг. XVI в.¹⁴ Характеризуя пуританизм, Э. Эмерсон замечает: «Пуританизм, конечно, можно возводить еще к временам апостола Павла, но о нем обычно думают как о специфически английском и, при его распространении, американском явлении. Особенности его объясняются характером реформации в Англии, в ней перемешаны были политические и религиозные соображения с целью придания стабильности обществу. Но для многих идеалистов такое положение было неприемлемо, реформация казалась неполной. Они стремились продолжить очищение церкви или отказывались придерживаться законов, определяющих ее устройство – вот эти люди были пуританами, – считает американский историк. – Пуританизм можно определить как реформистское движение внутри уже частично реформированной англиканской церкви. При этом не следует включать в число пуритан, – полагает Э. Эмерсон, – Уиклифа и его последователей, Уильяма Тиндейла, Томаса Билни: религия в это время была делом меняющимся, не исключено, что после реформ, проведенных при Эдуарде VI, эти люди были бы уже конформистами»¹⁵.

По сведениям Д. Мак-Каллока, после смерти Генриха VIII последний раз во всех церквах Лондона были проведены службы по католическому обряду, затем начались перемены¹⁶. Свидетельств склонности большинства англичан к протестантизму, считал М. Кнэппен, не было, но не встречали поддержки и преследования радикальных протестантов, которых при Генрихе VIII осуждали как еретиков. Герцог Сомерсет приостановил действие законов Генриха VIII, касавшихся религиозной сферы, а в ноябре 1547 г. они были отменены парламентом, что в определенной мере может служить отражением общественных настроений¹⁷. Это открыло поток религиозных споров, с континента стали возвращаться также английские религиозные эмигранты.

Перемены не заставили себя долго ждать. Сначала в 1548 г. в латинскую мессу были введены молитвы на английском языке¹⁸. К следующему году были подготовлены более масштабные изменения. Молитвенник 1549 г. свидетельствовал о кардинальных изменениях: прежде всего службы велись теперь на английском языке – реформаторы делали ставку на содержание службы, а не на ритуал сам по себе, поэтому должен был использоваться язык, понятный для всех. Ликвидировались алтари и заменялись передвижными столами, с помощью которых осуществлялось причастие. Разрешены были браки духовенства, упрощены церковные облачения. Устранялись образы с целью подчеркнуть приоритет веры, а не поклонения. Ликвидировались часовни под предлогом, что тут совершались службы для продвижения душ в чистилище¹⁹. Молитвенник 1549 г. отменял также церемонию поднимания освящаемых элементов, которая подчеркивала их предназначение как священного жертвоприношения в Евхаристии. Раньше этот пункт был кульминацией богослужения, а теперь важнейшей его частью стало причастие мирян, которые получили это право наряду с духовенством. Группа клириков под руководством архиепископа Томаса Кранмера (1489–1556) подготовила сборник из 12 установленных специально текстов проповедей. Они разъясняли важнейшие вопросы в протестантском учении о спасении и давали основные установки новой доктрины.

Вслед за молитвенником были выпущены королевские распоряжения об уничтожении всех образов в церквях: разбивались статуи, забеливались настенные росписи, уничтожались надписи на могильных камнях, содержавшие молитвы за усопших. Д. Мак-Каллок даже называет эти меры «кампанией сознательного вандализма, не имевшей прецедентов в христианской Англии»²⁰. Какого-либо серьезного преследования лиц, симпатизировавших католицизму, не было, не считая участников восстания 1549 г. в юго-западных графствах, но на это были политические причины. Скорее, власти беспокоились о том, чтобы в стране не распространился леворадикальный протестантский экстремизм, и в 1550 г. были сожжены двое приверженцев унитаризма – Джоан Бочер и Джордж ван Пэрис. Власти вели поиск и других подобных «энтузиастов».

Англия в эти годы становится приютом для континентальных реформаторов – из-за неблагоприятных условий на континенте наступила очередь англичан поддерживать общеевропейское дело Реформации. В результате поражения германских протестантских войск при Мюльберге после мая 1548 г. вступило в действие соглашение о перемирии с императором Карлом V, согласно которому протестанты, хотя и получили некоторые уступки (сохранялись брак духовенства, причастие под обоими видами и определенные элементы доктрины оправдания верой), но были

вынуждены согласиться на такие неудовлетворительные пункты доктрины, как сохранение веры в пресуществление, все семь таинств, поклонение Деве Марии и святым, посты²¹.

Англичане в это время прямо приглашали в свою страну тех, кого по религиозным причинам преследовали на родине, а также крупнейших европейских реформаторов с целью оказания содействия в реализации своих планов продолжения реформ. Из лиц с общеевропейской известностью в Англию переехали на жительство Петр Мартир Вермигли (1499–1562) и Мартин Буцер (1491–1551), сразу получившие кафедры в Оксфорде и Кембридже, а также видный гебраист Пауль Фагиус (1504–1549). Побывал в Англии Филипп Меланхтон (1497–1560), звали сюда и Жана Кальвина (1509–1564), к которому обращался архиепископ Кранмер, но тот не приехал.

Томас Кранмер мечтал в это время об объединении европейских протестантов в противостоянии католицизму и о создании организации протестантов в европейском масштабе с совещательной формой правления. Но лютеране не проявляли явного энтузиазма в этом деле. Умеренные лютеране даже не возражали против примирения с Римом на приемлемых условиях – во всяком случае Меланхтон взялся обосновывать возможность тех условий, которые содержались в перемирии 1548 г.²² В целом, как замечал американский историк Ч. Крименс, анализируя усилившееся влияние европейских реформаторов в Англии, трудно отделаться от мысли о том, что власти как будто давали возможность англичанам из первых рук познакомиться с представителями европейской Реформации. Учитывая то, что в Англии вскоре появились также иностранные общины реформированных церквей, можно было понаблюдать их деятельность на практике, сделать свои выводы и поддержать дальнейшие реформы церкви, замышляемые властями²³.

Швейцарские реформаторы повлияли на пуритан в одном из ключевых пунктов доктрины – в понимании Евхаристии. В середине и второй половине 40-х гг. XVI в. этот вопрос был предметом споров в их собственной среде, так как Мартина Буцера, Жана Кальвина и ученика и преемника Цвингли в Цюрихе – Генриха Буллингера (1504–1575) и других богословов в швейцарских реформированных церквях не удовлетворяли ни позиция Лютера, слишком близкая к католицизму и мистифицировавшая Евхаристию, ни мнение Цвингли, слишком рационалистическое: для него она была лишь «символическим воспоминанием» о жертве Иисуса Христа. Английский историк П. Коллинсон, один из крупнейших современных специалистов по английскому пуританизму, характеризовал принятые швейцарскими богословами решения и их влияние на англичан следующим образом. В 1549 г. швейцарские реформированные церкви подписали документ под названием «Consensus Tigurinus» и договорились понимать

Евхаристию так: материально вкушая освященный хлеб, причащающийся укрепляется духовно, причастие происходит на двух уровнях. Христос не присутствует в освящаемых элементах реально и телесно, таинство само по себе не несет благодати, телесно Христос находится на небесах по правую руку от Бога – Отца, но своей духовной силой укрепляет принимающих причастие. Для образной иллюстрации этих сохраняющих мистический оттенок тезисов приводилась аналогия с тем, что удаленность солнца не мешает ему согреть теплом наши тела²⁴. Эти позиции и определили взгляды видных деятелей Реформации при Эдуарде VI – епископа Николаса Ридли, самого архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера, хотя сами они не видели в действии европейские реформированные церкви и на континенте не бывали. Признавал это влияние и еще один церковный деятель того времени – Эдмунд Гриндел, будущий архиепископ Йоркский и Кентерберийский, который был уже в это время замечен реформаторской партией, что подготовило его восхождение в будущем. Знаменательно, что англичане не выдвинули своих взглядов на Евхаристию: и англикане, и пуритане находились в этом вопросе под влиянием европейских авторитетов.

Конец 40-х – начало 50-х гг. XVI в. были благоприятным временем для дальнейших реформ в церковном строе. Все сторонники реформ могли бы объединиться, и Церковь Англии еще дальше продвинулась бы в избавлении от остатков прежних, католических церемоний и институтов. Однако в среде реформаторов уже не было единства, противоречия возникли между бывшими эмигрантами и теми из епископов, кто в эмиграции не был²⁵. Тот, кто уже видел в большей степени реформированные церкви, нежели англиканская, торопил события, не всегда учитывая национальные особенности, подражая непродуманно континентальным образцам. К тому же, как пишет М. Кнэппен, «руководство партией, ориентировавшейся на континентальные порядки, оказалось в руках человека, который не был ни государственным деятелем, ни дипломатом и представлял из себя яростного и заблуждающегося сторонника партийной позиции. Это был бывший эмигрант Джон Хупер. Он бросился сразу во все возможные драки»²⁶.

Хупера обычно имеют в виду, когда говорят о появлении пуритан уже в правление Эдуарда VI. Хупер – явный зачинщик спора об облачениях в англиканской церкви, который активно развернулся позднее, уже в середине 60-х гг. XVI в., в момент появления пуританской партии со всеми ее признаками, когда появился и сам термин «пуританизм». Некоторые черты пасторской практики Хупера также напоминают пуритан.

За время пребывания в Швейцарии Хупер стал сторонником местной практики в облачении священников – здесь они одевались в одинаковые

черные платья, как и в университетах. Это имело и определенную доктринальную основу – так проявлялась доктрина всеобщего священства. Молитвенник 1549 г. предписывал использование традиционных облачений: риза и стихарь (alb) для священников, стихарь с узкими рукавами (goshet), капюшон для епископов. На это возражали Мартин Буцер и другие реформаторы, которых в определенном смысле можно назвать протопуританами.

К 1550 г. важнейшие деятели в дальнейшем проведении Реформации – Томас Кранмер и Николас Ридли – были готовы внести изменения в официальную позицию и уступить, но они старались не оскорбить более традиционно настроенную часть духовенства. В 1550 г. Хупер предложил стать епископом Глостерским. Он отказался принимать сан в традиционных облачениях, завязалась полемика. Хупер распалился до того, что стал называть англиканскую партию «маскирующейся», «суеверной», «детьми мира сего», состоящими в заговоре с папистами с целью удержания Англии в суеверии, обращался к Тайному совету, предупреждая, что епископы – его враги, а когда члены Тайного совета попытались его увещевать, он заявил, что этот вопрос не входит в их компетенцию, говорил о тирании, о правах индивидуальной совести²⁷. Это был один из первых примеров в истории Реформации в Англии, наглядно показывавший, как трудно вести полемику с радикальным реформатором, уверенным в своей правоте, поскольку Хупер, по его мнению, все это вычитал в Св. Писании.

Тайный совет приказал Хуперу не покидать своего дома, воздержаться от проповеди своих взглядов. Хупера обвинили в буквалистской трактовке Св. Писания, даже в анабаптизме. Это привело к тому, что и дальше упорствовавший Хупер на три недели оказался в заключении и в итоге был возведен в сан епископа по традиционному обряду в предписанных облачениях, согласившись на предъявленные требования. Дело было еще и в том, что до Хупера в епископы без традиционного облачения был посвящен Роберт Феррар (Сент-Дейвидская епархия), но епископ Лондонский Ридли отказался посвящать таким же образом Хупера из-за шумной кампании, которую он развернул.

Многие деятели того времени были вынуждены выразить свое мнение по этому поводу. Мартин Буцер, хотя и выступал против облачений, высказался против позиции Хупера из-за его непокорности. Петр Мартир заявил, что облачения сами по себе безразличны. Пока эти события широких масштабов не приобрели, они спровоцировали внутрицерковный кризис лишь в середине 60-х гг. XVI в., но принципиальные позиции и аргументы сторон сложились уже в споре, развязанном Хупером.

Д. Мак-Каллок отмечает еще одну особенность в характеристике позиции Хупера: он считает, что она еще и отражала планы графа

Уорвика, герцога Нортумберлендского лишить англиканскую церковь еще части имущества. Для этого он и искал контакты с теми реформаторами, которые требовали упрощения ритуалов, считали образ жизни епископов слишком роскошным²⁸. Данное предположение и известные факты на этот счет обсудил П. Коллинсон, склоняясь к выводу о том, что у Нортумберленда в этом вопросе были свои интересы, а у радикальных реформаторов – свои мотивы. Он приводит пример еще одного радикального реформатора – шотландца Джона Нокса (1510–1572), который был посвящен в планы Нортумберленда и не соблазнился ими, вообще между реформаторами и Нортумберлендом чувствовались натянутость и отчуждение²⁹.

Преобладающая точка зрения на рассматриваемый вопрос сводится к тому, что радикалы нападали на епископов не по материальным причинам, а из-за своей доктринальной позиции. Так думал и М. Кнэппен, утверждая, что разжиганию спора способствовали и личные качества самого Хупера. Он отмечал, что пуританская фракция в ходе своей истории вообще страдала от неадекватного руководства, не способного выстроить продуманную в политическом отношении линию поведения³⁰. Тот, кто руководствовался бы политическими и материальными интересами, действовал бы более рационально и взвешенно. У этого типа людей преобладали все-таки эмоциональные, религиозные мотивы, другое дело, что такие эмоциональные люди могли быть поставлены на службу определенным политическим планам.

В дополнение к руководству Глостерской епархиальной администрации Хупер принял в начале 1552 г. и обязанности епископа Вустера. К этому времени формируются еще некоторые его взгляды, характерные впоследствии для пуритан. Церковь он определял как общину верных. Раз в четыре месяца он проводил встречи с епархиальным духовенством с целью обсуждения пастырских проблем. Эти собрания были в некотором роде прообразом особого органа, существовавшего у пуритан эпохи Елизаветы – «пророчеств», где участники толковали Св. Писание и наставляли друг друга. Следуя швейцарской практике в системе епархиальной администрации, Хупер ввел должность суперинтендантов. Он регулярно кормил бедных в своем доме и проявлял большую активность в епархиальных делах. Свокорыстные мотивы в духе планов Нортумберленда по грабежу церкви вряд ли могли найти поддержку у Хупера и свидетельством этому – дальнейшая судьба реформатора. В новую эмиграцию после католической реставрации при Марии он не поехал и в феврале 1555 г. был сожжен³¹.

Ключевым явлением в истории английского пуританизма были также распространение и утверждение кальвинизма в Англии, начавшиеся на рубеже 1540–1550-х гг. Иностранцы общины, созданные в период правления Эдуарда VI, внесли свой вклад в пополнение идейного багажа англий-

ской Реформации. В Лондоне их было три. Среди прочих европейских эмигрантов в Англию прибыл и поляк-кальвинист Иоанн А'Ляско (Ян Лаский) (1499–1560), получивший должность интенданта реформированных общин. Хотя англичанам запрещалось посещать их службы, новые идеи нельзя было удержать в стенах. Кальвинистские общины в Англии создавались главным образом голландцами и французами³². Англиканские епископы пробовали чинить препятствия этим общинам. Только осенью 1551 г. король утвердил за ними привилегию совершать службы по своему обряду. Эти общины отличались активным участием светских лиц в церковных делах, старосты общин проходили такой же обряд рукоположения, как священники. Из чинов священнослужителей в них были только священники, дьяконы и старосты. Общины выдвигали кандидатов на эти должности при появлении вакансий. Они рассматривались действующим руководством общины, делавшим выбор, который не должен был расходиться с волей общины, итоговое назначение утверждалось короной. Общины эмигрантов отличались суровой дисциплиной, в них два раза в неделю проходили собрания для духовного наставления, называемые «пророчествами». Представители эмигрантских общин раз в месяц встречались для решения вопросов вероучения и текущих проблем. Все это представляло собой первый пример действия пресвитерианской системы на английской земле³³. Кроме лондонских, хорошо известно о существовании французской кальвинистской общины в Гластонбери на юго-западе Англии, у Бристоля. Здесь, правда, к иностранцам настороженно относились местные жители, проявляя типичную для XVI в. подозрительность к чужакам, поэтому более сильным влияние эмигрантских общин было в Лондоне³⁴.

Кальвинизм укрепил положение Реформации в Европе, поскольку Кальвин обнаружил в разработке доктрины не только идейный потенциал, но и организаторские способности как политический деятель. Система церковного управления в кальвинизме делала большую ставку на привлечение к делам мирян. Для нее была характерна жесткая дисциплина, сложилась своеобразная религиозно-политическая организация. Лютер же фактически отдал политику на откуп светским государям и это ослабило лютеранское направление в Реформации. Можно утверждать, что без этой энергичной организующей роли кальвинизма Реформация не достигла бы столь прочных позиций в борьбе с католицизмом. Лютеране при характерных для них примирительности и склонности к компромиссам не смогли бы отстоять дело Реформации политическими и организационными методами.

Одним из активнейших деятелей начальной стадии развития английского кальвинизма был Джон Нокс. На его обращение в кальвинизм повлиял, очевидно, шотландец Джон Уишарт, ранний

приверженец Кальвина, проповедовавший тайно в Англии в 1538–1539 гг.³⁵ Нокс был шотландцем и стал важнейшим деятелем шотландского и английского кальвинизма. Он начал свою деятельность сразу как адепт швейцарской школы реформаторов, влияние Лютера и Меланхтона в его взглядах не прослеживается. Ему тоже пришлось жить на континенте в эмиграции во времена Генриха VIII. Он попал в руки католиков, которые продали его на французские галеры. В 1549 г. Нокса выкупили английские власти, поскольку его причисляли к тем, кто способен был продвинуть религиозную реформу.

С 1549 по 1553 г. Нокс был священником в приходах Ньюкасла и Бервика. Его влияние в действительности простиралось за пределы этих городов, о чем свидетельствует тот факт, что в декабре 1551 г. Нокса назначили одним из шести капелланов королевского двора. В Бервике состоялись первые службы по кальвинистскому образцу в Англии. С Ноксом консультировались при подготовке нового молитвенника и при обсуждении символа веры англиканской церкви – 42 статей, который тоже готовился в это время. Кроме указанных документов, в 1550 г. был опубликован новый ритуал возведения в сан священников и епископов, формулировавший протестантское понимание этих степеней³⁶. Кальвинизмом заинтересовался и юный король Эдуард VI. Нокс, проповедуя при дворе, произвел на него такое впечатление, что убедил короля включить в текст молитвенника 1552 г. так называемую «черную рубрику» – в ней утверждалась неуместность опускания на колени при причастии по той причине, что вино и хлеб тут не претерпевают сверхъестественной трансформации, и Христос не присутствует телесно в освящаемых элементах³⁷. В 1550 г. Томас Хьюк, близкий к Эдмунду Гринделу (впоследствии, когда Гриндел стал епископом Лондонским, он был его епархиальным канцлером), напечатал в Лондоне самое раннее английское издание «Формы молитв Женевы». В 1551 г. Валеран Пулле, глава общины в Гластонбери, опубликовал в Лондоне форму литургии, использовавшуюся французской общиной в Страсбурге³⁸. В 1552 г. в Англии вышло сочинение Кальвина «De Aeterna Dei Praedestinatione», и вопросы предопределения сразу попали в круг обсуждения части английских богословов. Зазвучали возражения доктрине англиканской церкви, где эти моменты не были отчетливо отражены. Знакомство с трудами Кальвина также свидетельствовало о том, что Реформация в Англии еще не закончена. Так, Кальвин различал реформированные церкви с «терпимыми глупостями» и «полностью реформированные церкви», и английская церковь среди последних не числилась³⁹.

Реформы, задуманные при Эдуарде VI, были всесторонними: об их характере можно судить по молитвеннику 1552 г., книге по религиозному

наставлению для начинающих (Primer) 1553 г., по 42 статьям и сопровождавшему их катехизису, готовилось и новое издание английского канонического права «Reformatio Legum Ecclesiasticarum», но оно не было закончено и осуществлено. В 42 статьях отмечают лютеранские и швейцарские влияния, катехизис содержал «почти неоцивильганскую трактовку таинств»⁴⁰. Инициатива в проведении реформ принадлежала светским властям и архиепископу Кранмеру, с церковными органами и их полномочиями почти не считались. При этом архиепископ Кранмер стал раздраженно высказываться в адрес радикалов. Например, при подготовке и обсуждении молитвенника 1552 г. он заявил: «Если слушать этих людей, молитвенник можно менять каждый год, и все равно они найдут в нем изъяны». Специальное внимание Кранмер уделил опровержению мнения о том, что все в церкви должно делаться в соответствии с Писанием – эту идею он назвал «подрывной, бунтарской и гибельной»⁴¹.

Несмотря на весь накал страстей и споры, формировавшаяся группа сторонников продолжения Реформации в это время оставалась еще левым крылом общей партии реформаторов, а не самостоятельным образованием. Будущие пуритане превосходили англикан лишь пылом и рвением в отстаивании дела Реформации. Они субъективно ощущали себя самыми верными ее приверженцами, а англикане, по их мнению, тянут с реформой и идут на компромиссы. Для предшественников пуритан было характерно и то, что они практически не искали поддержки светских властей.

Король Эдуард VI проявлял симпатии к позициям радикальных реформаторов, и если бы он прожил дольше, в Англии вполне бы мог установиться церковный строй, напоминающий швейцарские реформированные церкви⁴². Однако судьба распорядилась иначе, еще раз продемонстрировав зависимость религиозной ситуации в Англии от взглядов монарха. 6 июля 1553 г. Эдуард VI умер. Вероисповедное кредо англиканской церкви – 42 статьи – не успели получить парламентское утверждение. Томас Кранмер дискредитировал реформаторскую партию участием в заговоре по возведению на престол Джейн Сеймур, который завершился неудачей. Один из лидеров радикалов – Джон Хупер – поддержал вступившую на престол Марию Тюдор, но это ничего не дало: дочь Екатерины Арагонской была рьяной католичкой. Тем не менее Реформация в Англии, вышедшая на новый этап своего развития в правление короля Эдуарда VI (1547–1553), оказалась уже необратимой, чему способствовало и то обстоятельство, что правление Марии Тюдор (1553–1558) и реставрация католицизма оказались кратковременными. Есть основания утверждать, что в правление Эдуарда VI сложились идейные основы для последующего развития английского пуританизма.

Примечания

- ¹ O'Day R. The Debate on the English Reformation. London ; New York : Methuen, 1986. P. 7.
- ² Knappen M. M. William Tyndale – First English Puritan // Church History. 1936. Vol. 5, № 3. P. 201–215.
- ³ Kendall R. T. Calvin and English Calvinism to 1649. Oxford : Oxford University Press, 1979. 238 p.
- ⁴ Knappen M. M. Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism. Chicago : University of Chicago Press, 1939. P. 19, 28.
- ⁵ Davies J. F. The Trials of Thomas Bilney and the English Reformation // Historical Journal. 1981. Vol. 24, № 4. P. 775–790.
- ⁶ Cremeans Ch. D. The Reception of Calvinistic Thought in England. Urbana : University of Illinois Press, 1949. P. 24.
- ⁷ Dickens A. G. The English Reformation. London ; Glasgow : Collins, 1973. P. 54–55.
- ⁸ Knappen M. M. Tudor Puritanism. P. 40.
- ⁹ New J. F. H. Anglican and Puritan. The Basis of Their Opposition, 1558–1640. Stanford : Stanford University Press, 1964. 140 p.
- ¹⁰ См. напр. : Horst J. B. The Radical Brethren. Anabaptism and the English Reformation to 1558. Nieuwkoop : B. DeGraaf, 1972. 211 p.
- ¹¹ См.: Ильин В. Н. Анабаптизм в Англии XVI в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 208 с.
- ¹² Holden W. P. Anti-Puritan Satire, 1572–1642. Hamden (Connecticut) : Archon Books, 1968. P. 2.
- ¹³ Hall B. The Early Rise and Gradual Decline of Lutheranism in England (1520–1660) // Reform and Reformation : England and the Continent, 1500–1750 / ed. by D. Baker. London, 1979. P. 103–131.
- ¹⁴ Rose E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. 266 p.
- ¹⁵ Emerson E. H. English Puritanism from John Hooper to John Milton. Durham (N. C.) : Duke University Press, 1968. P. 3.
- ¹⁶ Mac Culloch D. The Later Reformation in England, 1547–1603. New York : St. Martin's Press, 1990. P. 1.
- ¹⁷ Knappen M. M. Tudor Puritanism. P. 72.
- ¹⁸ Haugaard W. P. Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion. Cambridge : Cambridge University Press, 1968. P. 11.
- ¹⁹ Alexander H. G. Religion in England, 1558–1662. London : University of London Press Ltd., 1968. P. 38.
- ²⁰ Mac Culloch D. Op. cit. P. 12.
- ²¹ Knappen M. M. Op. cit. P. 74.
- ²² Ibid. P. 77–78.
- ²³ Cremeans Ch. D. Op. cit. P. 31.
- ²⁴ Collinson P. Archbishop Grindal, 1519–1583. The Struggle for a Reformed Church. London : Cape, 1979. P. 43–44.
- ²⁵ Emerson E. H. Op. cit. P. 3, 4–5.
- ²⁶ Knappen M. M. Tudor Puritanism. P. 82.
- ²⁷ Ibid. P. 85–87.
- ²⁸ Mac Culloch D. Op. cit. P. 15.
- ²⁹ Collinson P. Op. cit. P. 62–64.
- ³⁰ Knappen M. M. Tudor Puritanism. P. 85–89.
- ³¹ Emerson E. H. Op. cit. P. 48.
- ³² Gwynn R. D. Huguenot Heritage. The History and Contribution of the Huguenots in Britain. London : Routledge&Kegan Paul, 1985. 220 p.
- ³³ Knappen M. M. Tudor Puritanism. P. 90–95.
- ³⁴ Cremeans Ch. D. Op. cit. P. 31.
- ³⁵ Ibid. P. 44.
- ³⁶ Mac Culloch D. Op. cit. P. 17.
- ³⁷ Cremeans Ch. D. Op. cit. P. 44.
- ³⁸ Collinson P. Op. cit. P. 76.
- ³⁹ Porter H. C. Puritanism in Tudor England. London : Macmillan, 1970. P. 56.
- ⁴⁰ Haugaard W. P. Op. cit. P. 17–18.
- ⁴¹ Emerson E. H. Op. cit. P. 5.
- ⁴² Ibid. P. 5.\

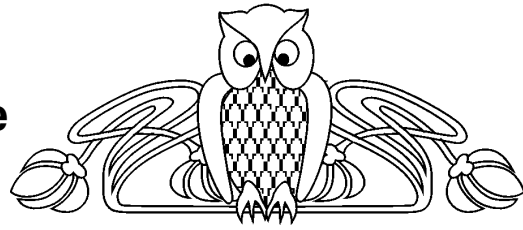
Поступила в редакцию 22.09.2020, после рецензирования 27.09.2020, принята к публикации 05.11.2020
 Received 22.09.2020, revised 27.09.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 60–66
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 60–66

Научная статья
УДК 94(410)|1714/1837|
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-60-66>

«Война на полуострове»: англо-французское противостояние на Пиренеях в ходе Второй Столетней войны (1689–1815)

Д. О. Гордиенко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Гордиенко Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, stuartssergant@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3607-2095>

Аннотация. В статье показано англо-французское противостояние на Пиренейском полуострове как важный этап Второй Столетней войны. На примере удаленного действия британского экспедиционного корпуса демонстрируется «английский стиль» войны: оперирование армейских частей при активной поддержке королевского флота. Формулируется вывод, согласно которому Пиренейские войны начала XIX в. имеют определенное значение в системе революционных и Наполеоновских войн.

Ключевые слова: англо-французское противостояние, Война на Пиренеях, Наполеоновские войны, герцог Веллингтон, император Наполеон I, британская армия, королевский флот, малая война

Для цитирования: Гордиенко Д. О. «Война на полуострове»: англо-французское противостояние на Пиренеях в ходе Второй Столетней войны (1689–1815) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 60–66. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-60-66>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-60-66>

«The Peninsular War»: The Anglo-French confrontation in the Pyrenees during the Second Hundred Years' War (1689–1815)

Dmitry O. Gordienko, stuartssergant@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3607-2095>

Samara National Research University named after S. Korolev, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Abstract. The article shows the Anglo-French confrontation on the Iberian Peninsula as an important stage of the Second Hundred years' War. The example of remote action of the British expeditionary force demonstrates the «English style» of war: the operation of army troops with the active support of the Royal Navy. The author comes to the conclusion that the Pyrenean wars of the beginning of the XIX century have a certain significance in the system of Revolutionary and Napoleonic wars.

Keywords: Anglo-French confrontation, «the Peninsular War», Napoleonic wars, Duke of Wellington, emperor Napoleon I, British army, royal navy, small war

For citation: Gordienko D. O. «The Peninsular War»: The Anglo-French confrontation in the Pyrenees during the Second Hundred Years' War (1689–1815). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 60–66 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-60-66>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Последним крупным конфликтом средневековой Англии была Столетняя война 1337–1453 гг. Главным врагом Туманного Альбиона в этом противостоянии – серии войн, растянувшихся на более чем столетие и закончившихся поражением Плантагенетов и потерей ими практически всех континентальных владений – была Франция. Несмотря на активное участие англичан в

большой европейской политике при Тюдорах (1485–1603 гг.) и Стюартах (до 1688 г.) ни в одной большой войне на континенте, подразумевавшей отправки крупной сухопутной армии, Англия участия не приняла¹ (попытка бряцания оружием в 1627 г., во время скоротечной войны с Людовиком XIII, когда Лондон оказал помощь гугенотам Ла-Рошели, окончились провалом экспедиции на

остров Рё и еще долго болезненно воспринимались в Англии²). Участие кромвелевской Англии в войне против Испании (в союзе с Францией), кульминацией которой стала битва в Дюнах (14 июня 1658 г.)³, ограничилось отправкой на континент контингента в 6 тыс. солдат⁴. Экспедиционный корпус при Карле II во время Третьей англо-голландской войны был недостаточно многочисленным, но сравнение с огромной (а она была в начале своего численного роста) армией Людовика, Богоданного (но еще не Великого), французского кузена и союзника, порождало еще большую обеспокоенность возможным будущим столкновением двух различных по мощи национальных военных систем⁵. Война 1667 г., когда Людовик, защищая права своей жены, вторгся в Испанские Нидерланды и впервые после мира 1659 г. продемонстрировал, на что на самом деле способна крепнущая французская армия (тем самым вызвав в Англии уважение, трепет и страх), которая может стать реальной угрозой пресловутому «равновесию силы»⁶.

Первым крупным конфликтом, во время которого Англия вынуждена была вести войну на континенте силами крупной армии, разбросанной по нескольким удаленным друг от друга и от метрополии театрам, стала Война за испанское наследство (1702–1713). Впервые британские армии эпохи Модерна приняли участие в полномасштабной войне на территории Пиренеев – серии кампаний, участвуя в которых, англичане достаточно скоро осознали опытным путем важность оттягивания французских ресурсов от основных районов всевропейской войны. Через столетие после этого конфликта вновь в задачах английского военного секретариата возникла необходимость планирования боевых действий на Пиренеях. Как оказалось (или считается в британской историографии⁷), война на полуострове стала важным вкладом британского оружия в победу союзников над Первой империей.

Участие британских контингентов в боевых действиях на Пиренейском полуострове в Новое время можно проследить с конца XVI в. В ходе начавшегося в 1578 г. династического кризиса в Португалии (после смерти короля Себастьяна I) англичане оказывали военную помощь претендентам на престол, боровшимся против претензий Филиппа II Испанского. Борьба против Испании как при Елизавете I, так и при Карле I, носила характер атак английского флота на испанские колонии, конвои и высадку десанта против портов атлантического побережья державы Старшей ветви Габсбургов.

К середине XVII в. англо-испанские отношения прошли путь от примирения (при Якове I) до нового противостояния (при О. Кромвеле). Это время, когда в Европе шла тяжелейшая Тридцатилетняя война, совпало с разрывом в 1640 г. испано-португальской унии и восстановлением независимости Лиссабона, который стал рассма-

тривать Лондон как своего важного коммерческого и военного союзника⁸. В то же время стратегия борьбы Парижа против Мадрида в рамках противостояния, начавшегося формально в 1635 г., подразумевала активную помощь (финансовую и военную) испанским инсургентам (каталонцам и Португалии), боровшимся против Филиппа IV и оттягивавшим определенное количество войск с основных театров войны. Уже к 1659 г. (к окончанию испано-французской войны) французские наемники и волонтеры активно сражались против испанского короля на Пиренеях. Среди них было и определенное количество британцев-роялистов.

Английский король Карл II, еще во времена изгнания, одним из факторов выстраивания отношений с Испанией после возможной реставрации монархии на островах юридически (договор 1656 г.) отказался от помощи португальским мятежникам⁹. Однако после Реставрации весной 1660 г. новое английское правительство продолжило поддержку Лиссабона, причем на ином качественном уровне. Карл женился на сестре Афонсу VI, получил от новых родственников ряд колоний в качестве приданного и отправил на помощь португальцам контингент в 6 тыс., часть среднего и высшего командного состава которого уже воевали до этого на Пиренеях под эгидой Франции¹⁰. Людовик XIV гарантировал своему двоюродному брату Карлу Стюарту материальную помощь для содержания английских войск, ослаблявших его испанского тестя. Англичане принимали активное участие в сражениях против испанцев до конца португальской Войны за независимость¹¹.

Таким образом, в середине XVII в. англичане накопили определенный опыт участия в боевых действиях (в чем) силами экспедиционного корпуса на Пиренеях; королевский флот обладал навыками проведения десантных операций и переброски войск и грузов через Бискайский залив¹², тем более, что первая серьезная колониальная война Англии в Новое время – Танжерская эпопея 1661–1684 гг. – позволила наработать дополнительную практику.

К концу XVII в. происходит окончательный отход английской внешней политики от союза с Францией, направленного на борьбу с Испанией, а затем и с Голландией. Данный поворот начался еще при Карле II, но оформился, после того как Вильгельм III был занесен на британский престол «протестантским ветром». Для Вильгельма участие его новых владений в большой войне против Людовика XIV (Орлеанская война 1689–1697 гг.) было желанным, учитывая возрастающие ресурсы трех королевств. Для англичан противостояние с Францией (популярное не у всех представителей островной элиты) означало решение ряда накопившихся колониальных, коммерческих и геополитических (борьба против растущей европейской гегемонии Парижа, попытка сохранить традицию «европейского баланса»¹³) протививо-

речий¹⁴. Война положила начало серии из семи больших конфликтов, длившихся до 1815 г. и окончившихся серьезным поражением Франции, усилением английской колониальной, экономической и морской мощи. В современной англоязычной исторической традиции этот период получил название Второй Столетней войны. Одним из определяющих факторов большой европейской политики «века Людовика XIV» становится стремительное ослабление Испанской державы и (после осознания невозможности Карлом II иметь потомства) вопрос раздела державы Карла V и Филиппа II¹⁵, который принимал даже варианты (уже в ходе войны) раздела собственно Испании (суммы корон Кастилии, Арагона и Наварры) между Филиппом V и Карлом III¹⁶.

Идея создания театра боевых действий на полуострове относится к кануну начала следующей большой войны – за Испанское наследство (1702–1714 гг.). Накопив первый в своей истории в Новое время опыт участия британских экспедиционных войск на континенте (во Фландрии), англичане оказались перед выбором стратегии действий в будущем – сильный контингент, выставленный против основных войск Людовика XIV (крупнейшая и лучшая сухопутная армия Европы) мог понести колоссальные потери, равно как и его содержание обходилось королевской казне в огромные суммы.

Старая стратегия действий, заимствованная со времен Тюдоров и Ранних Стюартов, подразумевала отправку на континент незначительного корпуса и активные, беспокоящие противника действия флота, проводящего в том числе и десантные операции. Однако корона была вынуждена, как и в предыдущем случае, отправить на континент (во Фландрию) сильную по английским меркам армию под командованием Д. Черчилля-Мальборо, который должен был действовать совместно с союзниками (голландцами и имперцами). Для британской внешней политики подобные действия обозначали, в первую очередь, демонстрацию своих намерений сражаться против общего врага до конца и без компромисса. Учитывая превосходство (качественное и в начале войны – количественное) армий Людовика XIV над союзниками, можно утверждать, что решительная победа французов, опиравшихся своими тылами на «железный пояс» (линии крепостей Вобана), могла привести к выходу Соединенных Провинций из конфликта, тем более, что опыт победоносной войны против голландцев был в активе побед Людовика в 1670-х гг., что для Лондона было недопустимым. Проведение крупных операций силами флота и армии на территории собственно Франции (пример действий 1707 г. под Тулоном и целого ряда других, незначительных по масштабу десантов) показывали их бесперспективность.

В начале XVIII в. одним из факторов, заставивших обратить внимание англичан на Пиренеи, стала позиция Португалии, позволившая в даль-

нейшем создать на территории древней Лузитании базу снабжения; территория и порты королевства уже были хорошо знакомы британцам по предшествующему периоду. Португалия, связанная тесными коммерческими интересами с Англией, не была сателлитом Лондона, слепо следующим за ним в фарватере внешней политики¹⁷. Однако некоторые действия французов, которые, выстраивая добрые отношения с Лиссабоном после воцарения Филиппа V, покусились на полученные португальцами при Карле II Испанском торговые преференции, в конечном итоге сделали португало-французский союз невыгодным для Португалии и привели ее к союзу с Британией.

Первоначально идея открытия боевых действий на Пиренеях не была главной для английской стратегии – британцы силами флота и ограниченных армейских контингентов обеспечивали прибытие на Пиренеи Карла «III» Габсбурга, поддерживали его и испанских инсургентов¹⁸, выступивших против Филиппа V, пользовавшегося поддержкой сословий Кастилии, основного по ресурсам королевства композитарной испанской монархии. Однако старая тактика действий против испанских конвоев из Америки силами флота привела к реанимации концепции, известной с 1650-х гг., обретения Англией порта-базы на атлантическом побережье¹⁹. Еще генералы моря Блейк и особенно Монк предлагали захватить какой-либо испанский порт (приоритет отдавался Кадису)²⁰. Именно в рамках этой концепции Лондон так долго пытался сохранить Танжер. Удачная атака и удержание затем Гибралтара в 1704–1705 гг. подтвердили правильность выбранных действий для английского командования и предоставили флоту и армии великолепную базу для действий по обе стороны Геркулесовых столпов²¹.

В целом для этой первой большой войны Нового времени, когда англичанам пришлось собирать внушительную армию для ведения боевых действий за морем, было характерно весьма ограниченное использование британских войск на Пиренеях. Несмотря на определенные успехи и воодушевление в Лондоне, корона никогда не рассматривала этот театр как основной и, соответственно, не предоставляла командованию необходимых ресурсов²², что, впрочем, не снижало накала собственно боевых действий²³. Английские генералы в Испании и Португалии всегда действовали в тесной взаимосвязи с испанскими инсургентами и силами союзников²⁴. Главной задачей для английских сил стала защита британских коммерческих интересов в регионе, предоставление крепкого тыла для флота, оперировавшего в том числе в Западном Средиземноморье, на значительном удалении от своих традиционных баз (в отличие от французов)²⁵.

В последующих крупных конфликтах XVIII в. (война за австрийское наследство, Семилетняя война и эпопея по неудачному замирению Тринадцати колоний) англичане позволяли себе по

отношению к Пиренейскому театру военных действий только десантные операции, категорически отказавшись от развертывания экспедиционных сил на полуострове. Одной из основных причин подобного рода шагов стали качественные и количественные изменения испанского флота и сухопутной армии, произошедшие при Филиппе V и его сыновьях. В условиях «испанского ренессанса» времен первых Бурбонов действия британских войск были, скорее всего, обречены на провал и большие потери.

Британский флот и сухопутные силы приобрели в XVIII столетии богатый опыт по проведению многочисленных и крупномасштабных десантных операций. Некоторые из них осуществлялись с привлечением крупных армейских контингентов. В частности, захват французской Канады в ходе Семилетней войны потребовал переброски в Новый свет большинства из 50 тыс. регулярных войск, которыми располагали англичане; десант на Кубу (при всей своей неоднозначности по достигнутым итогам) – тоже пример колоссальных усилий, предпринятых чинами армии и флота Его Величества²⁶. Учитывая большие потери, которые понесли английские армии, действовавшие на континенте, к северу от французских границ как в 1740-х гг., так и в следующие десятилетия, идею возможности прорыва границ Прекрасной Франции следовало отбросить как бесперспективную. Британские стратеги к концу XVIII в. четко осознали возможность «зайти» во Францию только «с черного хода». Единственной проблемой для Лондона и военного секретариата в этом вопросе стала трагедия мучительного определения (вернее, его фактическая невозможность) месторасположения этого «черного хода». Более того, в отличие от англичан французы в течение XVIII в. очень хорошо представляли, где находится этот «черный ход». Неоднократные попытки поддержки действий якобитов (как после Славной революции²⁷, так и в начале²⁸ и середине столетия²⁹) и угроза в Ирландии³⁰ (вплоть до 1798 г.) красноречиво иллюстрируют этот тезис.

Когда в 1793 г. официально началась война с Францией, британское военное руководство стало проводить операции против Парижа по лекалам предыдущих конфликтов – от десантов и попыток захвата портовых баз (в первую очередь Тулона) до высадки войск на континенте, во «Фландрии» (провальная экспедиция герцога Йоркского). В отличие от войн XVIII в. Лондон в большей степени решил сделать ставку на помощь французам, несогласным с политикой новых властей (поддержка эмиграции, вандейских повстанцев), однако к началу XIX в. эта практика показала свою несостоятельность.

Также Лондон стал впервые активно оказывать большую материальную помощь участникам антифранцузских коалиций. Финансовая мощь Соединенного Королевства к временам противостояния с республиканской и наполеоновской

Францией возросла по сравнению с началом XVIII в.³¹ Существенно выросла численность населения страны, увеличились объемы ее коммерческой активности. Несмотря на все колоссальные финансовые издержки, Лондон мог позволить себе иметь мощный флот и достаточно сильную сухопутную армию с возможностью ее численного роста. За последнюю треть XVIII в. значительная часть среднего и высшего командного состава (как и унтер-офицерские кадры) армии Георга III прошла через колониальные войны, получив бесценный опыт, позволявший отчасти нивелировать проблемы некомпетентности (и коррупции) другой части английских командиров. Достаточно отметить, что во время массовой истерии (и благодаря ей), в момент подготовки Наполеоном Булонского лагеря в 1804–1805 гг., имевшей место в Англии, только волонтеров в ополченческие части (помимо милиции и увеличенной регулярной армии – до 90 тыс. в Англии и Ирландии) записалось порядка 400 тыс. чел.

Тем не менее театр боевых действий, который стал, по мнению представителей британских военных и историков, решающим вкладом Соединенного Королевства в разгром «Узурпатора» – Пиренеи, регион, где развернулась эпическая для английской традиции «Война на полуострове», долгое время был для стратегов военного секретариата Британии недопустимым для развертывания крупных военных сил. До 1807 г. единственной опорой Англии на полуострове (не считая анклага Гибралтара) была Португалия – коммерческий партнер, не закрывший своих портов для английских военных и коммерческих судов. Пиренеи выполняли роль перевалочной базы между Англией и Средиземным морем, где на Мальте и великих островах (Сардиния и Сицилия) располагались британские гарнизоны, ограниченные в своих возможностях. Португалия была лишь усиливающим и дублирующим Гибралтар фактором. Только начало крупномасштабных действий Наполеона против Португалии в конце 1807 г., а затем и смена его политики по отношению к Испании (до этого остававшейся в русле заложенного в начале XVIII столетия профранцузского курса), приведшая к Мадридскому восстанию 1808 г. и началу полномасштабных боевых действий в Испании, вынудили Лондон начать боевые действия на полуострове, планируя их как нечто большее, чем активная защита района Гибралтара³². Разумеется, французское командование понимало, какую роль играют английское присутствие на Пиренеях и помощь англичан португальцам, а теперь и испанским повстанцам (испанская герилья стала эталоном классической малой войны Нового времени)³³.

Очевидно, что и после развертывания на полуострове нескольких групп войск, малочисленных и фактически не подчиненных единому командованию, Лондон не совсем понимал, как ему надлежит вести себя на Пиренеях с точки

зрения координации и управления своих войск и определения им целей на перспективу. При этом англичане осознавали важность финансовой помощи их союзников, оказываемой из Лондона. Несмотря на некоторые успешные действия британских войск, равно как и очевидные провалы, основную ставку англичане сделали не на действия крупных сил английской армии, а на поддержку силами последней португальских частей и отрядов испанских повстанцев. До 1812 г., несмотря на то усиливающуюся, то ослабевающую британскую группировку, англичане, поддерживающие сопротивляющихся французам испанцев и португальцев, вынуждали императора держать на полуострове многочисленный военный контингент. Несмотря на это, очевидно, что при всей важности боевых действий на Пиренеях, эта война зашла в тупик. Империя располагала всеми ресурсами если не победить мятежных (с официальной точки зрения, принятой в Империи) испанцев, то, по крайней мере, не позволить повлиять ходу этой войны на то, что происходило на других театрах европейского противостояния, например войны с Австрией в 1809 г. С другой стороны, когда начнется Русская кампания и, тем более, ее логическое продолжение – война в Германии в 1813 г., то тех закаленных «испанских» ветеранов будет не хватать в рядах Великой армии.

Фактически осознание важности пиренейского театра военных действий придет к военному секретариату только в самом конце этой великой эпопеи. В 1812 г., еще до начала Русского похода, Веллингтон, объединивший в своих руках командование над большинством английских войск в Испании и Португалии, начнет получать подкрепления, позволившие ему располагать к 1813 г. 60 тыс. английских и 15 тыс. португальских военных (до этого англичан редко когда было больше 30 тыс. чел.; во время безрезультатной, второстепенной и отвлекающей Вальхеренской экспедиции в 1809 г. виконт Каслри задействовал до 40 тыс. солдат)³⁴. Взаимодействие англо-португальских сил и испанцев было далеко от идеального – испанцы брали от англичан деньги и амуницию, но старались не связывать себя узами реального подчинения Веллингтону.

В конце Пиренейских войн французские войска были сильны, чтобы не дать себя разгромить англичанам и их союзникам, а французские генералы демонстрировали высокую школу своего полководческого мастерства. В связи с этим показателен маневр, выполненный маршалом Сультом поздней осенью 1812 г., не позволивший Веллингтону развить свой успех. Только в сложных условиях начала кампании 1813 г., когда в Лондоне, наконец, осознали, что положение Наполеона на континенте сложное, Веллингтон стал получать дополнительные материальные и людские ресурсы, что в совокупности с усилившейся армией испанцев (ее регулярностью) позволило начать выдавливание французских

войск к северной границе³⁵. Впрочем, несмотря на победу над французами при Виттории в конце июня 1813 г., только к весне следующего года англичанам удалось перейти старую франко-испанскую границу, и война была перенесена на территорию Франции³⁶.

Пиренейские войны начала XIX в., несомненно, имеют определенное значение в системе революционных и наполеоновских войн. Англичане, организуя, материально и морально поддерживая союзников, оказывая им помощь частями своей регулярной армии, вносили свой важный вклад в копилку общего противостояния. Однако, не сбрасывая важность боевых действий на полуострове в 1808–1814 гг., следует отметить, что этот конфликт, помимо испанской и португальской традиции, занимает важное место в первую очередь в английской (и англоязычной) историографии как пример мужества британских войск³⁷, таланта и прозорливости английских генералов³⁸, возможности правительства Его Величества решать сложнейшие задачи, по финансированию и снабжению массы войск³⁹, в том числе и французских⁴⁰. При этом не стоит умалять профессионализм и мужество английских генералов, в первую очередь Уэлсли-Веллингтона, еще при жизни возведенного в ранг национального героя с соответствующим пиететом к его военным талантам⁴¹ (как и до него Мальборо в качестве наиболее прославленного английского полководца), однако их вклад в разгром Франции был бы преувеличением, если выставлять их имена в первый ряд общей группы командующих и генералов союзных армий. Для британской традиции осознание важности войны на Пиренеях, скорее, пришло после 1808–1814 гг., нежели до или вовремя этого конфликта, хотя сама война вызывала огромный интерес дома (описывали события на уровне командующих корпусами⁴², отдельными отрядами⁴³, за перо брались сами очевидцы – от наблюдателей при штабе⁴⁴ до строевых офицеров⁴⁵). После окончания этой войны бывшие ее участники возвращались в своей памяти к дорогим им (и интересным для читателя) событиям (тем более, что если происхождение позволяло надеяться на интерес публики к персоне автора⁴⁶). Тем не менее непосредственный опыт наполеоновских войн, в первую очередь войны на полуострове, не прошел даром ни для сухопутных частей, ни для флота⁴⁷, ни для организации секретных служб⁴⁸. Сама концепция высаживания крупной массы войск (а не небольшого корпуса) на удаленной территории, снабжение их (и многочисленных союзников) на протяжении всего конфликта; равно как и нанесение (или угроза) беспокоящих ударов силами флота и угроза десантов, были реализованы через 40 лет во время Восточной (Крымской) войны против своего бывшего основного партнера по антифранцузской коалиции. И уже к этому времени подобная практика оформляется в традицию «британского стиля» ведения больших войн, в первую очередь

с сильным противником в Старом Свете и прочно связывается с суровой школой, проведенной в двух тяжелых войнах на полуострове⁴⁹.

Примечания

- ¹ См.: *Ивонина Л. И.* Европейская трагедия и гражданские потрясения в Англии середины XVII в. // Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы / под ред. Ю. Е. Ивониной и Л. И. Ивониной. М. : Транс-Лит, 2015. С. 443–444.
- ² *Sanderson W., sir.* A compleat history of the life and raigne of King Charles, from his cradle to his grave. London : Printed for Humphrey Moseley, Richard Tomlins, and George Sawbridge, 1658. P. 59–104.
- ³ *Firth C. H.* Royalist and Cromwellian Armies in Flanders, 1657–1662 // Transactions of the Royal Historical Society. New Series. 1903. Vol. XVII. P. 97–103.
- ⁴ *Warwick P., sir.* Memoires of the Reigne of King Charles I, with a Continuation to the Happy Restauration of King Charles II. London : Printed for R/ Chismell, at the Rose and Crown in St. Pauls's Church-yard, 1701. P. 383–384.
- ⁵ *Harris T.* Restoration : Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. London, 2006. P. 71–72.
- ⁶ *Goldi M., Levillain C.-É.* François-Paul de Lisola and English opposition to Louis XIV // The Historical Journal. 2020. Vol. 63, iss. 3. P. 559–580.
- ⁷ См.: *Исдейл Ч. Д.* Наполеоновские войны. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. С. 12.
- ⁸ Articles of Peace and Commerce between the High and Potent Charles I. by the Grace of God, King of Great Britain, France, and Ireland, Defender of the Faith, and John IV. King of Portugal, and their Subjects ; concluded at London, the 29th of January 1642 // A collection of treaties between Great Britain and other powers : in 2 vols. London : Printed for John Stockdale, Piccadilly, 1790. Vol. II. P. 257–267.
- ⁹ Calendar of the Clarendon state papers preserved in the Bodleian library : in 5 vols. London : Humanities Press, 1869–1970. Vol. III. P. 109–110.
- ¹⁰ Articles of Marriage between his Majesty and the Lady Infanta of Portugal, 1661 // A collection of treaties between Great Britain and other powers : in 2 vols. London, 1790. Vol. II. P. 286–296.
- ¹¹ *Jones J. P.* Britain and the World, 1649–1815. Brighton, 1980. P. 80.
- ¹² См.: *Гордиенко Д. О.* «Пиренейский мир» : Испания и Португалия в системе внешнеполитических приоритетов Англии в 1640–1688 годах // Британские исследования / под ред. С. Н. Гаврилова. СПб. : Аквилон, 2020. Вып. VI. С. 255–279.
- ¹³ *Демидова К. В.* Использование Англией идеи «баланса сил» как аргумента для обоснования собственных внешнеполитических потребностей в конце XVII – начале XVIII века // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 2 (46). С. 262–272.
- ¹⁴ *Kishlansky M. A.* Monarchy Transformed : Britain 1603–1714. London : Penguin Books, 1997. P. 321.
- ¹⁵ См.: *Ивонина Л. И.* Испанская проблема в европейской политике второй половины XVII века // Вестник Удмуртского университета. Сер. : История и филология. 2009. № 2. С. 130–137.
- ¹⁶ См.: *Ивонина Л. И.* За кулисами сражений войны за Испанское наследство : мирные переговоры 1706–1709 гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 1. С. 132–146.
- ¹⁷ *Payne S. G.* A History of Spain and Portugal : in 2 vols. Wisconsin : Wisconsin Press, 1973. Vol. II. P. 398–406.
- ¹⁸ The deplorable history of the Catalans, from their first engaging in the war, to the time of their reduction. London : Printed for J. Baker at the Black-boy in Pater-noster-Row, 1714. P. 2–3.
- ¹⁹ *Canny N.* Asia, the Atlantic and the Subjects of the British Monarchy // A Companion to Stuart Britain / ed. by B. Coward. Oxford : Blackwell Publishing, 2003. P. 50.
- ²⁰ *Hill C.* The Century of Revolution, 1603–1714. London ; New York : Routledge Classics, 2002. P. 155–156.
- ²¹ *Burrows M.* The history of the foreign policy of Great Britain. Edinburgh : William Blackwood and Sons, 1895. P. 27.
- ²² *Falkner J.* Marlborough's War Machine 1702–1711. Barnsley, South Yorkshire : Pen&Sword Military, 2014. P. 10.
- ²³ См.: *Беспалов А. В.* Сражение при Альмансе 25 апреля 1707 года. Бурбоны против Габсбургов // Изв. Смоленск. гос. ун-та. 2012. № 3 (19). С. 150–167.
- ²⁴ См.: *Беспалов А. В.* 1710 год – битва за Испанию // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 39 (3). P. 42–54.
- ²⁵ *Ostwald J.* Creating the British way of war : English strategy in the War of the Spanish Succession // Successful Strategies : Triumphant in War and Peace from Antiquity to the Present / ed. by W. Murray and R. H. Sinnreich. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 114–115.
- ²⁶ *Marston D.* The Seven Years' War. Oxford : Osprey Publishing, 2001. P. 45–46.
- ²⁷ См.: *Станков К. Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб. : Алетейя, 2014. С. 208–346.
- ²⁸ См.: *Малкин С. Г.* Мятежный край его величества : британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. С. 126–128.
- ²⁹ См.: *Малкин С. Г.* Лаборатория империи : мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2016. С. 486–546.
- ³⁰ *Harris T.* Revolution : The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London : Penguin Books, 2007. P. 422–476.
- ³¹ См.: *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав : Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург : Гонзо, 2018. С. 139.
- ³² См.: *Боксер Ч. Р.* Португальская империя и ее владения в XV–XIX веках. От островов Северной Атлантики до легендарной страны пряностей. М. : Центрополиграф, 2019. С. 228.
- ³³ Proclamation du general Junot, 11 juin 1808 // *Foy M., comte.* Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon : précédée d'un tableau politique et militaire des puissances

- belli géranes : in 8 vols. Paris : Baudoin Freres, 1827. T. IV. P. 369–370.
- ³⁴ *Sinnreich R. H.* Victory by trial and error : Britain's struggle against Napoleon // Successful Strategies : Triumphant in War and Peace from Antiquity to the Present / ed. by W. Murray and R. H. Sinnreich. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 182.
- ³⁵ *Collins B.* Wellington and the Siege of San Sebastian 1813. Bamsley ; South Yorkshire : Pen&Sword Military, 2017. P. 11.
- ³⁶ *Lipscombe N.* Bayonne and Toulouse 1813–1814 : Wellington Invades France. Oxford : Osprey Publishing, 2014. P. 13–14.
- ³⁷ См.: *Люддел-Гарт Б. Г.* Решающие войны в истории. М. : Центрполиграф, 2012. С. 151.
- ³⁸ См.: *Люддел-Гарт Б. Г.* Стратегия непрямых действий. М. : АСТ, 2018. С. 170–184.
- ³⁹ *Oman C. W. C., sir.* A history of the Peninsular War : in 7 vols. Oxford : Clarendon Press, 1902–1930.
- ⁴⁰ *Suchet L.-G., duc d'Albufera.* Memoirs of the war in Spain, from 1808 to 1814 : in 2 vols. London : Henry Colburn, New Burlington Street, 1829. Vol. II. P. 363–411.
- ⁴¹ The dispatches of Field Marshal the Duke of Wellington, K.G. during his various campaigns in India, Denmark, Portugal, Spain, the Low Countries, and France : From 1799 to 1818. Compiled from official and authentic documents : in 13 vols. London : Parker, Furnivall, and Parker, Military Library, Whitehall, 1837–1839. Vol. IV–XI. London, 1837–1838.
- ⁴² *Moore J. C.* A narrative of the campaign of the British Army in Spain, commanded by His Excellency Sir John Moore, K. B. London : Printed for J. Johnson, St. Paul's Church-yard, 1809. P. V–VIII .
- ⁴³ A narrative of the campaigns of the Loyal Lusitanian legion, under Brigadier General Sir Robert Wilson. London : Printed for T. Egerton, Military Library, Whitehall, 1812. P. 1–28.
- ⁴⁴ *Stoother W.* A narrative of the principal events of the campaigns of 1809, 1810, & 1811, in Spain and Portugal. London : Printed for P. Martin, corner of Orchard Street, Oxford Street, 1812. P. 195–204.
- ⁴⁵ *Edgecombe D. J.* Journal of an officer in the commissariat department of the army : comprising a narrative of the campaigns under his Grace the Duke of Wellington, in Portugal, Spain, France, & the Netherlands, in the years 1811, 1812, 1813, 1814, & 1815 ; & a short account of the army of occupation in France, during the years 1816, 1817, & 1818. London : Printed for the Author, by Porter and King, Walbrook, 1820. P. 15.
- ⁴⁶ *Londonderry C. W. Vane, Marquis of.* Story of the Peninsular War. London : Willis and Sothorn, 136, Strand, 1856. P. 1–15.
- ⁴⁷ *Oman C. W. C., Sir.* Wellington's Army, 1809–1814. London : Edward Arnold, 1913. P. 1–8.
- ⁴⁸ *Davies H. J.* Spying for Wellington : British Military Intelligence in the Peninsular War. Norman : University of Oklahoma Press, 2018. P. 173–246.
- ⁴⁹ *Haythornthwaite P.* British Light Infantry & Rifle Tactics of the Napoleonic Wars. Oxford : Osprey Publishing, 2017. P. 31–46.

Поступила в редакцию 02.09.2020, после рецензирования 05.09.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 02.09.2020, revised 05.09.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 67–71
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 67–71

Научная статья
УДК 94 (6)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

Свой среди чужих, чужие среди своих: войска аскарари, Амедео Гийе и становление современного эритрейского самосознания в контексте итальянского колониализма конца XIX – первой половины XX века

Д. В. Кочетов

Институт Африки РАН, Россия, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

Кочетов Дмитрий Викторович, соискатель, dimasceler@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7885-4987>

Аннотация. Внимание автора настоящей статьи сконцентрировано на необыкновенном по меркам Африки уважении в Эритрее к солдатам итальянских колониальных войск, аскарари и даже к некоторым итальянским офицерам, в частности к Амедео Гийе. Цель работы – установить причину этого уважения, которого не было в другой бывшей итальянской колонии – Ливии. Изучив материалы о численности и боевом пути аскарари, колониальных Ливии, Эритрее, политике Италии в ней, автор пришел к выводу о том, что итальянский колониализм «с чистого листа» сформировал в Эритрее антиэфиопское самосознание. Оно выразилось в аскарари, сыгравших важную роль в начавшейся в 1961 г. войне за независимость от Эфиопии. Его корни уходят в 1896 г., когда после битвы при Адва эфиопы изувечили эритрейских пленных.

Ключевые слова: Эритрея, Эфиопия, Италия, аскарари, колониализм, битва при Адва, Амедео Гийе

Для цитирования: Кочетов Д. В. Свой среди чужих, чужие среди своих: войска аскарари, Амедео Гийе и становление современного эритрейского самосознания в контексте итальянского колониализма конца XIX – первой половины XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 67–71. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

A friend among foes, a foe among friends: Ascari, Amedeo Guillet and the formation of Eritrean identity in the context of Italian colonialism in the late nineteenth and the first half of the twentieth centuries

Dmitriy V. Kochetov, dimasceler@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7885-4987>

The Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka St., Moscow 123001, Russia

Abstract. The article draws attention to the extraordinary, by African standards, respect in Eritrea for the soldiers of the Italian colonial troops, the Ascari, and even for some of their Italian officers, such as Amedeo Guillet. The author reveals the reason for this respect, which was not present in another former Italian colony Libya. After studying the materials on the number and combat path of the Ascari, colonial Libya, Eritrea, and Italy's policy in it, the author came to the conclusion that Italian colonialism from a clean slate formed an anti-Ethiopian identity in Eritrea. It was expressed in the Ascari who played an important role in the war of independence from Ethiopia that began in 1961. Its roots go back to 1896 when Ethiopians mutilated Eritrean prisoners after the battle of Adwa.

Keywords: Eritrea, Ethiopia, Italy, Ascari, colonialism, battle of Adwa, Amedeo Guillet

For citation: Kochetov D. V. A friend among foes, a foe among friends: Ascari, Amedeo Guillet and the formation of Eritrean identity in the context of Italian colonialism in the late nineteenth and the first half of the twentieth centuries. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 67–71 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-67-71>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Колониализм оставил свой след в истории каждой африканской страны, даже если она, как Эфиопия, являлась колонией лишь с 1936 по 1941 г., но все равно была вынуждена сражаться с итальянцами во время двух итало-эфиопских

войн (1895–1896 и 1935–1936 гг.) и Второй мировой войны, не считая боев в 80-е гг. XIX в. при завоевании итальянцами Эритреи.

Вполне естественно, что после крушения колониализма людей, служивших колонизаторам,

еще и с оружием в руках, часто считали предателями. Ведь в большинстве случаев африканцы, многие из которых имели личные счеты к колониальным режимам, боролись за независимость от европейских государств. Те, кто не уплывал вместе с европейцами, нередко оказывались в опале, не говоря уже о том, что со многими из них могли расправиться, как это случилось после ухода французов со сражавшимися за них харки в Алжире¹. Соответственно, в таких странах никогда или почти никогда не могло быть и речи о чувствовании самих колонизаторов. С этой точки зрения особо выделяется Эритрея – восточно-африканская страна, в которой аскарари, солдат колониальных войск, считают героями, а итальянского офицера Амедео Гийе чтут как одного из первых борцов за независимость страны. В настоящей статье предпринята попытка выделить особенности ее истории, повлиявшие на местное восприятие колониализма.

Эритрея как политическая единица до итальянской колонизации просто не существовала, как и многие другие колонии. Сам топоним «Эритрея» ввели в оборот итальянцы, назвав свою колонию по древнегреческому наименованию Красного моря (Erythrospondos). Например, Ливия, ранее колония той же страны, до завоевания итальянцами называлась Оттоманской Триполитанией, так как являлась провинцией Османской империи. «Ливией» же древние греки называли всю Северную Африку. Как и в случае с Эритреей, именно итальянцы вновь ввели в оборот этот топоним для обозначения своей колонии. И в том и в другом случае уже добившееся независимости государство сохранило колониальное название. Разница состоит в том, что в XX в. эритрейцы не устроили ни одного восстания против колонизаторов, во всяком случае, после 1900 г. невозможно назвать ни одного эритрейца, сравнимого по своей роли с Омаром ал-Мухтаром, возглавившим борьбу против итальянских захватчиков, народным героем ливийцев. Можно назвать только отряд Бахты Хагоса, но его разбили 19 декабря 1894 г., и предводитель погиб². После этого итальянцы воевали уже с эфиопами.

Однако, в отличие от Эритреи, население Ливии, во-первых, было однородно по вероисповеданию – почти все мусульмане; во-вторых, оно достаточно сходно по языку – большая часть говорила на арабском. То есть ливийцев объединяло очень многое и без колониальной администрации, поэтому можно сказать, что границы современной Ливии сложились при итальянском владычестве, но нельзя утверждать, что оно сформировало этот народ, многие представители которого сражались против колонизаторов на протяжении десятков лет.

В общей массе жителей Эритреи есть большая доля как христиан, так и мусульман. С точки зрения родного языка население этой страны еще разнообразнее. Когда в 1890 г. была официально основана Итальянская Эритрея, у африканцев,

оказавшихся в ее границах, впервые появилось что-то, объединяющее их политически. Это, как известно, не является уникальным в истории Африки, но стало залогом создания эритрейской общности «с чистого листа». Когда на африканском побережье Красного моря впервые появились итальянцы, к западу от него уже давно существовала Эфиопская империя, в которой наряду с другими жили те же народы, что и на побережье, в частности тигринья. Итальянцы быстро заметили, что жители новой колонии – очень боевитые и сплоченные³. Они создали из них корпус туземных войск, аскарари («солдат» по-арабски), которые участвовали в итало-эфиопской войне 1895–1896 гг. Около 800 аскарари попали в плен после разгрома итальянской армии в битве при Адуа 1 марта 1896 г. Эфиопы посчитали предательством участие тигринья в войне на стороне чужеземцев против соплеменников, поэтому пленным аскарари отрубали кисть правой руки и левую стопу, после чего прогоняли на территорию, оставшуюся под контролем итальянцев, до которой добрались всего лишь 406 чел.⁴ Остальные пропали без вести, по всей видимости, скончавшись от полученных ран.

Вернувшимся итальянцы назначили пожизненную пенсию в 1000 лир и вызвали из метрополии травматологов для протезирования изувеченных, насколько это было возможно в конце XIX в. После победы при Адуа эфиопский нгусэ-негэсти, «царь царей», Менелик II не пошел на побережье, чтобы попытаться сбросить итальянцев в Красное море, и в том же году заключил с Римом мир. Следствием этого стало то обстоятельство, что на следующие почти полвека Эритрея оставалась у итальянцев.

Конечно, итальянцы притесняли местных жителей, им не разрешалось заходить в кварталы, предназначенные для колонизаторов, запрещалось сожительство итальянцев и «подданных африканских колоний». Однако, как уже указывалось, в XX в. в этой колонии не было ни одного, по крайней мере, крупного партизанского движения. Данный факт объясняется рядом причин.

Во-первых, в Эритрее метрополия строила порты, железные дороги, города, поэтому она развивалась намного быстрее независимой соседки. Урбанизация, введение денежной экономики, небывалое в тех краях централизованное управление на одном, пусть и чужом языке, превращение батраков в работников с фиксированной зарплатой сводили на нет проявления старой феодальной зависимости. Это позволило Италии играть на том, что она не завоевала, а, наоборот, «освободила» местных жителей от угнетавших их старых пережитков. Угнетение со стороны самой Италии тогда становилось не столь заметным⁵.

Во-вторых, Италия в новой колонии учитывала любые местные культурные особенности с целью развития самосознания и окончательного отрыва от Эфиопской империи, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

В-третьих, Рим не только притеснял, но и давал возможность выслужиться, например, в рядах аскари, которые вскоре стали своего рода визитной карточкой этой колонии, воевавшими под флагом Италии⁶. Вольно или невольно, они, приобщившись к итальянской культуре, воинскому уставу, становились посредниками между колонизаторами и африканцами и начинали гордиться своим знанием и новым положением⁷. Вдобавок военная служба объединяла формой, языком, жалованием, боевым опытом людей разных религий и этносов, вырывала их из прежних феодальных и племенных иерархий, давала шанс добиться успеха тем, у кого раньше его могло и не быть. Это укрепляло их верность колонизаторам.

В 1935 г., когда Муссолини готовился к новой захватнической войне с Эфиопией, он не только сосредоточил в Эритрее около 100 тыс. собственно итальянских военнослужащих, но и рекрутировал дополнительные туземные батальоны. Из 600 тыс. коренного населения в Эритрее под ружье встали 53 200 аскари в возрасте от 15 до 60 лет, не считая отправленных в другие колонии⁸, т. е. практически каждый шестой эритреец, был признан негодным к службе.

В ходе начавшейся в том же году войны к концу января 1936 г., по крайней мере, 1000 аскари, в основном из наспех сколоченных батальонов, которым не хватало слаженности местного сержантского и метропольного офицерского составов, перешли на сторону эфиопов. Еще 1000 на Северном фронте с февраля по март дезертировали, не вынеся пренебрежительного отношения колонизаторов к своим мертвым, когда итальянцев хоронили с положенными почестями, а тела африканцев сжигали огнеметом и закапывали в общих ямах⁹. Здесь приведены примерные данные, основанные только на итальянских документах, где из-за самоцензуры четко фиксировали только случаи дезертирства целых частей. Однако не вызывает сомнения то, что даже при таком отношении со стороны итальянцев эритрейцы в массе своей не только не восстали против них, но еще и вместе с ними на этот раз довели войну с эфиопами до победы.

Таким образом, можно заключить, что, в-четвертых, совершенная после битвы при Адуа расправа, вероятно, проложила глубокую борозду даже между этнически неотличимыми друг от друга людьми, углубленную полувековым раздельным существованием в Эфиопской империи и Итальянской Эритрее, а также крепкой военной закаской эритрейских аскари, через подразделения которых, не забыв об искалеченных в плену ветеранах, прошло большинство мужского населения.

Развитие хозяйства и возможность служить в колониальных войсках касаются и Ливии. Ведь туземные части были в каждой колонии, но в Ливии, во-первых, было еще и мощное повстанческое движение. Во-вторых, на июнь 1940 г., накануне

вступления Италии во Вторую мировую войну, в ней насчитывалось всего 28 500 ливийских бойцов под итальянским флагом¹⁰, тогда как в то время в ней проживали около 750 тыс. чел. без учета итальянцев против 53 200 на 600 тыс. в Эритрее.

Иными словами, эфиопская расправа с пленными сильно повлияла на местных жителей, сыграв свою роль в том, что за десятилетия существования колониального режима соседняя африканская страна в представлении многих эритрейцев стала дальше далекого Рима. Вместо мощного повстанческого движения против колонизаторов там появились особенно многочисленные и популярные у туземцев колониальные части. В сочетании с изначальной разнородностью населения земель, объединившихся только под итальянским владычеством, это сформировало у людей сильные антиэфиопские настроения, которые сохранились даже после прежней колониальной власти. Они проявились в 1941 г., когда британские войска за считанные месяцы нанесли поражение итальянцам и положили конец их колониальному владычеству в Восточной Африке. Однако несмотря на то, что власть в Эритрее перешла к британской военной администрации, эритрейцы заподозрили, что их могут присоединить к Эфиопии, и часть из них начала партизанскую войну под командованием уцелевших итальянских офицеров. Одним из них и был капитан Амедео Гийе (1909–2010), командир туземного кавалерийского дивизиона «Амхара» (итал. Gruppo Squadroni Amhara), который весной 1941 г. после падения Асмары, столицы колонии, решил не сдаваться и продолжить войну на Африканском Роге, чтобы британцам было сложнее перебрасывать силы в Ливию. Около сотни его эритрейских всадников присоединились к нему. Как сам Амедео Гийе вспоминал потом услышанные слова, такое решение они приняли потому, что соглашались быть либо независимыми, либо под итальянским флагом, но никогда – под эфиопским¹¹.

В течение 8 месяцев А. Гийе сохранил за собой появившееся еще до 1941 г. прозвище «командир Черт» (итал. Comandante Diavolo, в арабском оригинале – каид эль-Шайтан). Так его называли подчиненные за невероятную удачливость, которую они не могли объяснить иначе, как благосклонностью к капитану нечистой силы. Во главе своего партизанского отряда он совершал диверсии на железных дорогах, перерезал телеграфные провода, разорял военные склады, пока его бойцы не сказали ему, что их израненный, большой малярией командир уже не боеспособен и должен их покинуть, чтобы вылечиться.

А. Гийе, если верить его словам, не был фашистом. За годы командования не только эритрейскими, но и ливийскими подразделениями он в совершенстве выучил по крайней мере арабский язык, прекрасно знал обычаи, учение ислама, поэтому, имея еще и смуглую внешность, черные волосы, «растворился» среди местных жителей

под именем Ахмеда Абдаллы Аль-Редая. Британцы назначили за «командира Черта» награду в 1000 фунтов, но никто из эритрейцев его не выдал ни во время партизанских действий, ни позднее. После многих приключений ему удалось пересечь Красное море, оказаться в Йемене и добраться до родной страны, но только к подписанию перемирия между Италией и союзниками 3 сентября 1943 г.¹² А. Гийе надеялся, что сможет добиться от итальянского командования поддержки для своих соратников, но, разумеется, ему отказали.

Опасения эритрейцев были не напрасны. В 1952 г. по решению ООН их действительно объединили в федерацию с Эфиопией. Показательно, что народным героем, по официальной версии сделавшим первый выстрел и начавшим войну за независимость от Аддис-Абебы, стал опять же бывший аскари и командир партизанского отряда, воевавшего против британцев, Хамид Идрис Авате¹³. Он умер на следующий год, но война продолжалась еще почти 30 лет и закончилась победой Эритреи и признанием ее независимости. К тому времени почти никого из итальянцев в стране уже не осталось. Тех, кто не уехал сам, Рим эвакуировал еще в 70-е гг. Однако основанная ими политическая единица смогла не только жить без них, но и возродиться в виде независимого государства.

Когда президент Эритреи Исаяс Афеверки посетил Италию в 1999 г., его спросили, есть ли итальянец, с которым он хотел бы отдельно встретиться. На это эритреец, сам многоопытный повстанец, возглавлявший борьбу за независимость, сразу назвал имя Амедео Гийе¹⁴. Примечательно, что Афеверки родился только в 1946 г., уже после Второй мировой войны, но кто-то из соотечественников рассказал ему о «командире Черте». Итальянские дипломаты не были уверены в том, жив ли еще 90-летний ветеран, но оказалось, что жив. Он немедленно явился на встречу с президентом, который пригласил его в Эритрею. Это было крайне необычное приглашение с учетом того, что А. Гийе командовал не только эритрейскими, но и ливийскими частями. Однако Муаммар Каддафи, чей дед по отцу погиб в бою с итальянцами, никогда не приглашал его в Ливию. Это естественно с учетом обмена мнениями, произошедшего у Каддафи с Афеверки во время визита последнего в Ливию в 2004 г. Ливиец показал эритрейцу картину, изображавшую итальянцев и аскари, и обозвал вторых «рабами». Афеверки на это гордо ответил, что считает их добровольцами¹⁵.

В 2000 г. старого офицера, подполковника в отставке, торжественно принимали в президентском дворце Эритреи. Он тепло встретился с дожившими до того дня товарищами, с которыми не виделся почти 60 лет. Среди прочих чествований Амедео Гийе назвали «первым патриотом эритрейской независимости»¹⁶. Едва ли какого-либо колонизатора так называли в любой другой африканской стране.

В Эритрее не забыли и Бахту Хагоса и торжественно перезахоронили его останки в 2007 г.¹⁷ В XX в. Эритрея воевала за независимость против не европейской державы, а африканской, поэтому тех людей, которых в другой стране посчитали бы предателями и рабами, а их европейских командиров – захватчиками и угнетателями, как в Ливии, в Эритрее почитают как борцов за независимость и патриотов вместе с их командирами.

Итальянцы не оставляли без внимания расправу 1896 г. в работе с местным населением. Даже спустя 40 лет, во время новой итало-эфиопской войны, публиковались фотографии уже старых ветеранов, показывавших на камеру свои культы¹⁸. Также неоспоримо, что Рим помог инвалидам, т. е. проявил себя гуманнее Аддис-Абебы. Агитация колонизаторов, направленная на напоминание о случившемся, учет местных особенностей, а также ускоренное развитие Эритреи при итальянском владычестве изменили с точностью до наоборот отношение многих жителей побережья Красного моря к тому, что сделали победители при Адуа. Несколько сотен вернувшихся искалеченных пленных и еще несколько также искалеченных, но пропавших без вести в небольшом краю, привели не к запугиванию уцелевших, на что, видимо, рассчитывал Менелик II, и обесчещиванию искалеченных, а к совершенно противоположному итогу – созданию наднациональной эритрейской общности.

Раздор Эфиопии и Эритреи во второй половине XX в. не стоит сводить только к этой трагедии, но она положила начало, оказав воздействие на историческую память. Едва ли «царь царей» думал, что, как ему казалось, заклеивив единоплеменных предателей позором, он нажил своей стране врагов, главным образом из-за которых их потомки, даже через поколения, будут ненавидеть не аскари, а Эфиопию, чтобы, спустя почти 100 лет, оставить ее без выхода к морю. Не исключено, что, обойдись он с пленными мягче, даже после полувека итальянской колонизации и формирования самосознания у ее жителей, включить Эритрею в состав империи было бы проще.

Примечания

- ¹ Sarcozy admits France abandoned Algerian loyalists // France 24. URL: https://www.france24.com/en/20120414-france-algeria-war-of-independence-harkis-apology-sarkozy?ns_campaign=editorial&ns_source=RSS_public&ns_mchannel=RSS&ns_fee=0&ns_linkname=20120414_france_algeria_war_of_independence_harkis (дата обращения: 09.06.2020).
- ² Skeletal Remains of Degiat Bahta Hagos Laid to Rest // Eritrea Profile. 2007. Vol. 14, № 1. URL: https://web.archive.org/web/20070312160915/http://www.shabait.com/upload/newspapers/Mar-07/eritrea_profile_10032007.pdf (дата обращения: 09.06.2020).
- ³ Rochat G. Le guerre italiane 1935–1943. Dall'impero d'Etiopia alla disfatta. Torino : Giulio Einaudi editores, 2005. P. 41.

- ⁴ Spina N. L'Angolo della storia. Giuliano Vanghetti e le mutilazioni degli ascari : quando compassione e sensibilita scatenarono l'ingegno // *Giornale italiano di Ortopedia e Traumatologia*. 2009. № 5. P. 171–172.
- ⁵ Silvestri D. Eritrea – Etiopia : una guerra “assurda” tra “fratelli” ? Pisa : Universita di Pisa, 2011. P. 116–117.
- ⁶ Del Boca A. Il colonialismo italiano tra miti, rimozioni, negazioni e inadempienze // *Italia contemporanea*. 1998. № 212. P. 597–598.
- ⁷ Silvestri D. Op. cit. P. 112.
- ⁸ Rochat G. Op. cit. P. 41, 43.
- ⁹ Ibid. P. 41.
- ¹⁰ Ibid. P. 294.
- ¹¹ Amedeo Guillet. La legenda del Comandante Diavolo (документальный фильм государственного телевидения Италии Rai Edu) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e5h4Ln0Rz18> (дата обращения: 08.06.2020).
- ¹² Ibid.
- ¹³ In the Memory of Awate, the History Maker // Reconciliation. URL: https://web.archive.org/web/20081116003808/http://www.awate.com/artman/publish/article_75.shtml (дата обращения: 09.06.2020).
- ¹⁴ Back to Eritrea, 2000 // The Man on the White Horse. URL: <http://www.amedeoguillet.com/post-war/> (дата обращения: 09.06.2020).
- ¹⁵ Silvestri D. Op. cit. P. 114.
- ¹⁶ Amedeo Guillet. Op. cit.
- ¹⁷ Skeletal Remains of Degiat Bahta Hagos Laid to Rest. Op. cit.
- ¹⁸ Ascari mutilati del piede sinistro e della mano destra in seguito alla loro partecipazione alla guerra del 1896 in cui furono fatti prigionieri // Alinari. URL: <https://www.alinari.it/it/dettaglio/FVD-F-010016-0000> (дата обращения: 29.07.2020).

Поступила в редакцию 02.09.2020, после рецензирования 05.09.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 02.09.2020, revised 05.09.2020, accepted 05.11.2020

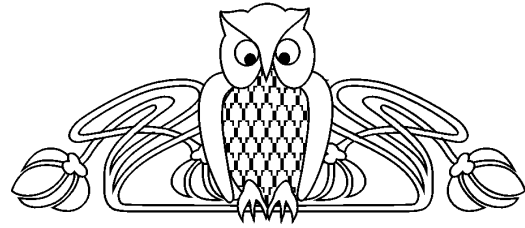

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 72–78
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 72–78

Научная статья
УДК 327.83
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-72-78>

Публичная дипломатия США в Индии: наследие Обамы

Е. А. Шур

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольная, д. 1/3

Шур Елизавета Александровна, аспирант факультета международных отношений, elshur@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4197-5088>

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития публичной дипломатии США в Индии при Бараке Обаме. Президентство Обамы характеризовалось «поворотом на Восток». Индия сразу заняла одну из доминирующих позиций в азиатской стратегии Обамы. Ведущим инструментом стратегии стала публичная дипломатия. Особое внимание уделяется эволюции концепций публичной дипломатии, где преобладали два направления – образовательные программы и «женский вопрос». Вашингтон также запустил программы по повышению уровня грамотности населения и доступа к технологиям.

Ключевые слова: публичная дипломатия, новая публичная дипломатия, американо-индийские отношения, стратегия Обамы в АТР, образовательные программы, женские программы, стратегическая коммуникация, мягкая сила

Для цитирования: Шур Е. А. Публичная дипломатия США в Индии: наследие Обамы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 72–78. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-72-78>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-72-78>

US public diplomacy in India: Obama's legacy

Elizaveta A. Shur, elshur@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4197-5088>

Saint Petersburg University, 1/3 Smolny St., St. Petersburg 191060, Russia

Abstract. The article discusses the main trends in US public diplomacy in India under Barack Obama. The Obama presidency was characterized by "Pivot to Asia". India took one of the dominant positions in Obama's Asian strategy. Furthermore, public diplomacy became the leading strategy tool. Particular attention is paid to the evolution of public diplomacy concepts. Two areas prevailed in public diplomacy in India – educational programs and the "women's issue". Washington also launched programs to increase literacy and access to technology.

Keywords: public diplomacy, new public diplomacy, US-Indian relations, Obama Administration's Asia-Pacific Strategy, educational programs, women's programs, strategic communication, soft power

For citation: Shur E. A. US public diplomacy in India: Obama's legacy. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 72–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-72-78>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В последние несколько лет наблюдается резкое изменение политических и экономических интересов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР). Особенно активной в этом направлении была администрация Б. Обамы. Сдвиг региональных приоритетов в сторону данного региона стал краеугольным камнем внешнеполитической стратегии администрации Б. Обамы¹. Индия оказалась одним из приоритетных государств в «азиатском повороте» (Asia Pivot) в силу своего географического положения, территориальной близости к Китаю, экономического роста и научного потенциала².

В реализации азиатской концепции Вашингтона особую роль играла публичная дипломатия,

или комплекс мероприятий в области информации (пропаганды), образования и культуры, служащий инструментом для продвижения интересов США «мягкими» средствами³. Несмотря на постоянно возрастающую роль Индии в американской внешней политике⁴ и публичной дипломатии, данная тема мало изучена как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Цель данной статьи – выявить основные тенденции в использовании программ публичной дипломатии для решения политических и экономических задач США в АТР на примере Индии.

Статья состоит из 4-х разделов. В первом разделе рассматривается эволюция концепций

публичной дипломатии США в Индии. Во втором разделе анализируются ключевые тенденции образовательных программ. В третьем разделе показана роль женщин в качестве целевой аудитории публичной дипломатии США в Индии. Четвертый раздел посвящен программам, которые позволят со временем осуществлять стратегическую коммуникацию в Республике Индия.

Эволюция концептуальных основ публичной дипломатии США в Индии

В противовес силовым методам своего предшественника и в ответ на падение имиджа США Барак Обама стал активно обращаться к инструментам публичной дипломатии при реализации своей внешнеполитической стратегии и выстраивании отношений с зарубежными партнерами. Вашингтон имел своей целью воздействовать на руководство и политический курс зарубежных стран посредством оказания влияния на их население. Концепция «мягкой силы» Дж. Ная легла в основу так называемой новой публичной дипломатии⁵, которая реализовывалась администрацией Обамы во время его первого президентского срока. Новая публичная дипломатия не обошла стороной и Индию в качестве ключевой фигуры азиатской стратегии Обамы.

Особый акцент был сделан на образовании и проектах, направленных на поддержку женщин. Несмотря на то, что публичная дипломатия первого президентского срока Обамы характеризовалась активным использованием современных технологий, цифровая дипломатия в Индии не была в полной мере реализована. Это во многом обусловлено низким уровнем грамотности населения и недостаточной технической обеспеченностью, которые не позволяли полномасштабно проводить публичную дипломатию нового поколения. Именно поэтому Соединенные Штаты приняли решение о запуске ряда программ по электрификации отдаленных районов страны, так как это позволило бы местному населению пользоваться современными гаджетами и иметь доступ к сети Интернет.

В связи с тем, что новая публичная дипломатия не привела к ожидаемым результатам по демократизации на Ближнем Востоке, политическая элита США стала утрачивать интерес к концепции Ная⁶ во второй президентский срок Обамы. Взамен стремительно теряющей популярность концепции Дж. Ная, на основе которой построена новая публичная дипломатия, во внешнеполитических кругах получила распространение концепция «стратегической коммуникации», которая начала вытеснять «мягкую силу». Вовлечение определенных групп населения, приобщение к американским ценностям и поощрение дискуссий, темы которых выгодны США, уступили место контрпропаганде и доне-

сению позиции США по различным вопросам до зарубежной аудитории.

Концепция стратегической коммуникации предусматривает двусторонний обмен информацией с объектами воздействия, что повышает силу воздействия на целевую аудиторию⁷. В рамках стратегической коммуникации американские эксперты изучают настроения и мнения зарубежного общества, на основе которых осуществляют информационные кампании и ведут диалог с населением иностранного государства⁸.

Несмотря на то, что стратегическая коммуникация стала замещать концепцию Ная во внешнеполитическом дискурсе Вашингтона, в Индии преобладают программы новой публичной дипломатии. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, стратегическая коммуникация направлена в первую очередь на противостояние враждебным авторитарным режимам, к которым Вашингтон причислял Китай, Россию и ИГИЛ. Что касается Индии, то Обама, как и его предшественник, рассматривал эту страну как надежную опору в борьбе с вышеупомянутыми противниками. В связи с этим Индия не была включена в группу стран, которым американская стратегическая коммуникация уделяла первостепенное значение. Тем не менее внешнеполитический истеблишмент США в дальнейшем планирует применять методы и средства стратегической коммуникации, с тем чтобы нивелировать угрозы пропаганды террористического и экстремистского толка. Во-вторых, для реализации стратегической коммуникации необходим достаточный уровень грамотности населения, которого Индия пока не достигла. Как и в случае с цифровой дипломатией, стратегическая коммуникация подразумевает минимальный уровень грамотности и доступ населения к технологиям, так как основной акцент делается именно на интернет-пропаганду. В-третьих, для государственных структур характерна инертность⁹. В связи с тем, что стратегическая коммуникация – передовое направление, консервативные внешнеполитические ведомства не торопились осуществлять его на практике.

Необходимо отметить, что Соединенные Штаты преследуют в Индии сразу несколько целей. Во-первых, навязывание американских ценностей и формирование положительного образа США в глазах местного населения. Это позволит в дальнейшем вовлечь Индию в более тесные партнерские отношения, в том числе и в потенциальное сотрудничество против Китая. Во-вторых, организация протестных движений. В связи с тем, что Индия является демократическим государством и не нуждается в построении демократии и движениях против авторитаризма как страны Ближнего Востока, данная цель реализуется через затрагивание вопросов об ущемлении прав женщин. В-третьих, после смещения концептуальных основ в сторону стратегической коммуникации Индия стала рассматриваться в

качестве арены для информационной борьбы. Такой интерес к Индии не случаен, так как она одновременно сохраняет партнерские отношения с Россией, Китаем (даже несмотря на территориальные споры) и Ираном, которые рассматриваются Соединенными Штатами как главные оппоненты. Кроме того, в Индии достаточно большой процент населения исповедует ислам. В связи с этим данная категория населения может стать объектом для пропаганды со стороны экстремистских террористических организаций. Тем не менее к концу второго президентского срока Барака Обамы проекты стратегической коммуникации так и не получили развитие в Индии.

Образовательные программы

При Обаме образование продолжало занимать особое место среди программ публичной дипломатии в Индии. Это наиболее старое и проверенное средство, существующее еще с древнейших времен¹⁰. Все образовательные проекты направлены на долгосрочную перспективу, однако их эффективность окутывает длительное ожидание. Традиционно образовательные программы публичной дипломатии США развиваются по двум основным направлениям. Первое – подготовка и обучение элиты и научной интеллигенции, а также научные обмены. Второе направление включает в себя реформы системы образования на различных уровнях и оказание поддержки местным образовательным учреждениям.

Образовательные программы построены по сетевому принципу, т. е. к их реализации привлекаются внешние акторы, такие как компании частного сектора, международные корпорации, неправительственные организации, различные фонды. По мнению президента и исполнительного директора корпорации по публичному теле- и радиовещанию и бывшего главы Бюро по делам образования и культуры Государственного департамента США П. Харрисона, высшее образование является ключевым инструментом для подготовки будущих лидеров, способных оказать существенное влияние на развитие своих стран¹¹.

Это обусловлено тем, что изменения, которые они принесут в жизнь своих стран, могут быть основаны на американских ценностях. Поэтому в определенной степени приверженность американским ценностям представляется более важной, чем благосклонное отношение участников к США. В будущем это может способствовать укреплению отношений между Соединенными Штатами и этими странами.

Образовательное измерение публичной дипломатии США состоит из двух типов программ. Первый тип – сотрудничество между американскими и индийскими университетами, а также программы обмена для студентов, преподавательского состава и сотрудников учебных заведений. Они занимают видное место в образовательном

компоненте публичной дипломатии в Индии¹². Преобладают именно научные обмены. Америка-индийский диалог и саммит по высшему образованию осуществляет всестороннюю поддержку программам обмена. В работе диалога и саммита участвуют ведущие представители бизнес-элиты и высокопоставленные чиновники. Помимо научного обмена, сотрудничество включает в себя внедрение образовательных инноваций, а также реформирование всей системы образования. Данные компоненты направлены на американизацию системы образования Индии и распространение американских ценностей и основ политической культуры.

Необходимо также отметить, что в последние годы появилась тенденция – все больше программ образовательного сотрудничества относятся не только к публичной дипломатии самих Соединенных Штатов, но и Индии. Правительство Республики Индия все чаще выступает с инициативами. В качестве примеров можно привести открытие центра передовых технологий для двустороннего сотрудничества в сфере образования и программу под названием «Глобальная инициатива академических обменов», которая создана для повышения уровня образования среди индийских студентов. Для этой цели в лучшие университеты Индии приезжают приглашенные преподаватели и читают лекции по математике, информационным технологиям, инженерии и другим точным наукам. Заинтересованность руководства Индии объясняется тем, что страна нуждается в повышении качества предоставления образовательных услуг и уровня проводимых исследований.

Однако не следует считать, что только Индия нуждается в подобных программах, для США они также выгодны. Благодаря таким программам Вашингтон популяризирует американскую культуру, приобщает к своим ценностям студентов лучших индийских вузов. Возможно, некоторые из них займут высокое положение в обществе и смогут оказывать влияние на решения, выгодные США. Кроме того, лекции американских профессоров позволят еще больше повысить привлекательность американского высшего образования среди индийских студентов, многие из которых и без того стремятся уехать учиться в Соединенные Штаты и получить там работу. Студенты из Индии занимают второе место по численности среди иностранцев, обучающихся в США¹³.

Реформирование системы образования является еще одним приоритетным направлением публичной дипломатии США в Индии¹⁴. Особое внимание при этом уделяется переподготовке и повышению квалификации учителей школ. Например, проект «Поддержка учителей Индии» предполагает трехмесячное обучение в университете штата Аризона, где индийские учителя изучают педагогику, инновационные методы в области методологии преподавания, а также методы оценки качества преподавания¹⁵. Благодаря таким

проектам правительство США планирует постепенно внедрить реформы в систему образования Индии. Интерес к системе школьного образования обусловлен демографической ситуацией в этой стране, в которой преобладает население в возрасте до 30 лет. Молодежь будет определять развитие страны в будущем, именно поэтому она является объектом воздействия программ американской публичной дипломатии.

Примечательный факт – программы переподготовки направлены на учителей из штатов, расположенных на востоке и северо-востоке Индии. Эти штаты находятся на границе с Китаем, с которым у Индии исторически напряженные отношения. Учителя, прошедшие обучение в США, смогут служить «ретрансляторами» американских идей и ценностей для своих учеников. Кроме того, подготовка учителей необходима для повышения уровня грамотности, без которой невозможно проводить информационные кампании в рамках стратегической коммуникации. Это позволит повысить интерес будущих поколений местных жителей к потенциальному партнерству Индии и США против КНР.

Несмотря на то, что большая часть программ публичной дипломатии в Индии направлена на индийское общество, существует ряд программ, которые нацелены на население других стран Южной Азии. Речь идет о Пакистане, Афганистане и Непале. В данном случае Индия как региональная держава является платформой для укрепления американского влияния в этих странах. Примером подобных программ служит «Tibetan Education Project», в которой принимают участие учащиеся начальной и средней школы тибетского происхождения, проживающие на территории Индии и Непала. Официальная цель «Tibetan Education Project» – улучшение качества образования через повышение квалификации учителей и уровня преподавания дисциплин, а также подготовку студентов для получения высшего образования в дальнейшем¹⁶. Однако основной интерес США заключается в распространении американских ценностей, а также в осуществлении достаточной подготовки учащихся для правозащитной деятельности и вовлечения их в диалог о предоставлении Тибету независимости. Инициатива принадлежит правительству Тибета в изгнании, которое не признают власти КНР. Таким образом, этот проект нацелен на скрытое противостояние с Китаем.

«Женский вопрос»

Не менее важные программы, составляющие основу новой публичной дипломатии США в Индии, затрагивают женщин как целевую аудиторию. Данное направление получило особое развитие при Бараке Обаме. Назначение Хиллари Клинтон на пост Государственного секретаря и присвоение ранга посла советнику Государственного департамента по делам женщин продемонстрировали

намерение администрации Обамы использовать женский вопрос как действенный инструмент в достижении своих внешнеполитических интересов. Сразу после вступления в должность Барака Обамы вопросы, касающиеся женщин, стали неотъемлемой темой американо-индийских переговоров.

Кроме персональной дипломатии Хиллари Клинтон, к которой относились регулярные встречи с женщинами-лидерами, мероприятия, посвященные защите прав женщин и посещение женских колледжей, был также запущен целый комплекс программ в данной области. Более того, Бюро образовательных и культурных программ Государственного департамента начало осуществлять мониторинг гендерного соотношения участников для каждой программы¹⁷. Стратегия по поддержке и реализации прав женщин стала играть особую роль в Индии. Это обусловлено тем, что в Индии вопрос гендерного неравенства во всех сферах жизни стоит достаточно остро. Через вовлечение женщин в решение проблем общества Вашингтон надеется оказать влияние на формирование их взглядов и тем самым вовлечь Индию в выгодное для США партнерство.

Ведущее место отводится программам, нацеленным на поддержку женщин, занимающих важное место в обществе, в экономической, социальной или политической жизни Индии или в некоторых случаях всей Южной Азии¹⁸. Как уже упоминалось, США рассматривают Индию как базу для укрепления своего влияния в регионе. Особое внимание уделяется женщинам, занимающимся социальным предпринимательством, женщинам-преподавателям и исследователям. Вашингтон предоставляет гранты, оказывает информационные услуги, организывает программы обмена опытом, повышения квалификации и научные семинары¹⁹. Цель таких семинаров – стимулировать участие женщин в научной жизни, особенно в таких областях, как инженерия, математика и современные технологии. Это во многом связано с тем, что женщины мало представлены в данных отраслях.

Ко второй группе программ, нацеленных на женскую аудиторию, относятся программы, посвященные предотвращению насилия над женщинами. Например, посольство США в Нью-Дели и консульства проводят кинофестивали, имеющие своей целью привлечь внимание общественности к проблеме насилия над женщинами и сформировать социальное движение против данного вида насилия²⁰. Эти программы являются частью общей стратегии Вашингтона по формированию протестных движений.

Внедрение мобильных технологий в сфере здравоохранения также направлено на защиту прав женщин и борьбу против насилия. Благодаря мобильным приложениям женщины из труднодоступных районов страны и трущоб, подвергающиеся домашнему насилию, смогут записываться на

приемы к врачу и получить результаты анализов, не выходя из дома.

Вопросы гражданского строительства и городской инфраструктуры также играют немаловажную роль в противодействии насилию над женщинами. С помощью мер в области гражданского планирования и градостроительства снижается уровень насилия над женщинами в общественных местах. Этому также способствуют и информационные кампании среди мужской части населения, которые проходят в школах, колледжах и средствах массовой информации.

Другим направлением развития публичной дипломатии США по вопросам прав женщин является предотвращение ранних браков. Для этого создан Центр быстрого реагирования для поиска и спасения жертв незаконной торговли с целью трудового или сексуального рабства и принудительных браков²¹, который сотрудничает с полицией в нескольких штатах на севере. Кроме того, Агентство по международному развитию США финансирует малоимущие семьи, в которых дочери не вступают в брак до 18 лет.

Приобщение девочек и женщин к спорту – еще одна сфера публичной дипломатии, с помощью которой США поощряют женскую часть населения занимать более активную жизненную позицию. Программа «Расширение возможностей для женщин и девочек через спорт» состоит из трех компонентов: спортивное наставничество, спортивные стажировки, а также визиты известных американских спортсменов²².

Одной из целей администрации Обамы было формирование протестных движений. Данное направление было слабо развито в Индии по сравнению со странами Ближнего Востока. Тем не менее существуют две программы в рамках данной стратегии. Речь идет о медиакампаниях «Engage» и «Half The Sky». «Engage» имеет своей целью доказать общественности важность школьного образования для девочек. Проект распространяет фильм «Girl Rising», состоящий из рассказов о девочках, которые, благодаря образованию, смогли выбраться из нищеты и добиться успеха. Фильм переведен на многие языки и диалекты Индии, его можно посмотреть по телевидению, в социальных сетях, а также во время проведения семинаров и других мероприятий различными некоммерческими организациями. Такой формат позволяет не только поднять в обществе вопрос об образовании для девочек, но и показать, что США активно выступают за права женщин. Эта кампания является экспериментом по управлению народными массами и созданию общественных движений с помощью передовых медиатехнологий. В дальнейшем США планируют использовать такие технологии для воздействия на все сферы жизни общества.

Еще один проект – медиакампания «Half The Sky», нацеленная на изменение представлений общественности о равенстве и правах женщин.

Небольшие образовательные видео распространяются в социальных сетях и демонстрируются местными некоммерческими гуманитарными организациями (НГО). Также были разработаны специальные игры для мобильных телефонов²³. Оба проекта «Engage» и «Half The Sky» служат примером подготовки протестных движений и активного использования цифровых методов.

Таким образом, США готовят общественное мнение Индии к тому, что женщины должны быть более независимыми и играть более заметную роль в жизни общества. Подобная позиция повышает имидж Вашингтона как сторонника защиты прав женщин и повышает лояльность женского населения Индии к американской культуре и ценностям.

Стратегическая коммуникация в Индии?

Во время пребывания Б. Обамы на посту президента США программы новой публичной дипломатии преобладали в Индии. Помимо того, что Индия не рассматривалась в качестве значимой мишени стратегической коммуникации, на пути осуществления реформы публичной дипломатии в Индии стояли серьезные преграды – недостаточный уровень грамотности и обеспеченности технологиями. По этой причине Вашингтон реализовывал программы, которые должны были создать основу для проведения стратегической коммуникации, а также стать связующим звеном при переходе от новой публичной дипломатии к дипломатии будущего²⁴. Кроме того, данные программы должны стать платформой для расширения участия женщин и молодежи (основной целевой аудитории) в проектах новой публичной дипломатии США в Индии. К ним следует отнести программы по обеспечению населения электричеством и другими технологиями, без которых невозможно приступить к полномасштабной реализации стратегической коммуникации в Индии. Еще одним условием для проведения программ стратегической коммуникации является уровень грамотности населения. К таким программам относятся обучение чтению и письму.

Следует отметить, что программы по электрификации и распространению технологий начали применять еще во время первого президентского срока Б. Обамы, когда во внешнеполитических кругах широкое распространение получила идея цифровой дипломатии. Однако технологическая отсталость служит барьером для реализации не только цифровой дипломатии, но и контрпропаганды и информационных кампаний в рамках стратегической коммуникации.

Программы по доступу к электроэнергии проводятся в основном в отдаленных районах страны среди малоимущего населения. Речь идет об установке очень дешевых средств освещения и предоставления мобильных телефонов, заряжающихся от микроэнергосетей. Кроме того,

электроэнергия покрывает нужды домашних хозяйств и позволяет подключить радио, Интернет и телевидение, посредством которых Вашингтон планирует вовлечь в информационное взаимодействие все слои населения разных районов Индии и перейти к следующему этапу реализации публичной дипломатии. По данным Агентства США по международному развитию (АМР), одна из таких программ по доступу к электроэнергии обеспечивает электричеством около 61 млн семей, которые не имели доступа к электричеству²⁵. Энергосети работают на возобновляемых источниках энергии, в частности на солнечной. Благодаря экономии за счет масштабов производства, солнечная энергия становится доступной даже для беднейшей прослойки общества. В рамках отдельных программ по электроэнергии используется «интеллектуальный счетчик» – система предоплаты, которая предполагает покупку определенного количества электроэнергии и возможность контролировать расходы²⁶. Это позволит малоимущим семьям пользоваться современными технологиями, что увеличивает аудиторию, подверженную американскому влиянию.

Второе направление программ, которые создают основу для осуществления стратегической коммуникации в Индии – повышение уровня грамотности. Для этого правительство США поддерживает развитие новейших методик обучения чтению и письму. Помимо этого, инновации внедряются в систему переподготовки учителей и учебные планы, особенно это касается обучения информатике, игровым методам и использования современных технологий. Проекты по повышению уровня грамотности можно одновременно отнести как к новой публичной дипломатии, так и к программам, способствующим реализации стратегической коммуникации. В основном они нацелены на учащихся младшего школьного возраста, которые станут объектом информационных кампаний в будущем. Отдельно стоит отметить участие в этих программах детей из бедных или иммигрантских семей, так как, по мнению Вашингтона, они являются изгоями общества и наиболее восприимчивы к воздействию публичной дипломатии.

Программы в области повышения грамотности реализуются не только через систему образования, но и с помощью телевидения, аудиокниг и образовательных лагерей. Например, проект «Planet Read» использует субтитры при трансляции музыкальных роликов, сериалов и фильмов по телевидению. Благодаря субтитрам ребенок быстрее овладевает навыком чтения. Схожая система лежит в основе применения аудиокниг, которые идут в комплекте с бумажными или электронными книгами. Еще один действенный инструмент для развития грамотности – обучающие лагеря. С помощью инновационных методов волонтеры обучают навыкам чтения детей, в основном из сельских районов.

В заключение следует подчеркнуть, что внешняя политика Барака Обамы ознаменовала собой смену внешнеполитических приоритетов в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, в который стала включаться Индия. Для того чтобы укрепить американское влияние в этой стране, США используют инструменты публичной дипломатии. Более того, публичная дипломатия в Индии преследует несколько ключевых целей. Речь идет об американизации индийского общества, получении поддержки местного населения в выстраивании партнерских отношений с руководством страны, в том числе против Китая, а также информационной победе над Индией, которая является объектом пропаганды России, Ирана, Китая и экстремистских организаций. Ключевое место занимают программы новой публичной дипломатии в сфере образования и поддержки прав женщин. Однако в последнее время начали реализовываться программы, которые позволят в будущем перейти к стратегической коммуникации – публичной дипломатии следующего поколения.

Примечания

- 1 *Adamson T., Brown M., Sutter R.* Balancing Acts : The US Rebalance and Asia-Pacific Stability. Washington, D.C : Sigur Center for Asian Studies, August 2013. 40 p.
- 2 *Sharma R.* The Rise of the Rest of India // Foreign Affairs. 2013. Vol. 92, № 5. P. 75–85. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2013-08-12/rise-rest-india> (дата обращения: 05.04.2020).
- 3 *Долинский А. В.* Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. № 1 (25). С. 63–73. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/695/Dolinskiy-25.pdf>. (дата обращения: 06.04.2020).
- 4 *Blackwill R., Chandra N., Clary C.* The United States and India a Shared Strategic Future : Joint Study Group Report. New York City : The Council on Foreign Relations and Aspen Institute India, September 2011. 64 p. URL: <https://www.cfr.org/report/united-states-and-india-shared-strategic-future> (дата обращения: 05.04.2020).
- 5 *Nye J.* Soft Power : The Means to Success in World Politics. New York City : Public Affairs, 2004. 191 p.
- 6 *Lynch M.* US public diplomacy and the Arab uprisings // Foreign Policy. 2011. April. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/04/13/u-s-public-diplomacy-and-the-arab-uprisings/> (дата обращения: 05.04.2020).
- 7 *Цветкова Н. А.* Публичная дипломатия США от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. № 3 (42). С. 121–133. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1248/A7xHW3zLY9.pdf> (дата обращения: 06.04.2020).
- 8 *Ayres A., Kaye C., Nye J.* How the US should respond to the rise of India // Fortune. 2015 November. URL: <https://fortune.com/2015/11/12/india-narendra-modi-tp/> (дата обращения: 05.04.2020).
- 9 *Fitzpatrick K.* US Public Diplomacy in a Post-9/11 World : from Messaging to Mutuality // CPD Perspectives on

- Public Diplomacy. 2011. № 6. P. 5–54. URL: https://www.uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/legacy/publications/perspectives/CPDPerspectives_Mutuality.pdf (дата обращения: 03.04.2020).
- ¹⁰ *Byrne C., Hall R.* International Education as Public Diplomacy // Research Digest. The International Education Research Network's. 2014. № 3. P. 1–10. URL: <https://www.ieaa.org.au/documents/item/258> (дата обращения: 05.04.2020).
- ¹¹ *Dessoff A.* Higher Education and Public Diplomacy. Interview with Patricia Harrison. Voices // International Educator. NAFSA. September–October 2008. P. 16–20.
- ¹² *Scott-Smith G.* Exchange Programs and Corporate Public Diplomacy // Handbook of Public Diplomacy. New York City : Routledge, 2009. P. 50–56.
- ¹³ Education and People-to-People Ties. Fact Sheet // Department of State. 2011. 19 July. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/07/168742.htm> (дата обращения: 06.04.2020).
- ¹⁴ *Ravi S.* Strengthening India-US Relations through Higher Education : India-US Policy Memo. Washington D.C : Brookings Institute, 2014. September. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/23-india-us-relations-higher-education-ravi.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).
- ¹⁵ United States and India Cooperate to Strengthen Teaching Skills. Press Release // USAID. 2014. 6 August.
- ¹⁶ United States Helps Strengthen Learning Outcomes for Tibetan Refugee Youth in India and Nepal. Press Release // USAID. 2012. 12 October.
- ¹⁷ *Kala A., Mandhana N., Zhong R.* 5 Gaps That Define the India-China Relationship // The Wall Street Journal. 2015. URL: <https://blogs.wsj.com/briefly/2015/05/13/5-gaps-that-define-the-india-china-relationship-in-charts-and-maps/> (дата обращения: 05.04.2020).
- ¹⁸ Promoting Gender Equality to Achieve Our National Security and Foreign Policy Objectives // Office of Global Women's Issues. Press Release 2012. 27 March. URL: <http://www.state.gov/s/gwi/rls/other/2012/187001.htm> (дата обращения: 07.04.2020).
- ¹⁹ *Verveer M.* Public Diplomacy as a Tool for Advancing Women's Issues and Closing the Gender Gap // Women in Public Diplomacy. Special Issues. Center on Public Diplomacy Monitor. Fall 2012. Vol. 3, iss. 6. P. 22–27.
- ²⁰ US Consulate Sponsors Short Film Festival on Women's Safety and Empowerment. Press release. Consulate General of the United States in Mumbai, India. 2014. 5 December. URL: <https://in.usembassy.gov/u-s-consulate-sponsors-womens-safety-and-empowerment-short-film-festival-finale/> (дата обращения: 06.04.2020).
- ²¹ Leading India's Fight Against Human Trafficking, Bondage, Slavery and Servitude. Annual Report 2014–2015. New Delhi : Shakti Vahini. 2015. P. 7. URL: <https://ru.scribd.com/document/283247003/ANNUAL-REPORT-SHAKTI-VAHINI-2014-2015-pdf> (дата обращения: 05.04.2020).
- ²² *Legacy H., Preuss L.* Sustainability and CSR at Mega Sport Events. Wiesbaden : Springer Gabler, 2014. 255 p.
- ²³ *Kristof N., Wu Dunn S.* Half the Sky : Turning Oppression into Opportunity for Women Worldwide. New York City : Random House, 2010. 320 p.
- ²⁴ *Hocking B.* Rethinking the 'New' Public Diplomacy // The New Public Diplomacy. New York City : Palgrave Macmillan, 2005. P. 28–43. https://doi.org/10.1057/9780230554931_2 (дата обращения: 04.04.2020).
- ²⁵ *Murray S.* Developing world : Small-scale innovation brings vital help to poor communities // Financial Times. October 28, 2011. URL: http://www.ft.com/cms/s/34eb8824-fe25-11e0-bac4-00144feabdc0,Authorised=false.html?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2F34eb8824-fe25-11e0-bac4-00144feabdc0.html&_i_referer=http%3A%2F%2Fwww.usaid.gov%2Fnow-leaving#axzz1eOjCqXtv (дата обращения: 05.04.2020).
- ²⁶ Smart Meters For Off-Grid Electricity. USAID. URL: <https://www.usaid.gov/div/portfolio/gram> (дата обращения: 06.04.2020).

Поступила в редакцию 10.05.2020, после рецензирования 15.05.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 10.05.2020, revised 15.05.2020, accepted 05.11.2020

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 79–83

Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 79–83

Научная статья

УДК 908(470)|16| +92Дубенской

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-79-83>

«Я на Саратове в печалех своих обретаюсь...»: Павел (Паисий) Дубенской

С. В. Клейменова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Клейменова Светлана Викторовна, заведующий сектором хранения фондов отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки имени В. А. Артисевич, svet.kleymenowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1157-0311>

Аннотация. В статье сопоставляются источники, содержащие биографическую информацию о Павле Дубенском – крупном волжском промышленнике XVII в., позже ставшем основателем монастыря в Саратове. Один из автографов Дубенского относится к 1682 г. Это запись на книге, хранящейся в фонде Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Саратов, история, XVII век, монастыри, автографы

Для цитирования: Клейменова С. В. «Я на Саратове в печалех своих обретаюсь...»: Павел (Паисий) Дубенской // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 79–83. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-79-83>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-79-83>

«I find myself in Saratov in my sorrows...»: Pavel (Paisiy) Dubenskoj

Svetlana V. Kleymenova, svet.kleymenowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1157-0311>

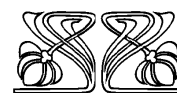
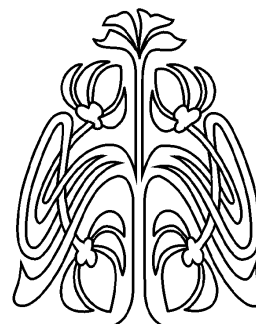
Saratov State University, Regional Scientific Library named after V. A. Artisevich, Rare Books department, 42 Universitetskaya St., Saratov 412000, Russia

Abstract. The article compares biographical information about Pavel Dubenskoj, a large Volga industrialist of the 17th century, who later became the founder of the monastery in Saratov. One of Dubenskoj's autographs dates back to 1682. This is an inscript on the book kept in the fund of the Regional Scientific Library of Saratov State University.

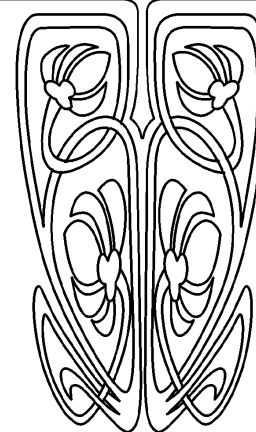
Keywords: Lower Volga region, Saratov, history, 17th century, monastery, autographs

For citation: Kleymenova S. V. «I find myself in Saratov in my sorrows...»: Pavel (Paisiy) Dubenskoj. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 79–83 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-79-83>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В начале Большой Горной улицы в Саратове, там, где сейчас находится здание Саратовского областного института развития образования, построенное рядом с церковью, снесенной в разгар борьбы с религией, в конце XVII в. был основан монастырь, который получил название Четырехсвятского (Четверосвятского). Место при впадении Глебучева оврага в Волгу было защищено с одной стороны оврагом, с другой – Соколовой горой. Попасть в город можно было, только перейдя через мост. Отсюда открывался вид на Волгу, хорошо просматривалось движение речных судов. Выше монастыря располагалась солдатская Горная слобода.

Крупного волжского насадного промышленника Павла Фаддеевича, прозванного Дубенским, в монашеском постриге носившего имя Паисий, считают основателем Четырехсвятского монастыря (впоследствии Спас-Преображенского)¹.

До наших дней дошли три автографа Дубенского – две грамоты и одна вкладная запись на книге. Книга с его записью – Пролог на первую половину сентября (инв. № 226) хранится в отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки имени В. А. Артисевич СГУ. Ранее она хранилась в Сретенской (Петропавловской) церкви, в университет поступила после ликвидации Братства святого Креста. К сожалению, вкладная запись восстановлена не полностью, при переплете были обрезаны нижние края. Переплет XIX в. Впервые запись на Прологе была опубликована А. А. Гераклитовым². Впоследствии она публиковалась в каталоге «Старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVII века»³. Запись, определяемая как вкладная, имеет точную датировку и является автографом П. Ф. Дубенского.

«Кни/га/.../го/ле/мая/.../.../.../ про/.../ло/.../ви/ны/ ме/се/ца/ се/тя/ври/я/Па/въ/ла/ За/де/ль/ва/сна/То/лу/къ/.../ба/.../.../.../ а по/ про/зъ/ва/нию/Ду/бе/нь/съ/ко/ва/а/ си/ю/кни/.../ни/ко/му/ ни/ку/ды не от/да/на/ п.../.../дъ/ пи/са/ль/ я /Па/ве/ль/ сво/ею/ ру/.../ю/ въ/190 /году/апре/ля/ въ/8 де/на/ па/мет/ свя/та/го/.../сто/ла /Гра/.../ю/на/ Ага/фа/ і Ру/фа /аси/.../ъ/къ/ри/ць/ко/ва/ а сию/ кни/гу/ Про/ло/гъ/ отдал/на/Са/ра/.../ въ /Го/рь/нои/ сло/бode/ въ /це/рков/Мо/сков/ским/ чуд/.../тво/рцомъ/Петру Алексею/Ионе/ і Филипу»⁴ (слово «сына» написано под титлом).

Память святых апостолов от 70 Иродиона, Агава, Руфа, Асинкрита, Флегонта и Ермия отмечается 8 апреля по старому стилю. В XVII в. по новому стилю это был день 18 апреля 1682 г. Вкладная запись убедительно говорит о том, что в Горной слободе в это время уже существовала церковь, одноименная будущему монастырю. О появлении здесь монастыря свидетельствуют более поздние источники, называющие Паисия (в миру Павла) Дубенского строителем. А. А. Гераклитов в своей статье ссылался на «Русскую историческую библиотеку» и статью А. Правдина

1878 г. На основании этих источников он доказал, что строитель монастыря не имеет отношения к служилому роду Дубенских. В делах Тайного Приказа прямо сказано: «В Астрахани Муромец Павел Дубенской»⁵. Вкладная запись четко указывает на то, что Дубенской – «прозвание», прозвище. Звали же ее автора «Павел Фаддеев сын Толукба...». С большой долей вероятности можно предположить, что подлинная фамилия вкладчика звучала «Толукбаев». К сожалению, в этом месте два ветхих листа издания были заменены двумя рукописными листами восстановленного текста. Это, конечно, свидетельствует о грамотности монастырской братии, но не позволяет прочитать фамилию вкладчика полностью. Закономерен вопрос: как правильно произносилась фамилия (вернее, прозвание): Дубенский или Дубенской? Хотя здесь нет противоречия, все же надо учесть некоторые особенности древнерусского языка. Так, В. М. Живов писал: «...Лингвистическая позиция реконструируется в следующем виде: нормы литературного языка должны соответствовать языку социальной элиты, социальные верхи употребляют окончание –ый, а социальные низы – –ой, поэтому норма должна закрепить окончание –ый, а не –ой»⁶. Однако во всех приведенных документах прослеживается произношение «Дубенской», как, видимо, и именовался при жизни Павел Фаддеевич.

Пролог был вложен Дубенским в церковь Московских чудотворцев в 1682 г. К этому же году относится ироническое упоминание о его промысле в переписке братьев Калмыковых. Федор Калмыков упрекает старшего брата Клима, главу семейного предприятия, переставшего под влиянием молодой жены вкладывать средства в рыбный промысел: «А ты держи возле себя деньги, было бы чем жене тебя поминать, как умрешь; жена тебя научила в руках у себя вовсе держать... А насады, знатно, останоятца на Царицыне, без денег работные люди не поедут. А ты у себя держи деньги... Мало к Макарью людей ехало, каков у Павла Дубенского промысл, еще у нас хуже будет»⁷.

Так что в 1682 г. промысел Дубенского пришел в полный упадок и стал для других промышленников своего рода «притчей во языцех». Преимущество автографа из Научной библиотеки состоит в том, что он точно датирован, в отличие от двух других известных автографов Дубенского, относящихся к более раннему времени, хотя подлинная их дата не установлена из-за ветхости документов. Это грамоты, адресованные московскому стольнику А. И. Безобразову. В них как будто слышится живая разговорная речь: «Государю моему Андрею Иличю Пашка Дубеньской челомъ бьет здравствуи гсдрь о Христе на многие лета со всемъ домомъ а про меня пошош вспомянуть і я на Саратовъ сентября в КЕ де в печалех своих обретаюс прикажи гсдрь про свое здорове писать а буде тебъ станеть салдаты Харка о чем бит челом по своеи млсти пожалуи гсдрь ево Харку»⁸ (пись-

мо датировано 25-м сентября, год, к сожалению, неизвестен).

Упоминала Дубенского супруга Андрея Ильича Безобразова Агафья Васильевна: «...Тое рыбу к тебе прислат(ь) ли, что Павел Дубенской и Юрья Муханов привезли, а рыба соленая, плоха, а етои рыбе всеи послала я к тебе роспис(ь)»⁹, – писала она мужу в Одоев 26 февраля 1679 г. И тогда же в феврале – марте: «А что Павел Дубенской лосос (ь) прислал, и тое оставила на Москве, что послал Гришка наскора»¹⁰.

В другом письме Дубенского речь идет о рыбном промысле, на этот раз роль курьера исполнял Исачок, дворовый человек: «Гсдрю моему млстивому блгодетелю Андрлю Ильичю искател твоєї млсти Пашка Дубенской много множеством челом бьет

Буди гедрь мои здоров на многие льта. А по млсти своей гедря моег изволишь про меня напамятоват і я на Саратове ноябрю по КС число еще з живыми толко волею божиею великого гедря ватажской струг с рыбою ниже Черного яру о Половом яру воровские люди калмыки и татары разорили бес остатку и пожгли работных людей порубили і в полон поимали, а млстию гедрь бжию в улове рыбы перед прошлым годом с прибавкою, послал я члвка своег Исачка с отписками и ты гедрь млстию своею пожалуи во всяком вспоможение учини аже дасть бгъ увижу твои гедря моего очи я за вся твоя блгая буду бити челом, за сем здрав буди о Хрсте»¹¹ (26 ноября, год также неизвестен).

В начале 1690 г. А. И. Безобразов был казнен по обвинению в колдовстве, а А. В. Безобразова сослана в монастырь. Весть об этом, вероятно, дошла и до их старого знакомого.

Рыбный промысел на Волге был связан со многими рисками. В этом письме речь идет о нападении воровских людей, калмыков и татар. Но Дубенскому пришлось пережить и восстание Разина. Наиболее ранний опубликованный источник, где упоминается известный промышленник, – «Сыское дело в Астраханской приказной палате о словах про жену С. Разина, сказанных во время ссоры астраханских жительниц». В нем говорится: «А Манькин муж Стенька Филиппев в Астарахани сыскан и роспрашиван, а в роспросе сказался. – Съехал он де с Москвы в Астарахань государева рыбного промыслу с промышленником с Павлом Дубенским тому четвертый год, нанялся у него, Павла, в насаде в пищики. И как де тот насад будет на Царицыне, и вор де Стенька Разин с казаками тот насад разграбил, а его де, Стеньку, и работных людей с того насаду побрал к себе, и приехал с ними под Астарахань, и Астарахань взял»¹². Датированы расспросные речи 9–10 июля 1672 г. Стенька Филиппев, как следует из его слов, нанялся писчиком к Дубенскому еще в Москве три года назад, т. е. примерно в 1669 г.

Толмач Алешка Макарьев под пыткой сказал, что его посылал в погоню за Дубенским Ф. Ше-

лудяк: «...А как де ушел из Астарахани Павел Дубенской, и за ним в погоню вор Федька Шелудяк его, Алешку, посылал, и он де ездил до реки Ахтубы и жил у Сююнча мурзы»¹³. Как видно, чудом спасся от погони Павел Фаддеевич. Из дел Тайного приказа выясняется, что Дубенской был хорошо знаком с Иосифом, митрополитом Астраханским: «Да ему ж Павлу велено <...> в Астарахани велено взять у преосвященного Иосифа, митрополита Астараханского и Терского, 2000 ру(б) взаимы...»¹⁴. Можно догадываться, какие чувства испытывал Дубенской, узнав о судьбе митрополита, заживо сожженного разинцами.

Сведения о Дубенском встречаются в т. 21 «Русской исторической библиотеки», где опубликованы дела Тайного приказа. Все они относятся к его промышленной деятельности, связаны с отчетностью. В частности, в феврале 1670 г. из Москвы к нему был послан Ларион Лыгов, которому в числе прочих поручений предписывалось купить Дубенскому «1000 кип бумаги хлопчатой доброй»¹⁵. Последний везде упоминается как астраханский промышленник: «А сколько на Астараханских и Черноярских и Яицких рыбных промыслах всяких заводов ныне налицо и тому книги и наличные росписи у промышленников у Павла Дубенского с товарищи»¹⁶. Это упоминание относится к 1676 г., а в 1682 г. в переписке Калмыковых насмешливо говорится о полном упадке дел у конкурента. Остается неясным, что же заставило отошедшего от дел Павла Фаддеевича осесть не в хорошо знакомой ему Астрахани, а в Саратове. Известны, например, имена саратовских приказчиков Клима Прокофьевича Калмыкова, это С. Г. Буркин, Григорий Вотложемский, и даже имена некоторых жителей «Гор» (кузнец Марка Мартынов, солдат Иван Исаев сын Бабаня) – соответственно, прихожан этой церкви, которых связывала с приходом территориальная близость. Безусловно, были свои агенты в Саратове и у Дубенского, но их имен мы не знаем. Только одно можно утверждать с уверенностью: клириков Четырехсвятской церкви, в которую был сделан вклад, Дубенской знал хорошо. Открытым остается вопрос: когда он принял решение о постриге и когда его осуществил? Не вызывает сомнений тот факт, что он хорошо знал все волжские города и по неизвестной причине остановился на Саратове. Застав Саратовскую крепость еще на левом берегу, Дубенской был свидетелем ее переноса на правый. С большой вероятностью можно утверждать, что он был знаком с настоятелем и братией Богородицкого монастыря, в жизни которого в 1691 г. произошло серьезное изменение. Саратовский мужской монастырь был приписан к московскому Высокопетровскому, стал его подворьем. Именно поэтому, считает прот. М. Беликов, братия Казанско-Богородицкого монастыря, подчинявшаяся Астраханскому митрополиту, ушла в Горную слободу и основала там монастырь во имя Московских Чудотворцев (Четырехсвятский)¹⁷.

Самые поздние упоминания о Дубенском относятся к 1694–1695 гг. Здесь он уже именуется старцем Паисием, строителем. Акты Саратовского Спасо-Преображенского монастыря, присланные в копиях его наместнику иеромонаху Феофилу из Астраханской духовной консистории при указе от 21 марта 1776 г. были опубликованы А. Правдиным. Это грамоты 5 августа 202(1694) г. «для отводу пожни сенных покосов...» и 24 апреля 203(1695) г. «Саратовского горного монастыря Московских Чудотворцев строителю старцу Паисию на огородные места»¹⁸.

Данные источники дают картину хозяйственной жизни монастыря с его санными покосами, огородами. Грамота 1694 г. сообщает, что 5 августа сотник саратовских пеших стрельцов Иван Лаврентьев Мальцов по приказу стольника и воеводы Андрея Лаврентьевича Усова ездил из Саратова вверх по р. Волге для отводу пожни санных покосов «города Саратова новопостроенного монастыря Московских Чудотворцев строителю старцу Паисию Дубенскому с братиею...»¹⁹. В грамоте на огородные места упоминаются также старцы Варлаам с братиею и строитель Паисий Дубенской: «...Отведено им на Саратове в горной салдатской слободе под монастырь Московских Чудотворцев место сверху буераку от степи, а на низ к реке Волге чернойскаго рыбнаго промыслу по анбары, а к городу Саратову по исток того буерака...»²⁰. Огороды принадлежали прежде саратовским посадским людям: Якову Авксентьеву, Никифору Синбирину, стрельцу Трофиму Масленникову и солдату Горной слободы Феодору Шевелю. «Поступились» же они огородными местами «для поминовения родителей своих», т. е. сделали вклад. Любопытно, что эти огороды были замечены голландским путешественником и художником К. де Бруином: «Когда подходишь к городу с той стороны, которая лежит направо от реки, то увидишь пропасть, в которой растет капуста и другая зелень»²¹. Русский перевод отличается большей точностью. Голландское слово «diepte» П. П. Барсов перевел как «пропасть», речь идет, конечно же, о «буераке» (Глебушев овраг). В тексте оригинала упоминаются и капуста (kool-en), и огороды (moestuinen)²². В английском и французском переводах огородные растения превратились в «сады на склоне», например, «une descente avec des Jardins»²³.

Более поздних упоминаний о Дубенском на сегодняшний день пока не встречено, следовательно, можно сделать вывод, согласно которому земная жизнь старца закончилась после 1695 г. Надо полагать, что и место последнего упокоения старец Паисий по прозванию Дубенской, а в миру Павел Фаддеевич, нашел на монастырском кладбище.

В актах 1738 г. монастырь по-прежнему именуется Четырехсвятским, но позже стал называться Спасо-Преображенским – по имени главного придела нового каменного храма, в котором в честь московских святителей был освящен боковой при-

дел. В 1811 г. Спасо-Преображенский монастырь сгорел и был перенесен за город. В краеведческой литературе и на краеведческих сайтах можно встретить утверждение, что Богородицкий и Четырехсвятский мужской монастырь – одно и то же, хотя прот. М. Беликов в своей книге доказал, что объединения этих двух обителей не могло произойти. К тому же известно, что настоятелем Богородицкого монастыря в 1699 г. был строитель Антоний Петровский. Его вклад – напрестольное Евангелие, напечатанное в Москве в 1657 г., в серебряном окладе с золочением, хранится в Государственном художественном музее имени А. Н. Радищева, имеется запись: «7207(1699) году марта в (26) день построено Сие Святое Евангелие Напрестольное в городе Саратове в Богородицкой монастырь в предел великого чудотворца Николая Снисканием и Тшанием Строителя Иеромонаха Антония Петровского»²⁴. Более того, известно даже имя келейника строителя монастыря «Казанской Богородицы, что на Саратове»: его звали Иван Ильин сын Меньшей²⁵. Последним настоятелем Богородицкого монастыря стал строитель Лаврентий. Он упоминается в документах 1704 г. «В этом году монахи выведены»²⁶, – резюмирует П. М. Строев. После этой даты Богородицкий монастырь прекратил свое существование, Казанский храм стал приходским. Спасо-Преображенский (бывший Четырехсвятский) монастырь, как известно, переехал за город. На его прежнем месте был построен приходской храм, также Спасо-Преображенский.

Приведенные сведения, хотя и являются фрагментарными, все же позволяют сделать некоторые выводы о крупном насадном промышленнике XVII в. П. Ф. Дубенском. На основании автографов, свидетельств современников, упоминаний в делах Тайного приказа проясняются некоторые обстоятельства его жизни. Происходя родом из Муром, он достаточно долго жил в Москве, откуда прибыл на Нижнюю Волгу, уже имея достаточный опыт ведения промысла и деловые связи. Безусловно, Дубенской был грамотен и вел строгий учет поставкам в Москву. Дела, однако, не всегда шли гладко, насады подвергались нападениям, сам владелец промысла неоднократно мог погибнуть от рук воровских казаков, калмыков и татар, участников восстания Разина. Имеются свидетельства об упадке его промысла уже к 1682 г. Последние упоминания о П. Ф. Дубенском относятся к тому времени, когда он был строителем Четырехсвятского мужского монастыря в Горной слободе Саратова. Его деловые навыки, как видим, пригодились и при организации монастырского хозяйства. Скорее всего, П. Ф. Дубенской (старец Паисий) был погребен после смерти на монастырском кладбище, которое не сохранилось. Что же касается книги «Пролог», очевидно, что братия бережно относилась к реликвии, связанной с именем строителя, и смогла ее сохранить. При этом любительская реставрация ветхого издания привела к утрате части текста вкладной записи.

Примечания

- ¹ См.: *Беликов М. П., протоиер.* Старый собор и Старый город : история Свято-Троицкого кафедрального собора и города Саратова в свете новых данных. Саратов : Изд-во Саратовской митрополии, 2015. С. 108–109.
- ² См.: *Герасимов А. А.* По поводу записи 1682 г. на Прологе Братства Святого Креста в Саратове // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. С. 53.
- ³ Старопечатные издания кирилловского шрифта второй половины XVII в. : каталог / сост. Н. И. Алексеева, Н. А. Попкова. Саратов : Научная книга, 2005. С. 57 (Редкие книги ЗНБ СГУ ; вып. 23).
- ⁴ Пролог, первая половина (сентябрь – февраль). М. : Печатный двор, III. 1675. Л. 1–33, 36–134.
- ⁵ О рассылке документов приказа Тайных дел по другим приказам в 1676–1683 годах : Дела Тайного приказа : в трех книгах. Книга первая // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 278.
- ⁶ *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 17.
- ⁷ *Бакланова Н. А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. : к истории формирования русской буржуазии. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 181.
- ⁸ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда Андрея Ильича Безобразова) / подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М. : Наука, 1965. С. 55.
- ⁹ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / изд. А. А. Новосельского, С. И. Коткова ; сост. Л. Ф. Кузьмина, Л. С. Филиппова ; ред. О. В. Новохатко : в 2 ч. М. : Памятники исторической мысли, 2012. Ч. 1. С. 124.
- ¹⁰ Там же. С. 125.
- ¹¹ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. С. 55.
- ¹² Сыскное дело в Астраханской приказной палате о словах про жену С. Разина, сказанных во время ссоры астраханских жительниц // Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сборник документов : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. С. 212.
- ¹³ Там же. С. 269.
- ¹⁴ Записная книга приказа Тайных дел за 7178 год : Дела Тайного приказа. Книга первая // РИБ. Т. 21. Стб. 1505.
- ¹⁵ Там же. Стб. 1504–1505.
- ¹⁶ О рассылке документов приказа Тайных дел по другим приказам в 1676–1683 годах // Там же. Стб. 195.
- ¹⁷ См.: *Беликов М. П., протоиер.* Указ. соч. С. 201–202.
- ¹⁸ См.: *Правдин А.* Акты Саратовского Спасопреображенского монастыря // Саратовские епархиальные ведомости. 1878. № 7. С. 137–138.
- ¹⁹ Там же. С. 137.
- ²⁰ Там же. С. 138.
- ²¹ *Бруин К., де.* Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / пер. с фр. ; пер. и предисл. П. П. Барсова, проверено по гол. подлиннику О. М. Бодянским. М., 1873. С. 177.
- ²² *Bruijn C. de.* Reizen over Moscovie door Persie en Indie. Amsterdam. 1711. P. 80. URL: [google.ru/books](https://books.google.ru/) (дата обращения: 04.10.2020).
- ²³ *Bruijn C., de.* Voyages de Corneille Le Bruyn par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Т. 3. A La Haye, 1732. P. 265.
- ²⁴ *Гаврилова Н. В.* Оклады Евангелий конца XVII–XVIII вв. из собрания Саратовского государственного художественного музея им. А. Н. Радищева // Библиотека вуза : вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр., посвящ. памяти В. А. Артисевич. Саратов : Наука, 2002. Вып. 2. С. 67.
- ²⁵ См.: *Герасимов А. А.* К истории Волжского транспорта в конце XVII века // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 17.
- ²⁶ *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / составил из достоверных источников Павел Строев. СПб., 1877. Стб. 962.

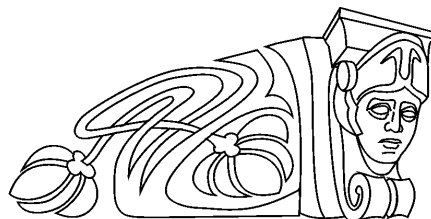
Поступила в редакцию 14.10.2020, после рецензирования 28.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
 Received 14.10.2020, revised 28.10.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 84–90
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 84–90

Научная статья
УДК 94(470.44)
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-84-90>

Братские домохозяйства Саратовской губернии в конце XIX века: историко-демографический анализ

П. Ю. Мельников

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Мельников Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права института правоохранительной деятельности, p_melnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7445-1953>

Аннотация. Братские домохозяйства относятся к категории специфических сложных домохозяйств, состоящих из совместно проживающих супружеских пар одного поколения. Как правило, их появление – результат неосуществленного по тем или иным причинам семейного раздела. Благодаря своей структурной экзотике братские семьи легко идентифицируются и сопоставляются. В то же время в силу особенностей строения, братские семьи скорее являются коллективами неустойчивыми, склонными к распаду. В данной статье предпринят анализ братских домохозяйств, зафиксированных в материалах земских подворных переписей губернии конца XIX в.

Ключевые слова: классификация семей, историческая демография, братские семьи, структура семьи, раздел, крестьянство Российской империи, земские подворные переписи

Для цитирования: Мельников П. Ю. Братские домохозяйства Саратовской губернии в конце XIX в.: историко-демографический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 84–90. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-84-90>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-84-90>

Fraternal households of the Saratov province at the end of the XIX century: Historical and demographic analysis

Pavel Yu. Melnikov, p_melnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7445-1953>

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Abstract. Fraternal households belong to the category of specific complex households consisting of cohabiting single-generation couples. As a rule, their appearance is the result of an unfulfilled family section for one reason or another. Due to their structural exoticism, fraternal families are easily identified and compared. At the same time, by virtue of their peculiarity, fraternal families are more likely unstable collectives, prone to disintegration. Within the framework of this article, an analysis of fraternal households recorded in the materials of zemstvo courtyard censuses of the province of the late XIX century will be made.

Keywords: classification of families, historical demography, fraternal families, family structure, division, peasantry of the Russian Empire, zemstvo backyard censuses

For citation: Melnikov P. Yu. Fraternal households of the Saratov province at the end of the XIX century: historical and demographic analysis. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 84–90 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-84-90>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Настоящая статья является логическим продолжением предшествующей работы, также посвященной братской семье¹. Однако в данном случае речь пойдет не столько о юридических основах домохозяйства такого типа, сколько о его демографических характеристиках. Основа для анализа содержится в документах земских сельскохозяйственных переписей, проводившихся в рамках Саратовской губернии в 1880–1890 гг. Их

поуездные и губернские результаты опубликованы еще до революции, а обрывочные первичные материалы хранятся в государственном архиве Саратовской области².

Уточним определение. Братской семьей будет называться домохозяйство, состоящее из двух или более совместно проживающих женатых братьев. Роль домохозяина выполняет не отец, а один из его сыновей, в то время как остальные

сыновья находятся в положении подчиненных (а родители уже отсутствуют). Следует отметить, что такая «структурная экзотика» дает братской семье определенные преимущества. При всех расхождениях исследователей в определении того или иного типа семьи братский вариант различий не вызывал³, что существенно облегчает сопоставление данной структуры в отечественной и зарубежной литературе. Впрочем, это не решает всех проблем, поскольку в ряде исследований дифференциация сложных семей на подгруппы не производилась, так что вычленивать собственно братские семьи из остального массива невозможно.

В рамках данной статьи используется классификация домохозяйств, предложенная П. Ласлеттом; согласно которой братская семья относится к типу 5 (сложные семьи), подвариант 5б⁴. При этом семья такого типа, естественно, не была чисто российским феноменом и в той или иной степени имела место у всех народов. Ее древний аналог можно увидеть еще в древнеиндийских «Законах Ману», где среди статей, посвященных наследственному праву, есть такая: «По смерти отца и матери братья, собравшись, могут разделить поровну отцовскую собственность; при них, живущих, они неправомерны»; «... отцовское имущество полностью может забрать старший брат; остальным следует жить при нем, как при отце... Пусть старший [брат] охраняет младших братьев, как отец, а те ведут себя по отношению к старшему брату, как сыновья»⁵. Впрочем, далее идет большое количество статей, регулирующих именно раздел имущества, а не совместную жизнь братьев, из чего можно предположить, что братские семьи не были основным вариантом эволюции домохозяйства.

По российским регионам цифры, характеризующие братские семьи, очень вариабельны. У крестьян русского Севера в первой четверти XVII в. численность домохозяйств этого типа колебалась от 6,8 до 12,2%⁶, также в северном регионе, но уже в начале XVIII в. – 28,8%⁷. У горожан Могилевского магистрата в конце XVIII в. братские семьи отсутствовали⁸. В первой половине XIX в. у крестьян Тамбовской губернии количество братских семей колебалось от 2 до 19% (по разным селам)⁹. В середине XIX в. (исследователи использовали данные ревизии 1858 г.) крестьяне Среднего Поволжья проживали в братских семьях на 19%¹⁰, маришцы Нижегородской губернии – на 25,7% (в последнем случае автор использовал очень дробную – до 30 вариантов – классификацию семей; пересчет в систему Ласлетта мой. – П. М.)¹¹. В пореформенный период количество братских домохозяйств у крестьян Московской губернии колебалось от 3,1% (1869 г.) до 3,9% (1886 г.)¹², у мещан Тюмени доходило до 5,4%¹³. Наконец, у крестьян 4-х округов Тобольской губернии по данным переписи 1897 г., братские семьи в среднем составляли 2,4%¹⁴.

Среди зарубежных наблюдений данные о братских семьях отсутствовали в Англии XVI в., Франции XVIII в., колониальной Америке XVII в., но значились в Сербии XVIII в. (3,3%) и Японии XVIII в. (2,3%)¹⁵.

Для историко-демографического анализа братской семьи используются первичные материалы саратовских земских переписей, проводившихся в Саратовской губернии в период 1880–1890-х гг.¹⁶. Общий объем сохранившихся документов не очень значителен по сравнению с масштабом переписи; он включает в себя чуть более 5000 домохозяйств, расположенных в 4-х уездах (Кузнецком, Хвалынском, Петровском и Камышинском). Полнота описания домохозяйств существенно различается в зависимости от населенного пункта: от 5 до 100% (данный факт устанавливался путем сопоставления архивных материалов с опубликованными данными). Братские домохозяйства в этом массиве представляют малую часть (111 единиц). Естественно, возникает резонный вопрос о репрезентативности материала. Один из простых способов ее тестирования – проверка данных на нормальность распределения. Наиболее быстрым и простым способом является график QQ-plot (рис. 1). На рисунке видно, что большинство братских домохозяйств, ранжированных по численности, укладываются или максимально приближены к линии тренда, следовательно, распределение можно признать нормальным, а выборку – репрезентативной.

Основные статистические характеристики братской семьи выглядят следующим образом. Из общего объема данных в 5036 домохозяйств братские семьи представлены 111 единицами; это составляет 2,2% от общего количества наблюдений. По количеству проживающих цифры такие: всего в общей базе домохозяйств числятся 29 685 чел., из них в братских семьях – 1140 чел.; что составляет 3,8%. Очевидно, что братские семьи и структурно, и по численности проживающих в них составляли крайне незначительную часть населения Саратовской губернии в конце XIX в. Это в принципе соответствует тренду «упрощения» семьи через разделы, о котором говорилось в предыдущей статье¹⁷.

Поскольку братское домохозяйство относится к типу сложных, то средняя численность его высока – 10,2 чел. на двор. Медиана равна 10, мода – 9 (18 наблюдений). Численность половины всех домохозяйств составляла 8–12 чел., минимальная – 4 чел. (ниже этого уровня сложное домохозяйство не может существовать в принципе), максимальная – 39 чел. Впрочем, это наблюдение – явный выброс, выражаясь языком статистики. При сравнении размеры братских домохозяйств имеют 4 наблюдения в 16 чел., по 1 – в 18 и 20 чел., а более крупные семьи представлены единичным коллективом. Максимальная численность остальных сложных домохозяйств (5а, 5б, 5в) в среднем чуть больше, но и они единичны в

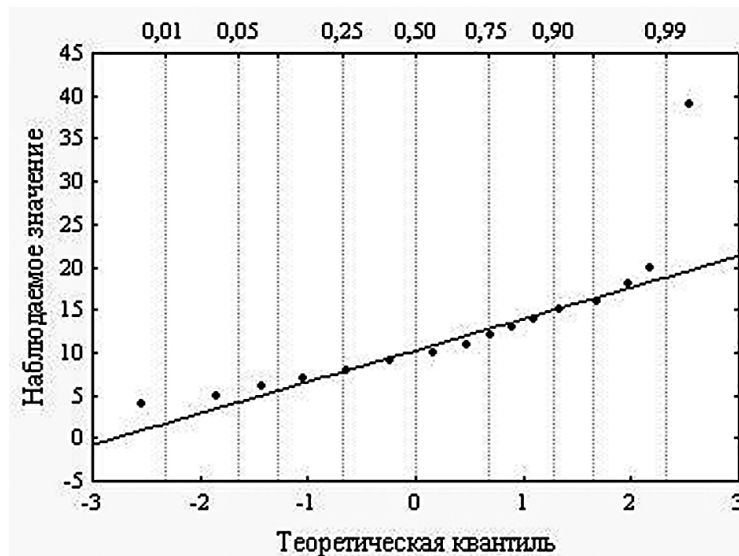

Рис. 1. График QQ-plot. Проверка распределения данных на нормальность

интервале от 20 до 25 чел., а семья в 39 чел. стоит особняком. Такого рода крупные патриархальные коллективы были редки в XIX в. и носили скорее единичный характер¹⁸.

К сожалению, точно определить качественный состав этого коллектива невозможно. Дело в том, что часть переписных листов по Кузнецкому уезду велась переписчиками по каким-то причинам небрежно, так что в составе семьи обозначили только главу домохозяйства и его брата, а также их жен, а у всех остальных ставили прочерк. Идентифицировать коллектив можно было только по возрасту людей, входивших в него. Малые семьи, состоящие из супругов и детей, фиксировались легко: возраст мужа и жены обычно совпадал, возраст детей был меньше примерно на 20 лет. Сложные коллективы с большим количеством разновозрастных родственников определялись не столь однозначно. Впрочем, упоминавшаяся особо крупная семья из 39 чел.¹⁹ вполне может быть идентифицирована как братская: в списке обозначены хозяин (67 лет), следом – брат (60 лет); такая же картина в женской части списка: жена вторая (50 лет), жена брата (60) лет. Точно установить статус остальных членов семьи невозможно: например, перечисленные после хозяина и его брата мужчины в возрасте 47 и 45 лет – это их младшие братья, сыновья или боковые родственники? Однако возраста и в мужской, и в женской части списка идут по убыванию, т. е. в семье престарелых родителей или иных старших родственников нет. Поэтому с определенными оговорками этот коллектив можно обозначить, как братское домохозяйство.

Структурно братская семья – минимум две семейные пары. В рассмотренном материале старшая пара (домохозяина) практически всегда полная (из 112 наблюдений только 5 домохозяев обозначены как вдовцы; в списках у 8 домохозяев значатся «жена вторая» и один раз «жена третья»).

Среднее количество семейных пар на домохозяйство – 2,3, т. е. примерно в каждой третьей семье было по три супружеские пары. Чаще третья пара – женатый сын (32 случая), гораздо реже – еще один брат (8 вариантов), женатый племянник (1 вариант). Таким образом, братские семьи в конце XIX в., даже и крупные по размеру, не представляли собой сложные, запутанные коллективы наподобие болгарской задруги, хотя, опять-таки были и исключения, например, домохозяйство Андрея Николаева (Кузнецкий уезд, 20 чел.) состояло из 4 женатых братьев с детьми²⁰.

Как уже говорилось, братские семьи образовывались в результате несостоявшегося раздела (причины могли быть разные) и существовали определенное время. Интересно уточнить, насколько такого рода коллективы оказывались устойчивыми. Это можно сделать через оценку возраста женатых мужчин, входивших в этот коллектив, поскольку именно от их решения в конечном счете зависел факт совместного проживания.

Цифры получаются следующие. Средний возраст домохозяина по всем сохранившимся данным сельскохозяйственной переписи – 45,5 года, по коллективам сложным – 51,3 года, но с существенными внутренними вариациями. В классификации Ласлетта выделяется 5 подвариантов сложных семей: 5а (родительская пара и женатый сын, глава хозяйства – сын), 5б (также родительская пара и женатый сын, однако хозяином является уже отец), 5в (один из супружеской пары плюс несколько женатых сыновей), 5г (собственно, братская семья) и 5д (сложный по структуре коллектив из прямых и боковых родственников). Для самой распространенной подгруппы сложных семей (тип 5б) средний возраст домохозяина – 55,8 лет, а для братских – 40,2 года. Иными словами, братские семьи возникали в сравнительно молодом для домохозяина возрасте. Более того, как видно на диаграмме размаха (рис. 2), последняя четверть

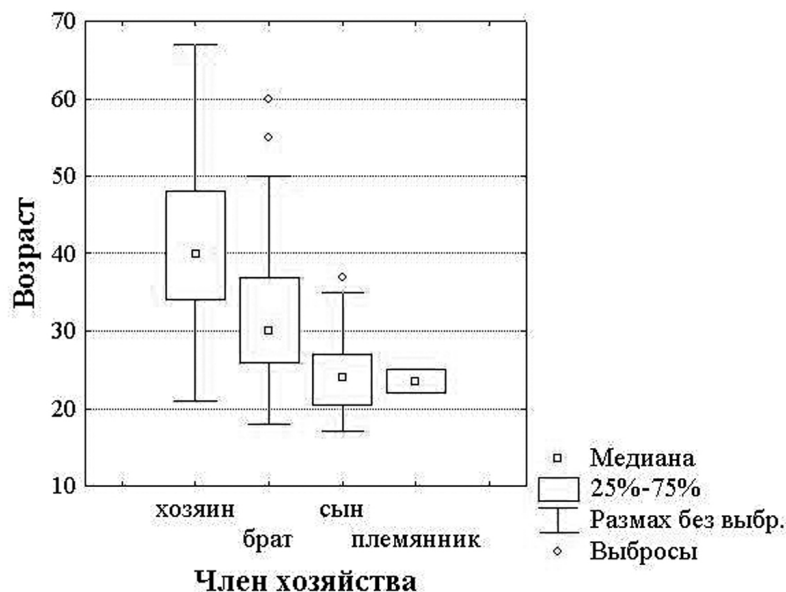

Рис. 2. Возраста женатых членов братского домохозяйства. Диаграмма размаха

наблюдений по возрастам домохозяев начинается от 48 лет и заканчивается 68 годами. Однако около трети домохозяев имеют возраст 50 лет. При этом средний возраст женатых братьев – потенциальных претендентов на раздел – был равен 32,2 годам, а половина всех наблюдений (квартильный размах) находится в интервале между 26 и 37 годами (см. рис. 2). Еще более значимы и такие показатели, не отмеченные на графике: первые 10% наблюдений заканчиваются на отметке в 23 года, а последние 10% начинаются с отметки 45 лет. По сути этот временной интервал можно считать продолжительностью существования большей части (80%) всех братских семей.

Если такая семья существует длительное время, то численность ее должна значительно увеличиться. Саратовская губерния в конце XIX в. была типичным аграрным районом с характерными демографическими параметрами, в том числе – высокой рождаемостью (рождаемость во второй половине XIX в. – 52%, 12-е место среди 50 губерний)²¹. В братской семье рост численности должен быть выше, чем в других типах семей из-за большого количества семейных пар. То есть, если такой коллектив существует более-менее продолжительное время, то в нем может наблюдаться, с одной стороны, большая численность, а с другой – большой возраст главы домохозяйства. Попробуем определить, есть ли между этими параметрами статистическая взаимосвязь. Визуальное сопоставление отображено на графике (рис. 3).

Как видно из графика, наибольшая плотность наблюдается для домохозяйств с главой в возрасте от 30 до 40 лет, далее тренд не столь очевиден. Коэффициент корреляции Пирсона r для показателей возраста и численности равен 0,45, т. е. взаимосвязь не очень сильная. Более

того, данный коэффициент очень чувствителен к нестандартно высоким наблюдениям, так называемым «выбросам» (в нашем случае это семья в 39 чел.). Если исключить ее из анализа (поскольку это эта семья классифицирована как братская с определенной долей условности), то значение r будет гораздо меньше – 0,39, что еще больше подтверждает слабую взаимосвязь показателей возраста главы и численности домохозяйства. Аналогичная взаимосвязь между размером семьи и возрастом младшего женатого брата вообще не прослеживается ($r = 0,1$). Отсутствие взаимосвязи между этими показателями можно интерпретировать, как непродолжительное существование братских семей.

Современные исследователи отмечают, что количество семейных разделов существенно увеличилось во второй половине XIX в. В качестве причин назвались ослабление патриархальной власти домохозяина, проникновение в деревню капиталистических отношений. Для братских семей, в принципе более неустойчивых (поскольку власть брата-большака более условна, нежели отца), данный процесс стал ощутимее после изменений в комплектовании армии. Военная реформа Д. А. Милютина заменила рекрутскую повинность (по факту – пожизненную) на срочную (6–7 лет) воинскую службу. Воинский устав был принят в 1874 г., следовательно, с начала 1880-х гг. начинается процесс демобилизации отслуживших. Вернувшиеся в родные деревни вчерашние солдаты приносили с собой другие нравы, культурные и поведенческие стереотипы, входившие в противоречие с традиционными патриархальными установками. «Как солдат со службы придет, так и прочь», «солдат не работник, как придет, так и прочь», «солдат – он какой – колкий», «как всех в солдаты стали брать – чаще начали делиться»,

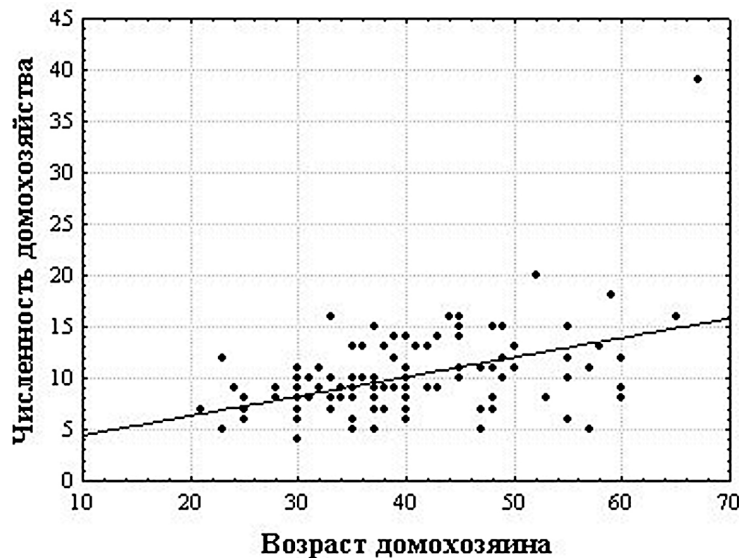

Рис. 3. Соотношение возраста домохозяйина и численности домохозяйства

«солдат с мужиком жить нешто станет»²², – так крестьяне Саратовской губернии характеризовали причины разделов.

Следующий вопрос, который необходимо прояснить – факторы, влияющие на возникновение братской семьи. Уже упоминалось, что такого рода коллектив – результат несостоявшегося раздела. Однако причин этого действия может быть много. Это возрастные вопросы (когда предполагаемый домохозяйин слишком молод), малый земельный фонд, экономический уровень домохозяйства (его зажиточность или, наоборот, крайняя бедность), религиозные нормы, этнические традиции и т. д. Естественно, учесть все факторы невозможно, однако влияние некоторых из них поддается анализу. Материалы переписей, помимо данных о структуре семьи, содержат массу параметров, которые можно обработать при помощи статистики. Так, применительно к каждому домохозяйину в переписных листах обозначалась его национальность (русский, татарин, мордвин), религиозная принадлежность (православие, старообрядчество, ислам) и статус (государственный, удельный, собственник, дарственный, бывший помещичий; среди двух последних категорий братские семьи не присутствовали). Соответственно, можно попробовать выяснить, какой из этих факторов оказывал большее влияние на возникновение этого «экзотического» типа домохозяйства.

Определить это влияние проще всего по таблице сопряженности (табл. 1). Ряд показателей очевиден. Во-первых, такого типа домохозяйства практически не присущи татарам (3 наблюдения из 108, менее 3 %); они же по вероисповеданию мусульмане, по статусу – государственные. Во-вторых, самая большая группа братских семей – почти половина – наблюдается у мордвы (52 домохозяйства, 48 %); эта группа единая по вероисповеданию – православные, по статусу – государственные.

Оставшаяся часть – семьи русских крестьян (53 домохозяйства, 57%) сильно варьируется и по статусному показателю (в ней присутствуют государственные, удельные, собственники), и по религиозному (есть православные и старообрядцы). Возникает естественный вопрос о взаимосвязи этих признаков. Попробуем проверить гипотезу об отсутствии этой взаимосвязи при помощи показателя χ^2 . Результаты приведены в табл. 2. Видно, что вероятность получить аналогичные или более выраженные результаты превышает показатель в 0,05, что не дает основания отвергать нулевую гипотезу. Иными словами, взаимосвязь статуса и религиозной принадлежности не подтверждается статистически.

Подведем итог. Братская семья как один из вариантов крестьянского домохозяйства в Саратовской губернии в конце XIX в. не была широко распространена: к ней относились только 2,2% всех домохозяйств, в которых проживало 3,8% населения. Поскольку эта структура относилась к типу сложных, то она выглядела довольно многочисленной, включая в себя в среднем 10 чел. Большая часть братских семей состояла из двух брачных пар, однако были и более сложные варианты – из 3 или 4 пар (таких насчитывалось немного, если говорить именно о женатых братьях). По сравнению с другими сложными домохозяйствами, братские семьи выглядели гораздо моложе: средний возраст главы составлял всего лишь 40,2 года. При этом возраст женатых братьев домохозяйина – потенциальных претендентов на раздел – в 80% случаев находился в интервале от 23 до 45 лет, что можно интерпретировать как продолжительность существования большинства братских коллективов. Наконец, следует отметить, что такой тип домохозяйства в подавляющей части соответствовал православной части населения (представленной русскими крестьянами и мордвой) и практически не замечен у татар –

Таблица 1

Распределение домохозяйств по параметрам «национальность», «религия», «статус»

Национальность	Статус	Православный	Старообрядец	Мусульманин	Всего
Мордва	Государств.	52	0	0	52
Мордва	Удельный	0	0	0	0
Мордва	Собственник	0	0	0	0
Итого		52	0	0	52
Русский	Государств.	22	10	0	32
Русский	Удельный	7	1	0	8
Русский	Собственник	13	0	0	13
Итого		42	11	0	53
Татарин	Государств.	0	0	3	3
Татарин	Удельный	0	0	0	0
Татарин	Собственник	0	0	0	0
Итого		0	0	3	3
Суммы по столбцу		94	11	3	108

Таблица 2

Результаты распределения χ^2

Показатель	χ^2	ст. св.	p
Пирсона χ^2	4,610913	сс = 2	p = 0,09972

мусульман. В целом же братские домохозяйства, структурно неустойчивые в принципе, в условиях модернизации общества с неизбежностью распались, уступая место более простым семейным коллективам.

Примечания

- См.: Мельников П. Ю. Братская семья как вариант крестьянского домохозяйства Российской империи второй половины XIX в. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1(120). С. 39–46.
- См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356.
- См.: Мельников П. Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX вв. : проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып 2. С. 163–166. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166>
- Household and Family in Past Time : Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / eds. P. Laslett, R. Wall. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1972. P. 31.
- Законы Ману. М. : Наука, 1992. С. IX, 104, 105, 108.
- См.: Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 88.

- Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М. : Наука, 1976. С. 91.
- См.: Аляксейчыкава Н. М. Тыпалогія сем’яў беларускіх гараджан у XVI–XVIII стст. (па матэрыялах актавых кніг Магілёўскага магістрата) // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. 2012. № 4. С. 81.
- См.: Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А., Морозова Э. А. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния, XIX – начало XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. : материалы междунар. конф. (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. С. 90.
- См.: Столяров А. А. К вопросу изучения русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопросы этнографии Среднего Поволжья : сб. статей / науч. ред. Е. П. Бусыгин, Р. Т. Кашафутдинов. Казань : Издательство Казанского университета, 1980. С. 115.
- См.: Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4 (29). С. 91.
- Kolle H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen, 1995. P. 53.
- См.: Юнусова Л. В. Структура мещанской семьи Тюмени во второй половине XIX – начале XX века (на основе посемейных списков) // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2012. № 16 (270). С. 30.
- См.: Зверев В. А., Конева Е. В. Структура деревенской семьи в Западной Сибири в свете классификации

- П. Ласлетта (по первичным материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Пишем времена и случаи : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т, 2008. С. 90.
- ¹⁵ Household and Family in Past Time...P. 85.
- ¹⁶ См.: *Левин С. В.* Становление и развитие земской статистики в Поволжье. Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 353 с.
- ¹⁷ См.: *Мельников П. Ю.* Братская семья как вариант крестьянского домохозяйства Российской империи второй половины XIX в. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1(120). С. 45–46.
- ¹⁸ См.: *Пономарев С.* Семейная община на Урале // Северный вестник. 1887. № 1. С. 1–39.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 440. Л. 71.
- ²⁰ Там же. Д. 439. Л. 1.
- ²¹ См.: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. 1811–1913 гг. Статистические очерки. М. : Госстатиздат, 1956. С. 165.
- ²² См.: *Личков Л. С.* Семейные разделы в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах Саратовской губернии. Саратов : Статистическое отделение Саратовской губернской земской управы, 1885. С. 27–28.

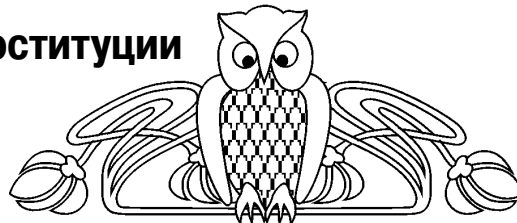
Поступила в редакцию 04.10.2020, после рецензирования 07.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 04.10.2020, revised 07.10.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–96
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–96

Научная статья
УДК [94:176.5](470.44–25)19/19
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков

А. А. Ахметов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ахметов Аскар Айипович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, askar.akhmetov.93@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6092>

Аннотация. В статье исследуется отношение различных слоев населения Саратова к проституции на рубеже XIX – XX вв. При всей неоднородности российского социума в общественном сознании поддерживался сложившийся веками стереотип о проституции как о позорном занятии и социальном зле. В рамках методологической концепции социальной истории и истории повседневности рассматривается отношение различных категорий горожан и местных властей к данной социальной девиации. Статья основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: проституция, отношение общества к девиациям, регламентация, письма во власть

Для цитирования: Ахметов А. А. Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–96. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

Saratov citizens' attitude towards prostitution as a form of deviant behavior at the turn of XIX–XX centuries

Askar A. Akhmetov, askar.akhmetov.93@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6092>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article examines the attitude of various segments of the population of Saratov to prostitution at the turn of the XIX–XX centuries. Despite the heterogeneity of the Russian society, the stereotype of prostitution as a shameful occupation and social evil, which had been established for centuries, was maintained in the public consciousness. Within the framework of the methodological concept of social history and the history of everyday life, the attitude of various categories of citizens and local authorities to this social deviation is considered. The article is based on archival materials that are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: prostitution, society's attitude to deviations, regulation, letters to the authorities

For citation: Akhmetov A. A. Saratov citizens' attitude towards prostitution as a form of deviant behavior at the turn of XIX–XX centuries. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–96 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

На рубеже XIX–XX вв. в России происходили процессы индустриализации и урбанизации, связанные с углублением социальной дифференциации и идейно-нравственным кризисом общества. Массовая миграция крестьян в города, их маргинализация привели к изменению городского пространства и резкому росту проституции. В условиях неоднородного российского социума в нем формировались неоднозначные морально-

нравственные представления населения о проституции, сексуальности и духовной свободе.

В российском обществе в конце XIX – начале XX в. в отношении противодействий проституции выделились два направления. Сторонники правительственного курса регламентации проституции призывали к усилению санитарно-медицинского и полицейского надзора, а также к привлечению органов местного самоуправления для обезврежива-

ния этого явления. Противники государственной регламентации, так называемые аболиционисты, добивались ликвидации причин проституции посредством улучшения социально-экономических условий жизни людей, развития нравственности и воспитания молодежи.

Саратов в конце XIX – начале XX в. предлагал широкий выбор учреждений с различными формами отдыха и развлечений (в основном они были направлены на удовлетворение потребностей мужского населения). Становление потребительского рынка и сферы досуга оказалось неотделимо от роста предложения и в индустрии услуг «девушек для увеселений». Поэтому большая часть мужского населения – солдаты, офицеры, студенты, рабочие и представители интеллигенции – не только одобряли «специфичный» досуг, но и считали его «подтверждением маскулинности»¹.

Более того, некоторые женатые мужчины полагали, что проституция необходима для поддержания здоровья членов социума, поэтому, когда жители ул. Петинной просили перенести «дома терпимости» с их участка на окраины города, они (клиенты) выступили защитниками «жриц любви». Так, 27 апреля 1905 г. житель ул. Петинской дом № 36 М. Павлов в прошении на имя губернатора г. Саратова писал: «Какое такое дадут мне лекарство, если я женатый человек и по воле судьбы шесть месяцев, а то и год по случаю болезни жены моей нахожусь одинокий и много мне подобных найдется не с целью разврата, а для здоровья, я должен идти за город. А если происходят в домах терпимости беспорядки, то строго винить в этом их нельзя, а уж скорее следует винить тех, кто над ними власть имеет»².

Следовательно, посещение «жриц любви» мужской половиной общества воспринималось как привычный элемент социума, причем не только у холостых, хотя посещение «борделей» несовершеннолетними юношами запрещалось не только моральными, но и правовыми нормами³. Вместе с тем не все мужское население относилось к проституции как сексуальному объекту. Некоторые представители саратовского купечества рассматривали ее с точки зрения финансового обогащения. Многие владельцы ресторанов, трактиров, различных «увеселительных заведений» для привлечения клиентов использовали поющих, играющих и танцующих девиц с «соответствующей репутацией». При этом чем «раскрепощеннее девицы», тем выше была популярность у заведения.

Одним из первых в Саратове ввел танцующих и поющих девиц купец Г. И. Барыкин в своем ресторане «Приволжский вокзал» (вокальный салон), который располагался на берегу Волги, на Большой Сергиевской (ныне Чернышевского) улице⁴. Внутреннее устройство заведения представляло собой ряд небольших комнаток, в которых мужчины могли уединиться в компании «веселых» дам. «В те компании приглашались обыкновенные

певицы и цыганки. Бывало, в цыганские хоры летели скомканные ассигнации-не сотенные, нет! – а все же 25-рублевые и красненькие. Цыганки – народ ловкий: они при виде денег громче пели песни, сильнее кривлялись, бесстыднее потрясали плечами и лезли к подвыпившим купцам и адвокатам со своими ласками»⁵, – отмечал известный саратовский журналист И. Горизонтов.

О ярких и завораживающих для мужской публики выступлениях говорилось и в личных мемуарах народного артиста СССР В. Н. Давыдова: «В вокзале Барыкина ... к услугам гуляющих было немало «премильных удовольствий. Пел хор осипших девиц, полуобнаженных и зело перезрелых, танцевали канкан и играл необыкновенный духовой оркестр, весь состоявший из женщин-музыкантов»⁶.

Владельцы «увеселительных заведений», в отличие от «публичных домов», редко «освобождались» от женщин в возрасте, так как публика любила некую «изюминку». Так, в словах песни солистки Марии Ивановны, выступавшей в ресторане Свечина, прослеживается ностальгия по своей «бурной» молодости:

Еще в пятнадцать лет
Себе я цену знала...⁷

Для увеселения публики многие рестораны и гостиницы города нанимали даже людей из неимущих слоев населения. Так, в конце XIX в. по Саратову гастролировала труппа в количестве четырех человек: взрослый мужчина, пожилая женщина, девушка лет 14–15 и юноша. Их часто приглашали, чтобы они пели песни, развлекали людей и просили милостыню. «Девочка ходила по публике за сбором пожертвований и подвергалась со стороны посетителей разным манипуляциям, лобзанью пьяных губ и пахучих ртов и, наконец, я видел этого ребенка пьяным и павшим...»⁸, – писал И. Горизонтов в своих воспоминаниях.

По свидетельству А. Ершова проституткам низкой категории приходилось тяжелее, чем «девицам» высшего класса. Они работали в дешевых кабаках и трактирах, где постоянными гостями были чернорабочие, нищие, воры и люди «прочих мастей». «Они под стать своим клиентам, жалкие, рваные, старые с подбитыми глазами и выдранными волосами, всегда сидели около дешевых питейных заведений»⁹. Внутренняя обстановка, царившая в подобных заведениях, оставляла желать лучшего: «Закопченный потолок, грязные стены, потные окна, повсюду кричащие и целующиеся люди, которые сидят с накрашенными «мамзелями» и пьют пиво, водку с чаем»¹⁰. Как правило, их услуги можно было купить всего за тарелку щей и рюмку водки. Подобные «жрицы любви» назывались «кабатчицами»¹¹.

Отношение интеллигенции к проституции отличалось в большинстве случаев жалостью и состраданием. И. Горизонтов в своих воспоминаниях так описывал горькую судьбу таких женщин: «... Жизнь этих певчих птичек» – одно из самых

нерадостных существований: это какая-то беспрерывная цепь нравственных страданий для тех из них, конечно, у которых еще бьется горячее сердце и сохранились добрые чувства. Почти всякая певица, прежде чем попасть в трактирный хор, проходит суровую стезю в жизни, нередко полной всяческих лишений и неудач; в большинстве случаев будущая певица прежде была героиней какого-нибудь романа, жертвой неустойчивой любви или животного сладострастия и уже потом, испробовав «радости бытия», попадает на подмостки... да иначе и быть не может: чтобы окунуться с головою в трактирную грязь, надо не иметь в жизни никакого выхода!»¹².

В целом в России в конце XIX – начале XX в. к бедным и падшим женщинам относились с состраданием многие благотворительные организации, помогая им деньгами, устраивая их на работу, организовывая различные мастерские и т. д. Для достижения поставленных целей благотворительные общества изыскивали различные источники: государственные субсидии, пожертвования обеспеченных слоев населения, организация самостоятельной предпринимательской деятельности, например, пошивочных мастерских, устройство благотворительных спектаклей, лотерей и пр.

Большие пожертвования шли и от царской семьи. Еще в 1861 г. в Саратове было основано «Дамское попечительство» о бедных, состоявшее под Высочайшим покровительством государыни императрицы и почетного попечителя в лице губернатора¹³. Оно не имело стабильного источника средств к существованию. В основном финансирование осуществлялось путем частных пожертвований от различных групп населения. Например, в 1890 г. общество купцов Саратова сделало взнос на 300 руб., а в 1913 г. – на 500 руб.¹⁴. Материальную помощь учреждению, выражавшуюся в форме единовременного пособия в 2000 руб., оказывало и губернское земство, а также Министерство внутренних дел, которое в 1912 г. внесло 400 руб., а в последующие годы – 299 руб. 75 коп.¹⁵

Кроме того, Саратовское «Дамское попечительство» ежегодно до Первой мировой войны с согласия городских властей организовывало различные благотворительные мероприятия с целью получения пожертвований: любительские спектакли, концерты, балы, народные гуляния, рождественские елки, лотереи-аллегри на бульваре «Липки» в дворянском собрании, в городском театре. Доход на подобных мероприятиях не был стабильным: в 1874–1875 гг. попечительство получило 2 500 руб., 1875–1876 гг. – 1668 руб., 1876–1877 гг. – 4 632 руб., 1877–1878 гг. – 598 руб., 1890 г. – 2053 руб., 1892 г. – 628 руб., 1893 г. – 2022 руб., 1900 г. – 3 779 руб., 1901 г. – 4022 руб., 1912 г. – 3109 руб., 1913 г. – 915 руб.¹⁶.

Все собранные денежные средства «Дамское попечительство» отправляло на поддержание саратовских благотворительных учреждений и

оказание посильной помощи обращающимся бедным. Так, под шефством общества находился приют для девочек-сирот и полусирот «Убежище Святого Хрисанфа», основанное в 1858 г. на средства купеческой семьи Тюльпиных. Благотворительное учреждение располагалось в начале Мирного переулка, на углу Малой Дворянской (Советская ул.) улицы и представляло собой двухэтажный дом¹⁷.

Целью приюта «Убежище Святого Хрисанфа» являлось оказание «посильной помощи бедным всех сословий вещами, а также обучение сирот из неимущих к ремеслу». Денежных средств, выделявшихся на финансирование приюта, вполне хватало. Так, смотритель учреждения М. В. Зотов в 1871 г. отмечал: «Что же касается содержания учениц, то есть пища, одежда, постель и т. д. В этом отношении нужно отдать должную честь господам попечителям и попечительницам. Пища готовится свежая (каждый день закупается), сытная и обильная, о чём свидетельствуют довольные лица детей, точно так же платье на детях и постели для них ведутся в чистоте и порядке»¹⁸.

Приюту «Убежище Святого Хрисанфа» для девочек-сирот и полусирот оказывалась и личная поддержка саратовского купечества. В 1890-х гг. купец В. В. Гудков обложил снаружи дом кирпичом и выстроил новую баню; в 1880 г. купец Ф. И. Курбатов оставил по духовному завещанию 1000 руб. с тем, чтобы проценты с этого капитала употреблялись в пользу «призреваемых в убежище»¹⁹. Н. Н. Львов в 1900 г. пожертвовал 1000 руб. «на покупку билета на вечный вклад на имя убежища с тем, чтоб из процентов с этого вклада ежегодно покупалась швейная машина для выдачи ее в награду лучшей из окончивших курс в убежище ученице»²⁰.

Внутреннее устройство приюта представляло собой комнату для рукоделия, помещения для смотрительницы и мастериц, приемную, две «уборные» комнаты для девочек младшего и старшего возрастов. «Помещения были похуже, темноватее и сероватее»²¹.

Все воспитанницы находились полностью на обеспечении приюта. «У каждой девочки имелась железная кровать, постельное белье, обувь, платье»²². Питание было организовано следующим образом: «По утрам чай с порцией калача, обед из двух блюд (в праздничные дни еще и пирог) и ужин из двух блюд»²³. По словам М. В. Зотова, «все вещи и обстановка были не роскошные, обычные, но зато они воспитывались в не разбалованных и щеголеватых дам сомнительного поведения, а в опрятных и трудолюбивых работницах»²⁴. Занятия проводились в светлых помещениях по 2 ч утром и вечером на втором этаже. Им преподавались закон божий, русское чтение с главными основаниями грамматики, арифметика и письмо в объеме начальных народных школ. Кроме того, с появлением библиотеки в 1879 г. качественно изменился досуг девушек²⁵.

В 1878 г., стараниями руководителя приюта В. И. Кривской была организована рукодельная, в которой воспитанницы учились шитью и кройки платьев и белья, вязанию крючком. Хорошее качество работ шитья привлекало в мастерскую многочисленных заказчиков, что давало возможность девушкам заработать. В 1880 г. выручка от выполненных работ составила 272 руб. 12 коп.²⁶

Система воспитания в приюте была достаточно строгая. Все девушки обязаны были «мыть полы, прибираться в комнатах, стирать белье, прислуживать за столом и помогать на кухне»²⁷. Конечно, не все воспитанницы после 5 лет обучения в приюте становились профессиональными мастерицами. Однако «Убежище Святого Хрисанфа», благодаря своей методике обучения, давало девушкам ориентир во взрослой жизни и профессии швеи, на доход от которой можно было прожить. К тому же оно выполняло превентивную функцию в борьбе с распространением проституции.

Основная часть населения Саратова крайне пренебрежительно и негативно относилась к соседству с проституцией. Как это ни парадоксально, жители в этом вопросе не проявляли единства в борьбе против домов терпимости на их улицах. Между горожанами (обывателями) и владельцами квартир (домов), сдававшим их в аренду под публичные дома, велась активная «борьба»²⁸.

Легальные и тайные публичные дома, проститутки, основными клиентами которых были солдаты, крестьяне, рабочие и студенты, действительно доставляли неудобства горожанам. Чтобы завлечь посетителей, публичные женщины систематически в состоянии алкогольного опьянения «сидели на крыльцах заведений» в непристойном виде, оскорбляли прохожих, соседей, зывали мужчин нецензурными выражениями, всеми способами старались «заманить их к себе»²⁹. Визитеры, как правило, посещали подобные места в охмелевшем состоянии, нередко по пути следования к ним завлекали публику различными «бранными словами» и даже «тычками, пинками»³⁰. Нередко они путали дома простых жителей и соответствующие учреждения. В одной из жалоб жителя Саратова отмечалось, что «ночью как мы только заснули, около часа ночи, мы были разбужены пронзительным звонком продолжающегося без перерыва около 10 минут. Как оказалось, искали злчные места. Прошу перенести уличное освещение от моего дома, так как этот фонарь главным образом и вводит в заблуждение ночных посетителей»³¹.

В прошениях о переводе домов терпимости со своих улиц горожане приводили веские аргументы. В 1902 г. жители ул. Угодниковской в прошении на имя губернатора писали: «Пребывание на нашей улице этих, можно сказать пакостных учреждений, мы лишены возможности видеть у себя в домах приходское духовенство в великие христианские праздники, так как последние

считают для себя прискорбным заезжать на эту позорную улицу. Кроме того, мы постоянно живем в атмосфере хаоса, под окнами постоянные кровопролитные мордобитье, результатом чего приходится видеть у себя или разбитое стекло, или сломанную парадную дверь или же оторванные петли у калитки»³². Необходимо заметить, что жители ул. Угодниковской в конце 1902 г. смогли добиться переселения заведений с «сомнительной репутацией» на Петинскую, Камышинскую и Ильинскую улицы.

В 1903 г. угроза открытия новых домов терпимости нависла над жителями Петинской, Камышинской и Ильинской улиц. Жители ул. Петинской 25 февраля 1904 г. написали прошение на имя П. А. Столыпина: «Ходатайствуем о переводе имеющихся домов терпимости в другую местность города и донести, что некоторые дома терпимости, ранее были также и на Угодниковской улице, но так как эта последняя слишком мала для размещения упомянутых заведений и ввиду ходяйств жителей, власть перевела эти заведения на Петинскую улицу, и, как жители улицы не желаем у себя иметь подобного рода заведения, то просим отвести публичным домам места, где они могли быть разрешены»³³.

Многие публичные дома размещались около винных лавок и, несмотря на запреты Врачебно-полицейского комитета г. Саратова, некоторым борделям алкоголь доставлялся по адресу: «Ежедневно в 12 часов дня доставляется алкоголь в обильном количестве местными заводчиками»³⁴. Поэтому возле домов терпимости в любое время суток постоянно находились лица в нетрезвом виде. Солдаты местных частей целыми группами систематически приставали к прохожим женщинам с недвусмысленными предложениями. Люди жаловались, что боятся «из дома выйти, в особенности в вечернее время суток, можно получить не только от пьяных солдат насмешки и колкости, но и оскорбления»³⁵.

В заведениях постоянно происходили драки, ругани, доносились «скабрзные песни», скандалы в любое время суток³⁶. Часто жены солдат (солдатки) приходили в заведения разбираться со своими мужьями и девицами. Так, в 1906 г. жители ул. Петинской в очередном прошении отмечали: «В прошлом месяце жены солдат устроили шум и побоище в доме терпимости, – не будь этого соседства, ничего подобного не было бы»³⁷.

Дети горожан часто становились свидетелями буйных сцен на улице и подвергались оскорблениям со стороны не только только девиц-проституток, но и их клиентов. Поэтому родители боялись лишней раз выпускать их на улицу одних. Опасения жильцов были оправданы. Женщины обслуживали не только клиентов в алкогольном состоянии, но и несовершеннолетних, несмотря на законодательный запрет: «Замечено, что случаются посещения заведений 10-летним мальчиком»³⁸, – отмечали жители ул. Петинской в 1906 г.

Ситуация еще больше усугублялась тем, что через ул. Петинскую по Ильинской, т. е. рядом с домами терпимости пролегал самый «бойкий» по движению железно-конный путь (Ильинская конка). Именно через это место проходил короткий маршрут на многие дачи и почти единственная дорога до института благородных девиц. Кроме того, по соседству с домами терпимости находились две церкви Святого князя Владимира, церковь во имя святителя Митрофана Воронежского и три училища: Саратовское духовное училище (на Камышинской ул.), 15-е городское начальное мужское и 5-е начальное женское училище (на ул. Петинской)³⁹. Многие школы требовали, чтобы родители с детьми переехали из злополучных мест в более благополучные районы города, что для большинства горожан было равносильно отказу в приеме в школу⁴⁰. Действительно, как отмечал известный саратовский краевед Г. А. Мишин, «детей с этих улиц не принимали в училища и гимназии, считая, что они уже изначально нравственно испорчены. Некоторые родители меняли место жительства, чтобы иметь возможность дать своим детям образование»⁴¹.

Другая проблема жителей была связана со сдачей жилых помещений в аренду. Жилье, находившееся по соседству с публичными домами, теряло в цене. В 1905 г. жители ул. Петинской в прошении на имя губернатора писали: «Стоимость наших квартир упала, а налоги повысились»⁴². Им приходилось снижать цену на аренду своих квартир, но даже при низкой стоимости помещения часто пустовали, поскольку немногие были готовы проживать по соседству с публичными домами. Если удавалось найти квартиросъемщиков, то нередко это были не совсем приличные люди, которые доставляли проблемы наравне с клиентами «девушек для радости». «Нам в силу необходимости приходится держать нежелательных квартирантов, при которых невозможен приличный вид помещений, как внутри зданий, так и с улицы»⁴³, — отмечалось в 1905 г. в петиции губернатору П. А. Столыпину.

В свою очередь горожане, сдававшие свое жилье под публичные дома, также писали прошения на имя городских властей о сохранении последних на указанных улицах, для чего использовали местные газеты, в частности «Саратовский Листок»⁴⁴. По мнению арендодателей, никаких незаконных сцен в домах терпимости, а уж тем более на улицах, не происходило, жалобы соседей неоправданные, в доказательство они приводили «честное слово» солдат бывшей 1-й и 5-й частей⁴⁵. Арендодатели также отрицали обвинения в том, что «проститутки — пьяницы и воровки: «Они тоже мирные жители, ни пьянства, ни воровство, ни убийства и ни грабежа не производится»⁴⁶. В качестве аргумента в свою пользу они сравнивали положение с домами терпимости в Саратове и центральных губерниях. Так, в 1905 г. в прошении на имя губернатора

отмечалось: «...Дома терпимости существуют в столичных городах Петербурге и Москве и во всех губернских городах, даже и уездных, и соседи оных не ходатайствуют о выселении их из одного места в другое»⁴⁷.

Главным вопросом, больше всего беспокоившим владельцев недвижимости, была аренда. Цена сдаваемого в наем помещения могла достигать до 100 руб. в месяц⁴⁸, что являлось большим заработком. Логично, что арендодатели не желали терять выгодных квартиросъемщиков. К тому же эти помещения были специально приспособлены под публичные дома, поэтому не всегда подходили для частных лиц — требовалось перестраивать и ремонтировать их, что было чревато большими финансовыми потерями⁴⁹.

Городская власть в лице полиции и полицмейстера к жалобам жителей оставалась безучастной. Нейтральную позицию по отношению к проблеме в 1902 г. полицмейстер объяснял тем, что «переселения домов терпимости на окраины города, ослабит полицейский контроль из-за их отдаленности и соответственно увеличатся количества беспорядков, напрямую связанных с проституцией»⁵⁰. При этом полиция, призванная бороться с распространением сифилиса, часто злоупотребляла своей властью. В периодической печати появлялись заметки о полицейских, осужденных за взяточничество, насильственные действия, поборы с содержателей публичных домов и проститутток. Так, например, в 1913 г. саратовский становой пристав насильственно «подверг освидетельствованию как проститутку дочь купца, которая отказалась с ним сожительствовать». В связи с тем, что девушка была не из бедной семьи, этот случай получил большую огласку и даже был освещен в Санкт-Петербургском журнале «Женский вестник»⁵¹.

Недовольство жителей Саратова становилось настолько сильным, насколько проституция вторгалась в их личное пространство. Многочисленные прошения горожан о переводе домов терпимости затрагивали в основном простых людей «низшего пошиба», а с проституцией, которая получила распространение в ресторанах, гостиницах для высшей публики, приходилось мириться.

Таким образом, проституция в конце XIX — начале XX вв. в Саратове стала привычным элементом социально-экономической жизни. Городская общественность в условиях развития потребительского рынка и урбанизации относилась к «девушкам для радости» неоднозначно. В зависимости от адаптации к новым условиям одна часть общества спокойно сосуществовала с данной формой социальной девиантности (а некоторым такое положение дел было даже финансово выгодно). Другую часть горожан возмущала не только сама аморальность проституции, но и отношение властей к этому явлению.

Примечания

- ¹ Малышева С. Ю. Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани. Казань : Казанский федеральный университет. 2014. С. 19.
- ² Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4 (Саратовская городская управа). Оп. 1 Д. 1910. Л. 33.
- ³ См.: ГАСО. Ф. 60 (Саратовский полицмейстер). Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
- ⁴ См.: Горизонтов. И. П. Из писем приятелю // Волга, 1990. № 5. С. 81.
- ⁵ Там же. С. 82.
- ⁶ Давыдов В. Н. Рассказ о прошлом. М. ; Л. : Искусство, 1962. С. 123.
- ⁷ Горизонтов. И. П. Указ. соч. С. 82.
- ⁸ Там же. С. 81.
- ⁹ Ершов А. Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 17.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ См.: Ильюхов А. А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М. : Новый хронограф, 2008. С. 193.
- ¹² Горизонтов. И. П. Указ. соч. С. 83.
- ¹³ См.: Отчет комитета, состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Саратовского дамского попечительства о бедных за 1875/76 год (далее – Отчет комитета... за ... год). Саратов, 1876. С. 10.
- ¹⁴ См.: Отчет комитета... за 1913 год. Саратов, 1913. С. 14.
- ¹⁵ См.: Отчет комитета... за 1912 год. Саратов, 1912. С. 12.
- ¹⁶ См.: Отчет комитета... за 1875–1916 года. Саратов, 1916. С. 43.
- ¹⁷ См.: ГАСО. Ф. 407. (Саратовская губернская ученая архивная комиссия) Оп. 2. Д. 787. Л. 38.
- ¹⁸ Там же. Л. 39.
- ¹⁹ Отчет комитета... за 1880 год. Саратов, 1880. С. 34.
- ²⁰ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 787. Л. 38.
- ²¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 787. Л. 41.
- ²² Там же. Л. 39.
- ²³ Там же. Л. 39.
- ²⁴ Там же. Л. 40.
- ²⁵ Там же. Л. 42.
- ²⁶ Там же. Л. 43.
- ²⁷ Там же. Л. 42.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 1–46.
- ²⁹ Там же. Л. 2.
- ³⁰ Там же. Л. 3.
- ³¹ Там же. Л. 13.
- ³² Там же. Л. 3.
- ³³ Там же. Л. 23.
- ³⁴ Там же. Л. 2.
- ³⁵ Там же. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Л. 25.
- ³⁷ Саратовский дневник. 1905. № 65.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 33.
- ³⁹ См.: Саратовский Дневник. 1905. № 74.
- ⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 25.
- ⁴¹ Мишин Г. Из прошлого Саратовской губернии. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2002. С. 162.
- ⁴² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 26.
- ⁴³ Там же. Л. 28.
- ⁴⁴ Саратовский Листок. 1902. № 206.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 37.
- ⁴⁷ Там же. Л. 38.
- ⁴⁸ Там же. Л. 30.
- ⁴⁹ Там же. Л. 11.
- ⁵⁰ Там же. Л. 27.
- ⁵¹ См.: Женский вестник. 1913. № 9. С. 24.

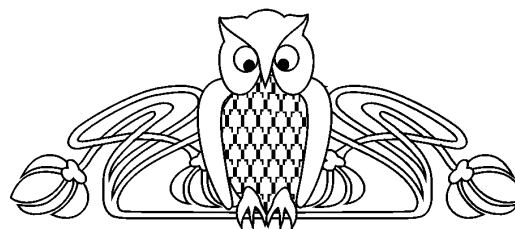
Поступила в редакцию 09.10.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 09.10.2020, revised 20.10.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 97–104
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 97–104

Научная статья
УДК 002.2
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-97-104>

Книжный репертуар типографий Саратовской губернии в 1918–1921 годах

А. С. Касович

Самарский государственный институт культуры, Россия, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167

Касович Андрей Стальевич, аспирант кафедры библиотечно-информационных ресурсов, nttgkasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8099-0176>

Аннотация. Проходившие на фоне событий Гражданской войны процессы национализации и концентрации, централизации полиграфического производства в Саратовской губернии привели к сокращению числа заведений печати. В 1918–1921 гг. в губернии произошла смена книгоиздательской парадигмы, организационно оформилась группа наиболее производительных и технически оснащенных типографий под эгидой Саратовского совета. В статье прослеживается динамика трансформации книжного репертуара типографий региона в условиях меняющейся социально-экономической и политической реальности.

Ключевые слова: история книгоиздания, региональное книгоиздание, Саратов, книжный репертуар, периодическая печать

Для цитирования: Касович А. С. Книжный репертуар типографий Саратовской губернии в 1918–1921 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 97–104. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-97-104>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-97-104>

Book repertoire of printing houses of the Saratov province in 1918–1921

Andrey S. Kasovich, nttgkasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8099-0176>

Samara State Institute of Culture, 167 Frunze St., Samara 443010, Russia,

Abstract. The processes of nationalization, concentration and centralization of printing production in the Saratov province, which took place against the background of the events of the civil war, led to a reduction in the number of printing establishments. In 1918–1921, the province changed the publishing paradigm, and a group of the most productive and technically equipped printing houses was formed under the auspices of the Saratov Council. The article traces the dynamics of transformation of the book repertoire of printing houses in the region in the context of changing socio-economic and political reality.

Keywords: history of book publishing, regional book publishing, Saratov, book repertoire, periodicals

For citation: Kasovich A. S. Book repertoire of printing houses of the Saratov province in 1918–1921. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 97–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-97-104>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Начальные шаги книгоиздания в Саратовской губернии в 1918–1921 гг. до настоящего времени рассматривались в отрыве от изучения деятельности первых советских издательств, а также кардинальных изменений в работе типографий региона. Поэтому исследование регионального книжного репертуара первых советских лет должно быть тесно связано с анализом реальности, определившей подчиненную роль большинства типографий губернии в книгоиздательской инициативе.

О том, что на первый план в региональном книгоиздании выходят политические императивы, еще в 1918 г. указывали в сборнике «Годовщина социальной революции» первые руководители полиграфической отрасли Н. Ефремов и Э. Барен¹. В их обзоре содержится информация о ходе национализации типографий Саратова в 1918 г., но нет упоминания об издательствах, издающих организациях и вышедших книгах. В статье саратовского библиографа Ф. В. Гермашевой (1980 г.)², наоборот, дана подробная информация о книгах и

брошюрах, изданных в губернии в 1918–1921 гг., однако за редким исключением не приводятся сведения о типографиях, где они были напечатаны. В каталогах книг, вышедших в 1918–1921 гг., иногда отсутствуют данные об издателе и намного чаще – о типографии. Поэтому важным становится изучение каждого экземпляра, хранящегося в библиотеках и архивах, а также анализ данных о книжных лотах современных аукционов.

В 1918 г. еще продолжали работу частные типографии, печатавшие литературу для различных категорий заказчиков. К примеру, Спасо-Преображенское братство в типографии Союза печатного дела выпустило брошюру епископа Дамиана по истории Саратовского Спасо-Преображенского мужского монастыря³. В типографии П. Сибрина увидело свет переводное издание с языка эсперанто «Из биографии Д-ра Людовика Заменгофа»⁴. В типографии Общества книгопечатников вышла работа растениевода и ботаника Б. М. Арнольда «Селекция проса»⁵, а также брошюра почвоведом В. П. Бушинского «Биохимическая роль алюминия и кремния в почвах»⁶. «Устав общества потребителей г. Аткарска и его уезда»⁷ по заказу самого общества издан в Аткарске в типографии В. И. Миловидова.

Новые власти также использовали услуги частных. Саратовской типографии Л. Н. Авербаха поручили печатать работу В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти»⁸. По заданию губернского отдела народного образования типо-литография А. Винклера напечатала учебное пособие в двух частях «Примерные планы занятий по разным предметам единой трудовой школы»⁹, а типография «Сотрудник школы» выпустила «Обзор начального образования в Саратовской губернии за 1916–1917 учебный год»¹⁰. Здесь же был отпечатан труд историка и литературоведа Л. А. Словохотова «Прав ли Раскольников Ф. М. Достоевского?»¹¹.

Для скорейшего развертывания выпуска агитационной литературы Саратовский совет форсировал национализацию полиграфического производства. «После октябрьского переворота в руках новой рабоче-крестьянской власти сами по себе оказались типографии: б. Губ. Правления, б. Военного комитета, б. Губ. Земства и немного позже были национализированы губисполкомом типографии б. «Саратовского Вестника» и «Саратовского Листка», – отмечал начальник губполиграфотдела Э. Барен в журнале «Экономическая жизнь Поволжья» (1919)¹². Весной 1918 г. в самой крупной из национализированных, бывшей типографии Губернского правления, книгоиздательство «Борьба», в основном занимавшееся перепечаткой общественно-политической литературы, выпустило брошюру В. И. Ленина «Грозная катастрофа и как с ней бороться»¹³. Авторитет типографии подчеркивал тот факт, что кроме многочисленных брошюр «Борьбы», в 1918 г. по заданию губисполкома здесь была издана книга

«Годовщина социальной революции в Саратове», где итоги экономической, политической и культурной жизни региона при новом строе подвели более двух десятков авторов. Стоит отметить, что своиopusы в этой типографии (в 1918 г. ставшей отделением № 4 типографий Саратовского Совета) печатали не только большевики, но и представители партии левых эсеров через книгоиздательство «Революционный социализм»¹⁴.

В Саратовской губернии работники типографий находились под сильным влиянием меньшевиков. Они нередко конфликтовали с властями: отказывались печатать документы советов¹⁵, не желали работать в пасхальные дни¹⁶. Характерный пример: в январе 1918 г., чтобы добиться принятия нового тарифа с повышенными ставками, представители профсоюза печатников признали, наконец, власть Совета. Однако после утверждения тарифа, спустя три месяца, снова заявили «Долой эту власть!»¹⁷. Противостояние советов и основной массы профсоюза печатников тянулось не один год, но на дальнейший ход национализации в условиях нарастания бумажного кризиса и роста безработицы оно не особенно повлияло. «Мы решили забирать типографии по мере надобности и сил»¹⁸, – признавались комиссары от печати Н. Ефремов и Э. Барен.

Надо сказать, что национализация типографий проводилась с саратовской спецификой: не по декрету Совета Народного Хозяйства, как во всей стране, а по постановлениям губисполкома Саратовского Совета. Настоящая трагедия произошла 26 марта 1918 г. при опечатывании типографии Б. Л. Рабиновича в Саратове. Сыном хозяина был застрелен комиссар печати Алексеев¹⁹. Заведение печати в итоге закрыли и конфисковали. После майского 1918 г. вооруженного выступления в Саратове была сначала оштрафована на 5 тыс. руб., а затем и конфискована типография Общества книгопечатников. Роковым оказался для нее выпуск «преступной листовки правых социалистов-революционеров во время мятежа»²⁰. Участь быть национализированной согласно постановлению губисполкома выпала и типографии Авербаха²¹, ставшей отделением № 2 типографий Саратовского Совета. Она считалась самой большой в Саратове – до 300 чел. рабочих и служащих – и в ней в основном исполнялись заказы РУЖД. Начавшаяся Гражданская война потребовала резкого усиления пропагандистской работы, и бывшая типография Авербаха получила поручение от агитационно-вербовочного отдела губернского военного комиссариата выпустить специальную брошюру для красноармейцев – «Постоим за себя!»²².

Всего же к августу 1918 г. 7 крупнейших заведений печати Саратова стали отделениями сообщества типографий Саратовского Совета. «Известия Саратовского Совета» опубликовали объявление комиссариата типо-литографий Саратовского Совета об открытии с 5 августа 1918 г.

главной конторы по управлению всеми национализированными типографиями²³. Это решение дало новые возможности, прежде всего, для книгоиздательства «Борьба», которое разместило новые заказы в самых лучших типографиях города. Бывшая печатня П. С. Феокритова (отделение Совграфии № 6) напечатала два доклада В. И. Ленина. Один из этих докладов касался международного положения советской республики²⁴, второй представлял собой выступление на Четвертом Чрезвычайном Всероссийском Съезде Советов²⁵.

Бывшая типография П. Сибрина (отделение Совграфии № 5) выпустила написанную в фельетонной форме брошюру земляка-саратовца М. И. Васильева-Южина «Лишние рты и коммунистический строй»²⁶. Один из организаторов советской власти в Саратове под «лишними ртами» разумел паразитирующую на труде рабочего класса буржуазную элиту. Предполагалось, что в бывшей типографии П. Сибрина, располагавшей качественным оборудованием и опытными кадрами, «будут производиться работы исключительно для отдела искусств»²⁷, а также будет печататься иллюстрированный журнал «Горнило». Однако его издатель – газета «Известия Саратовского Совета» – сделала выбор в пользу бывшей типографии А. К. Подземского (отделения Совграфии № 3). Опыт оказался удачным, и в 1919 г. Саратовская организация Пролеткульта заказала там печать дебютного выпуска литературного сборника «Взмахи»²⁸.

В начале 1919 г. процессы национализации и концентрации полиграфического производства шли параллельно. В частности, 9–м и 10–м отделениями Совграфии стали бывшая типография Г. Х. Шельгорна и бывшая фабрика конторских книг и ученических тетрадей Б. И. Соломонова в Саратове. Все типографии губернии передавались в ведение губсовнархоза, и для управления ими был создан специальный орган – губполиграфотдел. Новый саратовский журнал губисполкома «Экономическая жизнь Поволжья» зафиксировал подробности преобразования печатного дела в регионе к маю 1919 г.: «Крупные предприятия принимались и описывались на ходу, мелкие закрывались и постепенно перевозились, с переходом рабочих, в крупные предприятия ... Все полиграфическое производство г. Саратова, состоявшее из 44 предприятий с 1250 рабочими, ныне сконцентрировано в 13 отделениях с 1459 рабочими»²⁹. Кроме саратовских, полиграфотдел получил в свое распоряжение 17 национализированных предприятий в 9 уездах³⁰. Несмотря на то, что бумагой Главбум ВСНХ решил снабжать не предприятия полиграфии, а их заказчиков, что уменьшило портфель заказов, советские типографии губернии оказались способными сработать без убытка³¹. Дальнейшие усилия губполиграфотдела, как отметили «Известия» в номере от 18 сентября 1919 г., позволили улучшить санитарные условия производства. Впервые с 1914 г.

был осуществлен ремонт печатных машин, для чего образовали специальную мастерскую. Были заказаны новые шрифты, приобретена ротационная машина, типографии с жидкого топлива стали переводить на электричество³².

Концентрация производства и централизация ремонтной базы первое время действительно давали ощутимые результаты. Своими заказами поддержало советские типографии губернии и активно начавшее работу губернское агентство «Центропечать». Причем тематика издательской деятельности агентства была довольно широкой: от перепечатки брошюр лидеров РКП (б) и публикации официальных материалов до выпуска поэтических сборников³³ и сборника статей «Экономическая жизнь Поволжья»³⁴. Губернское агентство «Центропечать» выступило издателем сборника драматургии Б. Найхина³⁵ и пьесы Я. В. Лаврентьева «Страна отцов»³⁶. Там же в 1919 г. вышла и актуальная для аграрного региона брошюра сотрудника Саратовской сельскохозяйственной опытной станции Д. Г. Виленского «Сено, его приготовление, состав и способы определения кормового достоинства»³⁷.

Получало знаковые заказы от губернского агентства «Центропечать» и 2-е отделение губполиграфотдела. К примеру, здесь выпустили в свет брошюру председателя исполкома Саратовского Совета В. А. Радус-Зеньковича «Два года власти рабочих и крестьян»³⁸. Авторитет типографии подтверждался и тем, что с 1919 г. там печатались главная газета губернии – «Известия Саратовского Совета», а также журналы «Приволжский красный путь» (издание наркомата путей сообщения РУЖД) и «Кооперативная мысль». На рубеже 1918–1919 гг. типография выполнила ответственный заказ от указанного журнала, издававшегося Союзом потребительных обществ Саратовского края – напечатала стостраничный Союзный календарь на 1919 г.³⁹ Несмотря на острый бумажный голод, календарь решено было украсить цветной обложкой, сработанной в литографии Г. Х. Шельгорна в Саратове. Кооператоры выступили также издателями учебника И. Н. Кокшайского и В. Г. Кутасова «Метрическая система мер»⁴⁰. Сама типография была значительно расширена за счет присоединения смежного 3–этажного здания и усилена установкой 3 ротационных машин⁴¹.

В 1919 г. ответственные заказы получило отделение № 5 губполиграфотдела. Издательство «Борьба» напечатало там книгу В. Скоровстанского «Революция на Украине»⁴², Саратовский центральный педагогический музей наглядных пособий – брошюру ученого-краеведа, преподавателя университета А. А. Гераклитова «Саратов. Краткий исторический очерк»⁴³, а губернское агентство «Центропечать» – книгу известного российского педагога и психолога, разработчика учебных программ П. П. Блонского «Трудовая школа»⁴⁴. Именно отделению № 5 издательская комиссия губернского отдела народного образова-

ния доверила выпуск одного из первых учебников для советской высшей школы – «Краткий конспект по медицинской микробиологии», составленного по лекциям первого директора противочумного института «Микроб» профессора Саратовского университета А. И. Бердникова⁴⁵.

В 1919 г. бывшая типография губернского земства (7-е отделение губполиграфотдела) была переведена в с. Базарный Карабулак Саратовского уезда⁴⁶. Это заведение печати по заданию Саратовского уездного отдела народного образования издало брошюру-инструкцию историка Б. В. Зайковского «Изучение местного края»⁴⁷. Отдельным оттиском из «Известий Саратовской С.-х. Опытной Станции» в 7-м отделении губполиграфотдела вышла брошюра известного губернского селекционера Е. М. Плачек под красноречивым названием «К вопросу о способности подсолнечника противостоять поражению заразихой»⁴⁸.

Даже во время натиска войск Деникина, подступавших с боями к Саратову, издание книг и брошюр в типографиях губернии не прекращалось. Однако в 1920 г. из-за нехватки бумаги в стране произошло сокращение выпуска официальной и всей прочей литературы. Стоит отметить, что и сами издающие организации проявляли излишнюю расточительность. К примеру, отдел печати Саратовского губкома РКСМ неоднократно выпускал брошюры тиражом по 10 000 экз., что значительно превышало реальные потребности в них⁴⁹. Сокращение заказов, неумелое администрирование поставили полиграфическую отрасль губернии в сложное положение. «Известия» от 4 марта 1920 г. сообщали, что в типографии № 4 из 15 машин работают только 3, и ежедневно «по бюллетеням, командировкам и прогулам отсутствует свыше половины рабочих»⁵⁰. В отделении губполиграфотдела № 2 производительность труда по сравнению «с довоенным временем упала на 40–50 процентов»⁵¹. Даже работа лучшей советской типографии № 10 тормозилась из-за прогулов и нехватки кадров⁵². Кризис отрасли усугублялся низкой тарифной ставкой печатников и невозможностью для них какой-либо подработки. Чтобы как-то прокормиться, квалифицированные печатники покидали типографии. Отмечая их «массовое бегство» в деревню, «Известия» в номере от 13 сентября 1920 г. писали, что с начала 1919 г. количество рабочих-печатников сократилось на 655 чел., или на 44%. В Саратове губполиграфотдел оставил всего 5 типографий, сосредоточив в них все кадры и оборудование⁵³.

В большинстве типографий в 1920 г. печаталась лишь актуальная общественно-политическая и официальная литература. В частности, Саратовский губернский продовольственный комитет в отделении № 4 издал брошюру «Губернское Рабочее бюро...» о рабочих продотрядах, правилах проведения разверстки и т. д.⁵⁴, а Саратовский губернский отдел социального обеспечения в от-

делении № 2 – «Сводку правил по выдаче пособий и пенсий»⁵⁵.

В то же время с окончанием активных боевых действий на территории губернии в 1920 г. несколько активизировалась книгоиздательская работа в типографиях местных полиграфотделов, подчиненных уездным совнархозам. В г. Петровске напечатали «Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун»⁵⁶, в г. Вольске – «Нормальный устав с. х. производительной артели»⁵⁷, а также пособие для учителей профессора Саратовского университета В. В. Челинцева – «Экскурсии в окрестности г. Вольска»⁵⁸. В последнем случае в роли издающей организации выступил Вольский научно-образовательный музей. В Балашове уездное агентство «Центропечатъ» выпустило две книги стихов уже известных в губернии поэтов: «Проломы» А. Винокурова⁵⁹ и «Зорьные зовы» А. Пришельца⁶⁰. А в г. Камышине уездное отделение народного образования заказало в типографии местного совнархоза «Учебный план и примерные программы...»⁶¹.

Следует заметить, что многие издательские начинания зарождались под крылом Наркомпроса. Именно при нем еще в 1919 г. было образовано Государственное издательство, призванное упорядочить и централизовать печатное дело в стране. В Саратовской губернии отделение Госиздата возникло в июле 1920 г.⁶² и в короткий срок эта структура с полномочиями отдела губисполкома сумела аккумулировать бумагу и вывести издательский процесс из глубокого кризиса, выпуская многотиражную литературу. Так, во 2-м отделении тиражом 8 000 экз. были отпечатаны материалы о переговорах в Англии советского полпреда Л. Б. Красина по нормализации отношений⁶³. Тиражом 3 000 экз. вышли в свет агитационные материалы к третьей годовщине Октябрьской революции⁶⁴. А в 10-м отделении был размещен заказ подотдела социального обеспечения учащихся вузов Саратова по выпуску учебника Н. А. Батуева «Руководство по нормальной анатомии»⁶⁵. Этот подотдел и в 1921 г. выступал в роли издающей организации для целой серии учебных пособий, главным образом, медицинской тематики: «Краткий терапевтический справочник» профессора П. С. Григорьева⁶⁶, «Краткий курс патологической физиологии» профессора А. А. Богомольца⁶⁷, «Пособие при практических занятиях по акушерству» О. С. Парсамова⁶⁸.

Но, прежде всего, в 1921 г. Саратовское отделение Госиздательства значительно увеличило объем агитационной, пропагандистской литературы. Так, тиражом 15 000 экз. в 10-м отделении полиграфотдела переиздали брошюру «Повесть работницы и крестьянки» – о том, что побудило вступить в ряды РКП (б) двух женщин из простого народа⁶⁹. А во 2-м отделении тиражом 10 000 экз. выпустили работу В. И. Ленина «О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия»⁷⁰. Стоит заметить, что учебное пособие

выдающегося филолога, профессора Саратовского университета Н. К. Пиксанова «Пушкинская студия» в этой же типографии было напечатано тиражом в 10 раз меньшим⁷¹. Однако стремление разнообразить книжный репертуар в деятельности регионального Госиздата все же прослеживается. В частности, в 9-м отделении губполиграфотдела, также отличавшемся высокой культурой полиграфии, выходят в свет нотное издание «Сборник революционных хоровых песен»⁷², подготовленный музыкальным подотделом губернского отдела народного образования, и книга стихов Петра Орешина «Мы: песни борьбы и труда»⁷³. При самом активном участии гидротехнического факультета Саратовского университета с иллюстрациями и таблицами печатается учебник по буровому делу горного инженера А. И. Бузика⁷⁴. Отдельными отчислениями в типографии публиковались труды ученых Саратовского университета, сотрудников Саратовской областной сельскохозяйственной опытной станции и Волжской биологической станции.

Среди материалов, посвященных мерам по борьбе с голодом в Поволжье, серьезно подорвавшим экономику губернии в начале 1920-х гг., отметим брошюру, напечатанную 4-м отделением губполиграфотдела по заказу Саратовского губпосевкома «Положение об учете элементов семенного хозяйства» (15 000 экз.)⁷⁵. Наряду с губисполкомом, Наркоматом здравоохранения в числе заказчиков в этом отделении значился также Саратовский городской театр, поручивший напечатать либретто к пьесе А. В. Луначарского «Народ»⁷⁶. По заказу самого Госиздата здесь была издана комедия «Петровы потехи» талантливого драматурга и актера С. И. Антимонина, несколько лет выступавшего на саратовской сцене (3000 экз.)⁷⁷, а по заказу саратовского Пролеткульта в указанной типографии вышел сборник литературной студии «Октябрь»⁷⁸.

И все же, несмотря на позитивные изменения в деятельности типографий губернии, и в 1921 г. по-прежнему остро ощущалась нехватка квалифицированных работников. В этой ситуации кадровые резервы руководители отрасли сумели изыскать среди молодежи. Еще в 1919 г. губполиграфотдел анонсировал открытие профессионально-технических курсов для молодых печатников⁷⁹. Среди дебютных книг профессионально-технической школы губполиграфотдела в 1920 г. – знаковое издание Второй литературно-художественной студии саратовского Пролеткульта «Взмахи»⁸⁰. Молодые печатники получали необходимую практику в Отделении губполиграфотдела № 11, бывшей типографии А. Ф. Винклера⁸¹. Первые опыты книгоиздания оказались успешными. Орган губкома РКСМ газета «Красная молодежь» в номере от 21 июля 1921 г. опубликовала заметку «Школа заводского ученичества при полиграфическом производстве». В ней сообщалось о том, что подростки при поступлении в типографии

рассматривались теперь не как рабочая сила, а как ученики, приобретающие специальность. При 2-м, 9-м и 10-м отделениях губполиграфотдела начали действовать двухгодичные школы первой ступени. И после прохождения 6-месячной школы второй ступени молодые типографы уже квалифицировались как специалисты⁸².

Следует отметить, что в 1921 г. появились новые механизмы материального стимулирования. В условиях голода и натиска эпидемий в 1921 г. печатников держали на плаву «бронированный паек» и введенная губпрофсоветом сдельная оплата труда⁸³. Стали приносить свои плоды отдельные элементы вводимой новой экономической политики. В августе 1921 г. полиграфисты организовали в Саратове кооператив под названием «Печатник», который сразу взял на себя выполнение акцидентных, переплетных и прочих работ. Книгоиздательские заказы частично выполнялись на базе профессионально-технической школы губполиграфотдела или в других типографиях после окончания рабочего дня. «Печатник» успешно справился также с выпуском трех номеров нового журнала «Саррабис», с изданием отрывного стенного календаря на 1922 г. тиражом 50 000 экз.⁸⁴ и с печатанием сборника стихов уроженца Саратовской губернии М. Зенкевича «Пашня танков»⁸⁵. Издателем книги М. Зенкевича, равно как и стихотворного сборника другого саратовского поэта А. Мухаревой⁸⁶, в типографии профессионально-технической школы выступил губернский отдел Союза работников искусств (Саррабис). Деятельность предприятия «Печатник» стала своего рода предтечей новых экономических отношений, основанных на хозрасчете и кооперации. Но они в значительной мере станут возможны только после реорганизации Госиздата, проведенной в самом конце 1921 г. Декрет СНК РСФСР № 685 «О частных издательствах»⁸⁷ дал добро на создание и аренду типографий частными и вновь образованными кооперативными издательствами, на самостоятельный выбор книжного репертуара, разумеется, под контролем все того же Госиздата, сохранившего регулятивную, разрешительную функции.

Представляется, что изучение Всероссийской книжной летописи, каталогов и книжных коллекций центральных и региональных библиотек, материалов саратовской периодической печати 1918–1921 гг., а также анализ данных книжных лотов на аукционах позволили полнее представить значение тех или иных издательств и типографий губернии в книгоиздательском процессе в первые советские годы. Именно в это время издательства становятся главным звеном в тандеме «издатель – печатник».

Книжный репертуар типографий Саратовской губернии в 1918–1921 гг. складывался под воздействием ряда факторов, меняющихся год от года. В 1918 г. доминирующим было влияние издательства губернского комитета РКП (б) «Борь-

ба», размещавшего заказы на печатание пропагандистской литературы. В 1919 г. после образования губполиграфотдела, завершения национализации типографий и локализации производства в нескольких наиболее крупных предприятиях издательская инициатива перешла к губернскому агентству «Центропечать», которое существенно расширило книжную тематику за счет выпускаемой в типографиях художественной, учебной и научно-популярной литературы. Учебники и пособия в 1919–1920 гг. начали выпускать и другие издающие организации: Союз потребительных обществ Саратовского края, губернский отдел народного образования и т. д.

После окончания Гражданской войны в 1920 г. начали активно печатать книги и брошюры в типографиях уездных полиграфотделов. Наряду с официальными изданиями выходили и краеведческие, и учебные, и литературно-художественные. В 1920–1921 гг. главным издателем в регионе уже выступало губернское отделение Государственного издательства. В наиболее производительных типографиях губернии – отделениях губполиграфотдела № 2, 4, 9 и 10 – оно размещало заказы на выпуск литературы широкого спектра и большого тиража. Свой вклад в книгоиздание внесли такие организации, как Саратовский Пролеткульт и губернский союз работников искусств (Саррабис). Последний в типографии профессионально-технической школы губполиграфотдела выпустил несколько знаковых для саратовской литературной жизни XX в. поэтических сборников.

Примечания

- 1 См.: *Ефремов Н., Барен Э.* Обзор деятельности советских типографий за год пролетарской диктатуры // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 69–74.
- 2 См.: *Гермашева Ф. В.* Саратовские издания в первые годы советской власти (1918–1921 гг.) // Опыт работы Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1980. Вып. 23. С. 29–45.
- 3 См.: *Дамиан, епископ.* История Спасо-Преображенского мужского монастыря в г. Саратове. Саратов : Спасо-Преображен. братство (Тип. Союза печатного дела), 1918. 26 с.
- 4 См.: *Заменгоф Л.* Из биографии Д-ра Людовика Заменгофа / пер. с эсперанто К. Петряевского. Саратов : Тип. П. Н. Сибрина, 1918. 14 с.
- 5 См.: *Арнольд Б. М.* Селекция проса / ред. А. И. Стебут. Саратов : Тип. О-ва книгопечатников, 1918. 55 с.
- 6 См.: *Бушинский В.* Биохимическая роль алюминия и кремния в почвах. Саратов : Тип. О-ва книгопечатников, 1918. 16 с.
- 7 См.: Устав общества потребителей г. Аткарска и его уезда. Аткарск : Тип. В. И. Миловидова, 1918. 16 с.
- 8 См.: *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти. Саратов : Печатня Л. Н. Авербах, 1918. 35 с. Приложение к «Известиям Исполнительного комитета Совета депутатов Рязанско-Уральской железной дороги», 1918.
- 9 См.: Примерные планы занятий по разным предметам единой трудовой школы : в 2 ч. Саратов : Типо-литогр. А. Винклера, 1918. 52 с.
- 10 См.: Обзор начального образования в Саратовской губернии за 1916–1917 учебный год. Саратов : Тип. «Сотрудник школы», 1918. 100 с.
- 11 См.: *Словохотов Л. А.* Прав-ли Раскольников Ф. М. Достоевского? : речь прокурора литературно-общественного суда над Раскольниковым – героем романа Достоевского «Преступление и наказание». Саратов : Т-во «Сотрудник школы», 1918. 56 с.
- 12 См.: *Барен Э.* Состояние полиграфического производства в Саратовской губернии и как отразилась на нем национализация // Экономическая жизнь Поволжья. 1919. № 2 (май). С. 9.
- 13 См.: *Ленин Н.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться : сост. по брошюре Н. Ленина. Саратов : Книгоизд-во «Борьба» (Типография Губернского правления), 1918. 24 с.
- 14 См.: *Майоров И.* Практическое проведение социализации земли : с приложением примерных уставов артели и коммуны. Саратов : Революц. социализм (Типо-литогр. Саратов. Совета 4-е отд.), 1918. 56 с.
- 15 См.: *Ефремов Н., Барен Э.* Указ. соч. С. 70.
- 16 См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-521. Из протокола № 3 заседания Исполкома Саратовского Совета. Оп. 1. Д. 47. Л. 21–22.
- 17 Перевыборы в Саратов. Совет р., с. и крест. депутатов // Известия (Саратов). 1918. 20 апр. (№ 77). С. 3.
- 18 См.: *Ефремов Н., Барен Э.* Указ. соч. С. 72.
- 19 См.: Убийство комиссара печати т. Алексева // Известия Саратовского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и районного исполнительного комитета. 1918. 28 марта (№ 57). С. 3.
- 20 Приказ комиссара по делам печати // Известия Саратовского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и районного исполнительного комитета. 1918. 30 мая (№ 103). С. 1.
- 21 См.: Согласно постановлению исполнительного комитета от 17 июля... // Известия Саратовского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и районного исполнительного комитета. 1918. 20 июля (№ 144). С. 1.
- 22 См.: Постоим за себя! / Бюро Изд-ва и Печати при Агитационно-Вербовочном Отд. Саратов. Губерн. Воен. Комиссариата. Саратов : Совграфия, 2-е отд-ние, 1918. 28 с.
- 23 См.: Комиссариат типо-литографий Саратовского совета извещает // Известия Саратовского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и районного исполнительного комитета. 1918. 31 июля (№ 153). С. 4.
- 24 См.: *Ленин Н.* О международном положении : речь, произнесенная на Собрании Ц. И.К. и Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов 14 мая 1918 года. Саратов : Книгоизд-во «Борьба» (Типо-литогр. Губерн. Совета, 6-е отд-ние), 1918.
- 25 См.: *Ленин Н.* Доклад и заключительная речь на 4-м

- Чрезвычайном Всероссийском Съезде Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Саратов : Книгоизд-во «Борьба» (Типо-литогр. Саратов. Совета, 6-е отд-ние), 1918. 16 с.
- 26 См.: *Васильев М. И.* Лишние рты и коммунистический строй. Саратов : Книгоизд-во «Борьба» (Тип. Саратов. Совета, 5-е отд-ние), 1918. 36 с.
- 27 Хроника. Национализация типографии // Известия Саратовского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и районного исполнительного комитета. 1918. 5 июля (№ 132). С. 3.
- 28 См.: *Взмахи* : 1 сборник Саратовского пролеткульта. Саратов : Совграфія, 3-е отд-ние, 1919. 128 с.
- 29 *Барен Э.* Указ. соч. С. 9.
- 30 См.: *Галаган А. А.* Становление комсомольской печати в Нижнем Поволжье. 1917–1925 гг. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1982. С. 87.
- 31 См.: *Барен Э.* Указ. соч. С. 10.
- 32 См.: Производство и промышленность. Состояние полиграфического производства // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1919. 18 сент. (№ 206). С. 3.
- 33 См.: *Орешин П. В.* Дулейка : стихи. Саратов : Губ. агентство «Центропечать», 1919. 63 с.
- 34 См.: Экономическая жизнь Поволжья : (сб. ст.). Саратов : Центропечать, 1919.
- 35 См.: *Найхин Б.* Пьесы. Саратов : Губерн. агентство «Центропечать» (Тип. Губерн. земел. отд.), 1919. 48 с.
- 36 См.: *Лаврентьев Я. В.* Страна отцов : пьеса в 4 д. / инсценир. Я. В. Лаврентьева по повести Гусева-Оренбургского. Саратов : Губерн. агентство «Центропечать», 1919. 24 с.
- 37 См.: *Виленский Д. Г.* Сено, его приготовление, состав и способы определения кормового достоинства. Саратов : Саратов. губерн. зем. отд., 1918. 16 с.
- 38 См.: *Радус-Зенькович В. А.* Два года власти рабочих и крестьян : (25 октября 1917 г. 25 октября 1919 г.). Саратов : Губерн. агентство «Центропечать», 1919. 24 с.
- 39 Союзный календарь на 1919 год. Саратов : Изд. Журн. «Кооперативная мысль» СПО Саратовского края, 1918. 96 с.
- 40 См.: *Кокшайский И. Н., Кутасов В. Г.* Метрическая система мер : (Попул. излож.). Саратов : Союз потреб. о-в Саратов. края (Совграфія, 2-е отд-ние), 1919. 66 с.
- 41 См.: Типо-литографии Сарполиграфпрома в Саратове [Саратов, не ранее 1927]. С. 2.
- 42 См.: *Скоростанский В.* Революция на Украине. 2-е изд. Саратов : Книгоизд-во «Борьба» (Тип. С.Н.Х., 5-е отд-ние), 1919. 150 с.
- 43 См.: *Герасимов А. А.* Саратов. Краткий исторический очерк. Саратов : Тип. С.Н.Х. 5-е отд., 1919. 34 с.
- 44 См.: *Блонский П. П.* Трудовая школа : в 2 ч. Саратов : Изд. Саратов. Губерн. агентства «Центропечать» (Тип. 5-е отд. Полиграфотдела), 1919. Ч. 1. 114 с.
- 45 См.: Краткий конспект по медицинской микробиологии : сост. по лекциям проф. А. И. Бердникова. Саратов : Саратов. губерн. отд. нар. образ. (Тип. С.Н.Х., 5-е отд-ние), 1919. 52 с.
- 46 См.: *Галаган А. А.* Указ. соч. С. 88.
- 47 См.: *Зайковский Б. В.* Изучение местного края : инструкция для собирания материалов по народному быту и творчеству : в 2 ч. Саратов : Тип. № 7 Губ. сов. нар. хоз. Полиграф. отд., 1919. Ч. 2. 12 с.
- 48 См.: *Плачек Е.* К вопросу о способности подсолнечника противостоять поражению заразой. Отд. отт. из «Изв. Саратов. С.-Х. Опытной Станции» Т. II, вып. 1–3, 1919 г. Саратов : Тип. № 7 Губ. сов. нар. хоз. Полиграф. отд., 1919. 10 с.
- 49 См.: *Галаган А. А.* Первые тысячи строк (Очерк становления саратовской комсомольской печати. 1917–1925 гг.). Саратов : Приволжское книжное издательство, 1971. С. 47.
- 50 На фабриках и заводах. Типография № 4 // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1920. 4 марта (№ 52). С. 2.
- 51 На фабриках и заводах. Типография № 2 // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1920. 6 марта (№ 54). С. 2.
- 52 См.: Экономическая жизнь. В типографии № 10 // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1920. 1 апр. (№ 74). С. 3.
- 53 См.: Полиграфическое производство // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1920. 21 сент. (№ 213). С. 3.
- 54 См.: Губернское Рабочее бюро. Постановления, положения и инструкции для Военнопродбюро, Губраббюро и Урраббюро. Саратов : Издательство Саратов. Губпродкомитета (Губполиграфотдел, 4-е отд-ние), 1920. 24 с.
- 55 См.: Сводка правил по выдаче пособий и пенсий с введением и пояснениями, составленными инструкторами Губсобеза В. Кузятиным и Б. Гуттерманом / под общ. ред. заведующего Губсобезом Г. Ленца. Саратов : Тип. Губполиграфотдела, 2 отд., 1920. 95 с.
- 56 См.: Нормальный устав сельскохозяйственных производственных коммун. Петровск : Тип. Уполиграфотдела, 1920. 9 с.
- 57 См.: Нормальный устав с.-х. производительной артели. (Утвержден Наркомземом 29 сентября 1920 г.). Вольск : Тип. Уполиграфотдела С. Н.Х., 1920. 16 с.
- 58 См.: *Челинцев В. В.* Экскурсии в окрестности г. Вольска для ознакомления с местными горными породами, минералами и палеонтологическими ископаемыми [руководство для учителей] : геолого-минералогические. Вольск : Тип. № 2, 1920. 21 с.
- 59 См.: *Винокуров А.* Проломы : стихотворения. Балашов : Уезд. агентство Центропечати (Тип. Усовнархоза), 1920. 57 с.
- 60 См.: *Пришелец А.* Зорьные зовы : стихотворения. Балашов : Уезд. агентство Центропечати, 1920. 64 с.
- 61 См.: Учебный план и примерные программы для трудовых школ 1-й ступени Камышинского уезда на 1920–21 уч. г. Камышин : Отд-ние нар. образ. (Тип. Совнархоза), 1920. 21 с.

- 62 См.: *Волошин С. П.* Поволжская книга : исторический очерк. Саратов : Приволж. кн. изд-во (Ульян. отд-ние), 1990. С. 30.
- 63 См.: Вопросы внешней политики. Выпуск второй. Переговоры в Лондоне. Саратов : Саратов. отд-ние Гос. изд-ва (Тип. Губполиграфотдела, 2-е отд-ние), 1920. 64 с.
- 64 См.: Третья годовщина Великой Октябрьской революции : материалы для агитации. Саратов : Саратов. отд-ние Гос. изд-ва (Тип. Губполиграфотдела, 2-е отд-ние), 1920. 76 с.
- 65 См.: *Батуев Н. А.* Руководство по нормальной анатомии : сост. применительно к изучению препарированием на трупе / под ред. проф. Н. Г. Стадницкого. Саратов : Гос. Изд-во Саратов. отд., 1920. 396 с.
- 66 См.: *Григорьев П. С.* Краткий терапевтический справочник по кожным и венерическим болезням. Саратов : [б. и.], 1921. 89 с.
- 67 См.: *Богомолец А. А.* Краткий курс патологической физиологии : (по лекциям, читанным для студентов V и VI семестров). Саратов : Губполиграфотдел. 10-е отд., 1921.
- 68 См.: *Парсамов О. С.* Пособие при практических занятиях по акушерству. Саратов : Изд-во при П./о. Соц. обеспеч. уч. высш. уч. заведений под рук. студ.-мед. И. С. Лобко, 1921. 24 с.
- 69 См.: *Словачевская Т., Удаленкова-Крицына Т.* Повесть работницы и крестьянки. Саратов : Гос. изд-во, Саратов. отд. (Губполиграфотдел, 10-е отд-ние), 1921. 32 с.
- 70 См.: *Ленин Н.* О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия. Саратов : Гос. изд-во, Саратов. отд-ние [Тип. Губполиграфотдел, 2-е отд-ние], 1921. 46 с.
- 71 См.: *Пиксанов Н. К.* Пушкинская студия : пособие для высш. школ и самообразования. Саратов : Гос. изд-во, Саратов. отд-ние, 1921. 55 с.
- 72 См.: Сборник революционных хоровых песен [с сопровождением фортепиано и без сопровождения]. Саратов : Госиздат. Саратов. отд-ние [Тип. Губполиграфотдел, 9-е отд-ние], 1921. 22 с.
- 73 См.: *Орешин П.* Мы : песни борьбы и труда. Саратов : Саргиз, 9-е отд-ние, 1921. 64 с.
- 74 См.: *Бузык А. И.* Буровое дело : конспект лекций, чит. на Гидротехн. фак. Саратов. гос. ун-та (Разведочное бурение). Саратов : Гидротехн. фак. Саратов. гос. ун-та, 1921.
- 75 См.: Учет элементов семенного хозяйства. 1. Одобренное Губернским СовеЩанием по посевной кампании и учрежденное Губпосевкомом положение об учете элементов семенного хозяйства. 2. Инструкция по учету элементов семенного хозяйства. Саратов : Тип. Губполиграфотдела, 4-е отд-ние, 1921. 14 с.
- 76 См.: *Луначарский А. В.* Народ (первая часть трилогии «Фома Кампанелла») : в 3 действиях и 9 картинах. Саратов : Тип. Губполиграфотдела, 4-е отд-ние, 1921. 8 с.
- 77 См.: *Антимонов С. И.* Петровы потехи : комедия в 4 д. Саратов : Гос. изд-во, Губполиграфотдел, 4-е отд., 1921. 99 с.
- 78 См.: Октябрь. 1917–1921 : сб. лит. студии Пролеткульта. Саратов : Губполиграфотд., 4-е отд., 1921. 28 с.
- 79 См.: Рабочая жизнь. Профессиональная школа // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1919. 12 сент. (№ 201). С. 3.
- 80 См.: Взмахи. 2-й сборник Пролеткульта. Саратов : Изд. Саратов. пролеткульта, Профес.-технич. школа Губполиграфотдела, 1920. 96 с.
- 81 См.: Полиграфические производства // Экономическая жизнь (Саратов). 1921. № 5–6 (март – апрель). С. 54.
- 82 См.: *Хвесин А.* Жизнь рабочей молодежи. Школа заводского ученичества при полиграфическом производстве // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1921. 21 июля (№ 161). Прил. : Красная молодежь. 1921. 21 июля (№ 19). С. 2.
- 83 См.: Рабочая жизнь. У печатников. Новый тариф // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1921. 29 сент. (№ 219). С. 4.
- 84 См.: Новый календарь // Известия Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и губкома РКП (большевиков). 1922. 18 окт. (№ 235). С. 4.
- 85 См.: *Зенкевич М. А.* Пашня танков : [стихи]. Саратов : [б. и.], 1921. 29 с.
- 86 См.: *Мухарева Ант.* Стихи : в 3 кн. Кн. II. Саратов : Рабис, 1921. 31 с.
- 87 См.: Декрет Совета Народных Комиссаров № 685 «О частных издательствах». 12 декабря 1921 года // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1921. 17 дек. (№ 284).

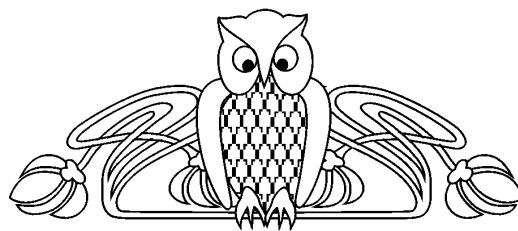
Поступила в редакцию 05.10.2020, после рецензирования 10.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 05.10.2020, revised 10.10.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 105–110
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 105–110

Научная статья
УДК [94+338](470.44/47)1928/1932
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-105-110>

Промышленный потенциал Нижнего Поволжья накануне первой пятилетки

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>

Аннотация. В статье исследуется состояние промышленности Нижнего Поволжья в конце 1920-х гг. накануне первой пятилетки. Изучены отраслевая структура экономики, процесс размежевания промышленности по структуре и формам подчинения. Крайняя ограниченность материальных финансовых ресурсов стала одной из главных причин не только укрупнения территориальных образований, но и выделения приоритетных направлений развития промышленности. Введение в научный оборот новых архивных данных и применение современных методологических принципов позволили установить, что к началу первой пятилетки Нижнее Поволжье в экономическом отношении представляло собой ярко выраженный аграрный регион, в котором 80 % валовой продукции давало сельское хозяйство.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, районирование, промышленность, тресты, ВСНХ, себестоимость, транспорт

Для цитирования: Чолахян В. А. Промышленный потенциал Нижнего Поволжья накануне первой пятилетки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 105–110. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-115-120>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-115-120>

Industrial potential of the Lower Volga region on the eve of the first five-year plan

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article examines the state of industry in the Lower Volga region in the late 1920s on the eve of the first five-year plan. The author studies the branch structure of the economy, the process of dividing industry by structure and forms of subordination. The extreme limitation of material financial resources has become one of the main reasons not only for the consolidation of territorial entities, but also for the allocation of priority areas for industrial development.

The introduction of new archival data into scientific circulation and the application of modern methodological principles allowed the author to establish that by the beginning of the first five-year plan, the Lower Volga region in economic terms was a pronounced agricultural region, in which 80% of gross output was produced by agriculture.

Keywords: Lower Volga region, zoning, industry, trusts, Supreme Council of National Economy, prime cost, transport

For citation: Cholakhian V. A. Industrial potential of the Lower Volga region on the eve of the first five-year plan. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 115–120 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-115-120>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В 1920-х гг. Нижнее Поволжье оставалось преимущественно аграрным регионом в России. В деревне проживало более 2/3 всего населения, основу экономики составляло сельское хозяйство. В годы нэпа удалось решить главную проблему – восстановить промышленность, транспорт, сельское хозяйство. В то же время восстановление промышленности шло с большим трудом и имело

свою специфику: значительные разрушения в годы Гражданской войны, засуха и голод 1920 и 1921 гг. стали главными причинами медленных темпов развития. Например, в Саратовской губернии в 1921 г. из 1142 промышленных предприятий почти 2/3 бездействовали. В соседней Царицынской губернии из 523 национализированных предприятий более половины было выведено из

стройка¹, а в Астраханской – из 328 – не работало 125². Материально-техническое снабжение предприятий осуществлялось с перебоями, заработная плата рабочим не выдавалась месяцами. По этим причинам в плане ГОЭЛРО Нижнее Поволжье не рассматривалось как самодостаточный регион, и лишь в 1924/1925 г. хозяйственном году были предприняты первые шаги к пересмотру программы его электрификации³.

В 1921 г. объем промышленной продукции в Саратовской губернии составлял лишь 7% по отношению к довоенному 1913 г., в 1924/25 г. – 37,1%, а в 1925/26 г. – уже 60,7%. При этом государственная промышленность составляла 63,7%, кооперативная – 9,1% и частная – 27,2%⁴.

Государственная промышленность Саратовской губернии состояла из двух групп: союзно-республиканского и местного подчинения. Ведущие позиции в союзно-республиканской промышленности занимали металлообработка, мукомольное и цементное производство. В 1922/23 и 1923/24 гг. государственная промышленность Саратовской губернии оставалась убыточной, и только в 1925/26 г. прибыль составила 2 383 500 руб., а в 1926/27 г. – 4 171 400 руб.⁵. Оборотный уставной капитал губернской промышленности также увеличивался: с 8367,8 тыс. руб. в 1925 г. до 9029,5 тыс. руб. в 1927 г.⁶

Рост промышленного производства происходил главным образом за счет привлеченных средств. В 1926/27 г. государственная промышленность Саратовской губернии получила банковских кредитов на сумму 31 818,1 тыс. руб., а погасила – 29 561,3 тыс. руб.⁷ Увеличивалась и общая задолженность губернской промышленности банкам по всем видам кредитов: в октябре 1923 г. она составляла 876,3 тыс. руб., а в 1927 г. – 5314,8 тыс. руб.⁸

Высокими темпами росли государственные капиталовложения в промышленность: 1924/25 г. – 951 тыс. руб., 1925/26 г. – 2173 тыс. руб., 1926/27 г. – 576 тыс. руб. Инвестиции направлялись на капитальное строительство, расширение и реконструкцию таких предприятий, как завод им. Ленина, фабрики «Саратовская мануфактура», строительство нового кожевенного завода в Саратове, восстановление завода силикатного кирпича и полный капитальный ремонт с комплектованием завода красного кирпича⁹. Продукция государственной промышленности обслуживала главным образом города губернии. Ее качество было значительно лучше, чем на частных предприятиях, а цена соответственно выше на 10–30%¹⁰.

Наряду с государственным сектором в хозяйственной жизни Саратовской губернии существенную роль играли мелкие частные предприятия и кустарно-ремесленные заведения. Частная промышленность на 2/3 концентрировалась на переработке местного сельскохозяйственного сырья. Благодаря низким ценам своих товаров частная промышленность на губернском рынке

почти полностью обеспечивала сельского потребителя и становилась серьезным конкурентом государственным и кооперативным предприятиям.

В целом государственная промышленность Саратовской губернии к 1928 г. достигла примерно уровня довоенного производства. Однако, несмотря на подъем промышленного производства, себестоимость продукции государственной промышленности Саратовской губернии оставалась высокой, что объяснялось ростом цен на сырье и заработной платы.

В Сталинградской губернии за годы Гражданской войны многие промышленные предприятия были разграблены и разорены. Сохранившееся оборудование на предприятиях устаревало и нуждалось в замене. В промышленности губернского подчинения износ зданий и сооружений составлял – 26%, силовых установок – 26%, технического оборудования – 28%¹¹. Этим можно объяснить тот факт, что даже к октябрю 1925 г. в Сталинградской губернии было немало бездействовавших предприятий. Так, по данным губернского ГСНХ, из 170 государственных предприятий к октябрю 1925 г. простаивали 72, а из 34 трестированных – 11¹².

Всего в 1925 г. в Сталинградской губернии имелось 17 073 предприятия, из которых 16 903 представляли кооперативную и частную форму организации промышленности, т. е. 99%. В негосударственном секторе промышленности кооперированные кустари составляли лишь 0,7%, а остальные являлись частниками. В основном это были мелкие предприятия. Произведенная ими продукция сократилась с 14,1% в 1923 г. до 5,6% в 1925 г.¹³

За тот же период число занятых рабочих и служащих в государственном секторе промышленности Сталинградской губернии уменьшилось с 78,5% до 40,8% и составило лишь 56,8% от уровня 1913 г.¹⁴ Ведущее место в промышленности губернии занимали металлургия и деревообработка. К 1927/1928 хозяйственному году объем промышленного производства в этих отраслях достиг довоенного уровня. В целом эффективность промышленности обобщественного сектора была ниже дореволюционной. Себестоимость ее продукции оставалась высокой и значительно превышала плановые задания, достигнув 176%. Отсюда и рост цен на промышленные товары, и образование так называемых «ножниц» в экономике.

В Астраханской губернии постепенно восстанавливалась рыбная промышленность. В 1921 г. действовавших промыслов насчитывалось лишь 207, а объем производства составлял лишь 36% довоенного уровня¹⁵. В структуре рыбной промышленности Астраханской губернии в 1925/1926 хозяйственном году преобладал государственный сектор (55,6%). На долю кооперативной приходилось 27,1%, а частной – 23,3%¹⁶. Высокая доля частного капитала

объяснялась спецификой рыбной промышленности, а также недостаточным государственным финансированием отрасли. К 1928 г. соотношение между секторами промышленности Астраханской губернии изменилось: государственный сектор составил 48,5%, кооперативный – 35,0%, а частный – 16,5%¹⁷. Тенденция «выталкивания» частного капитала из промышленности проявлялась в ограничении кредитования, налоговой политике, а также в искусственном завышении ставок на торгах для частных. Поэтому частный капитал был вынужден уходить в сферу теневой экономики, что сопровождалось коррупцией среди государственных чиновников, партийных функционеров и руководителей государственных предприятий. Эта проблема стала предметом для обсуждения на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) в 1926 г. После доклада А. И. Микояна о состоянии Астраханской партийной организации и рыбной промышленности по настоянию В. М. Молотова было принято решение о «всемерном усилении социалистического сектора до полного контроля над деятельностью всего частного капитала»¹⁸.

В 1929 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) вновь обсудило вопрос о состоянии промышленности Астраханской губернии и всей местной партийной организации. На этот раз экономическая проблема приобрела политический характер в свете борьбы с «правым уклоном». По мнению Л. М. Кагановича, «в партийном руководстве проявление примиренчества к правому уклону в практике регулирования частника»¹⁹. Организационные выводы последовали достаточно быстро: 70 ответственных партийных и хозяйственных работников были сняты со своих должностей, советский аппарат подвергся «чистке» на 15%, к уголовной ответственности привлекли 100 чел., в том числе 40 коммунистов. На заседании Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) Б. П. Шеболдаев заявил, что «теперь доля частника составит не более 2%»²⁰.

Правящие партийно-государственные верхи были озабочены тем, что частный сектор явно доказывал преимущества перед государственным, увеличивая производство продукции. Речь шла уже не о поисках наиболее целесообразных методов управления промышленностью с использованием различных форм хозяйствования, а о возврате к военно-коммунистическим методам руководства. Политико-идеологические установки партийного руководства в условиях внутривластной борьбы были направлены на ограничение, а затем и полное вытеснение частного производителя. В результате с весенней путины 1929 г. частный капитал больше не допускался к рыбному промыслу, и вся рыбная промышленность Волго-Каспия была поставлена под контроль государства.

С восстановлением промышленности у правящей партии отпала необходимость целесообразности компромисса государственного и частного секторов хозяйства, хотя результаты нэпа свиде-

тельствовали о большей эффективности частного сектора экономики в сравнении с государственным. Между тем в экономике, исчерпавшей внутренние «восстановительные резервы», наметились сбои, возрастали издержки производства, снижалась его эффективность. В противоречиях нэпа большевики видели причины всех хозяйственных трудностей, тем более, что движение по рыночному пути в корне противоречило социалистической перспективе партийно-государственного руководства. К концу 1920-х гг. в ходе острой внутривластной борьбы постепенно складывалась иная стратегия государственной импортозамещающей форсированной индустриализации, основанной на идее директивного планирования.

Выбор мобилизационной модели ускоренной индустриализации был предопределен объективными причинами и в целом соответствовал социокультурным и государственным традициям страны. Директивный метод планирования позволял сконцентрировать материальные, финансовые и людские ресурсы на немногих решающих направлениях и широко использовать технику и технологии Запада для создания в стране современной индустрии.

Для обеспечения высоких темпов индустриального развития власть прибегала к различным средствам. Среди них – административно-территориальные реформы, призванные максимально использовать экономические возможности регионов, усилить централизацию и унификацию управления в целях выстраивания строгой вертикали власти. Именно с такой целью в 1928 г. был создан Нижне-Волжский край в составе трех губерний (Саратовской, Сталинградской и Астраханской), Автономной республики Немцев Поволжья и Автономной Калмыцкой области. Край занимал территорию в 319 тыс. кв. км. (4-е место в РСФСР) с населением 5714 тыс. жителей (5,8 % от численности населения РСФСР)²¹. Создание такой крупной административно-территориальной единицы открывало перспективы достаточно широкомасштабной хозяйственной деятельности региона с учетом местных особенностей и ресурсов.

Основной административно-территориальной единицей в Нижнем Поволжье стали округа, которые с этого времени отошли в прямое подчинение руководству Нижне-Волжского края. Именно эти округа должны были стать важнейшим звеном в осуществлении социально-экономической политики на местном уровне. Предполагалось, что замена волостей районами, губерний округами и ликвидация уездов приблизит органы власти к массам, качественно улучшит руководящий аппарат и удешевит его.

В основу административно-территориальных преобразований страны был положен экономический принцип районирования. Для решения задач индустриализации страны большое значение придавалось максимальной мобилизации местных

ресурсов, их концентрации на ключевых участках. По мнению В. Н. Данилова, «в политическом плане остро ставился вопрос об укреплении союза между рабочим классом и крестьянством, т. е. обеспечение лояльности деревни, что, как тогда считалось, могло быть решено лишь на базе развития экономических связей промышленности с сельским хозяйством. Слабые в экономическом отношении районы не могли обеспечить выполнение этих условий, так как многие из них вообще не имели крупной промышленности или были специализированы на какой-либо отрасли, что не позволяло ни организовать рациональную кооперацию промышленных предприятий, ни обеспечить деревню промышленными товарами в рамках губернии»²².

Изменение районирования Нижнего Поволжья преследовало и другую цель – ослабить позиции региональных элит, а именно – окончательно закрыть «Астраханское дело». Разгром местных руководящих кадров завершился ликвидацией статуса Астраханской губернии. В последующие годы, когда сталинское руководство перешло к номенклатурному способу формирования политических элит (в 1934 и 1937 гг.), Астрахань оставалась в составе Сталинградской области. И в дальнейшем изменения в административно-территориальном делении страны преследовали цель нейтрализовать власть «маленьких генсеков» в крупных регионах, разделить их на небольшие области во главе с послушными исполнителями воли центрального руководства. Так происходило становление советской административно-командной системы управления государством в 1920-е гг.

Районирование Нижне-Волжского края, по мнению специалистов Госплана, должно было усилить управляемость территорий, создать наиболее благоприятные условия для развития региона. Оно проводилось «в чрезвычайно ограниченные сроки» без тщательной разработки сетки районов и хозяйственных объединений. Для ускорения этой работы Бюро ЦК ВКП (б) направило в Саратов специальную комиссию, по инициативе которой были образованы по партийной линии временные окружные партбюро, а по советской – окружные организационные комиссии. По директиве Бюро ЦК в каждом районе были образованы Райпартбюро и Райпарткомиссии, а также выделены ведомственные уполномоченные в каждом округе²³. Вместо трех крупных губерний возникло 8 сравнительно равномерно распределенных по территории и численности населения округов. При общей численности населения края в 4 593 622 чел. городские жители составляли 818 192 чел. (21,7%), а сельские – 3 775 430 чел. (78,3%)²⁴.

Значительно сократился управленческий аппарат: от 5 до 3 тыс. штатных единиц, а ведущим оперативным звеном в административной цепи стал районный аппарат²⁵. Округа и районы были образованы вокруг промышленных и культурных центров, в большинстве своем однородных в

хозяйственном отношении. Самым крупным по численности населения и промышленному потенциалу был Саратовский округ (843 173 чел.). Следом располагались Балашовский (694 915), Сталинградский (671 187) и Астраханский (618 411) округа. Меньше всего людей проживало в Пугачевской округе (324 869 чел.)²⁶. Центром огромного края стал Саратов. Широкое перераспределение руководящих работников и появление новых кадров, пришедших к власти на местах на волне борьбы с нэповскими «вредителями», должно было обеспечить проведение в жизнь генеральной линии партии.

Превращение Нижне-Волжского края в производственно-территориальную единицу с развитыми производственными связями внутри нее и со специализацией в общесоюзном масштабе открывало возможности центру посредством централизованного директивного планирования более полно использовать местные природные богатства и разрешать масштабные экономические задачи. Власть учитывала ограниченность материальных и финансовых ресурсов и потому была вынуждена сосредоточить основное внимание на приоритетных направлениях развития промышленности. Поэтому первым шагом вслед за новым административным районированием Нижнего Поволжья стало размежевание промышленности по структуре и формам подчинения:

I Союзная и республиканская промышленность

1. По линии ВСНХ
2. По линии Наркомторга (мукомольная)

II Местная промышленность, по линии ВСНХ

1. Саратовского Губсовнархоза
2. Сталинградского Губсовнархоза
3. Астраханского Губсовнархоза
4. Центрального Совнархоза АССР Немцев

Поволжья

5. Калмыцкой области

III Низовая промышленность

1. Промышленность Уисполкомов
2. Промышленность Волисполкомов²⁷.

В состав промышленности ВСНХ союзного и республиканского подчинения вошли «Цемтрест», завод «Красный Октябрь», деревообрабатывающие предприятия треста «Волго-Каспий-лес», «Госрыбтрест» и «Бассольтрест» с общим числом рабочих 21 096 чел.²⁸

По линии Наркомторга мукомольная промышленность региона, в том числе все уездные товарные мельницы (21 – в Саратовском округе, 6 – в Сталинградском) ввиду особой важности их продукции, вошла в состав всесоюзного акционерного общества «Союзхлеб»²⁹.

Местную промышленность по линии ВСНХ краевого подчинения представляли небольшие предприятия с общей численностью рабочих 13 437 чел. и основным капиталом в 33 143 руб. Причем, если в составе союзно-республиканской промышленности преобладали предприятия Ста-

линградского округа, то в краевом подчинении ведущее место занимали заведения Саратовского губсовнарха: на их долю приходилось 74,5% продукции, 70% основного капитала и 75% числа рабочих. Из промышленности Астраханского ГСНХ в краевой состав перешло лишь одно предприятие (кожзавод)³⁰.

Процесс централизации промышленности краевого подчинения завершился созданием 5 трестов («Металлотрест», «Лесотрест», «Кожтрест», «Маслотрест», «Спиротрест») и таких самостоятельных производственных единиц, как «Саратовская мануфактура», «Саратовская махорочная фабрика», «Промстрой» и «Крайторг». Всего в краевом подчинении оказалось 45 предприятий³¹.

Ведущей отраслью краевой промышленности оставалась металлообработка, в составе которой оказались 3 металлзавода Саратовского ГСНХ (болтозаклепочный и гвоздильно-проволочный завод им. Ленина, завод двигателестроения «Сотрудник Революции», инструментальный завод «Универсаль») и 3 предприятия Сталинградского ГСНХ (болтозаклепочный завод им. Ильича, гвоздильно-проволочный завод «Красная Застава» № 1 и завод массового производства оцинкованной посуды «Красная Застава» № 2). Все предприятия данной отрасли в 1928 г. находились в состоянии экономического застоя из-за изношенности оборудования, а общий объем их производства составлял лишь 80% довоенного уровня³².

Окружная промышленность Саратовского округа объединяла 16 небольших предприятий с общим числом рабочих 1454 чел. и объемом производства 4414 тыс. руб. Среди них ведущее место занимали металлзаводы (2), бондарные (1), столярные (1), лакокрасочные (1) и кирпичные (2) заводы, обслуживающие производственные нужды прочих отраслей. Наиболее рентабельно работали предприятия пищевой промышленности благодаря их ориентированности на местный рынок³³.

В Сталинградском округе на 10 промышленных предприятиях трудились 1752 рабочих, а ведущее место по выпуску продукции занимала текстильная группа предприятий, обслуживавшая местный потребительский рынок. Значительную роль в округе играли кирпичные заводы, удовлетворявшие нужды промышленного строительства³⁴.

В промышленности Астраханского округа традиционно преобладала пищевая группа отраслей, связанная с природными богатствами региона, а также деревообработка и производство кирпича³⁵.

Централизованные плановые начала коснулись и низовой промышленности Нижне-Волжского края, представленной мельницами, мелкими кирпичными и поташными заводами, ремонтными мастерскими и различными промыслами. Прежняя политика местных властей по объединению их в кооперативы, созданию промысловых и трудовых артелей сменилась на «укрупнение волостной промышленности и

улучшение аппарата управления»³⁶. На практике включение кооперации в планы по снабжению сырьем и организованный сбыт усиливали зависимость кооперативов от государственных органов и постепенно выхолащивали суть самой кооперации. В конечном счете, кооперация была вовлечена в планово-централизованную систему социалистического народного хозяйства.

Транспортное устройство Нижне-Волжского края характеризовалось наличием ряда железнодорожных путей сообщения и двух основных водных магистралей: р. Волги и р. Дона. По объемам грузопотока на р. Волгу приходилось 57,7% всего грузооборота, на железную дорогу – 41,1% и на р. Дон – 1,1%. Общая протяженность железнодорожных путей края составляла 3269 км, или 6% от всех железнодорожных путей РСФСР. Протяженность р. Волги по территории края составляла 1200 км, а р. Дона – 500 км. По обслуживанию населения транспортными рельсовыми путями край находился на 6-м месте (5,7 км железнодорожных путей на 10 тыс. жителей), а по обслуживанию железнодорожной сетью территории (9,9 км железнодорожных путей на 1000 кв. км территории) – на 7-м месте³⁷. Это свидетельствовало о недостаточности транспортного устройства края и необходимости его расширения.

Таким образом, к началу первой пятилетки Нижне-Волжский край в экономическом отношении представлял собой ярко выраженный аграрный регион, в котором 80% валовой продукции давало сельское хозяйство. По количеству цензовых промышленных предприятий край занимал 8-е место в РСФСР, по числу рабочих – 7-е, а по объему валовой продукции – 5-е³⁸. Вместе с тем рыбная промышленность Астрахани давала более 80% всей рыбной продукции СССР, а соляная – 25%³⁹.

В экономической жизни во второй половине 1920-х гг. идеологические установки большевиков диктовали необходимость резкой смены многоукладной экономики переходного типа специфическим вариантом одноукладной социалистической экономики. Доминирование политических факторов над экономическими при решающей роли государства обусловило формирование мобилизационной модели развития, в которой главным выступала централизованность, т. е. сосредоточение в руках государства всех экономических ресурсов, жесткое контролирование их использования.

Процессы формирования административно-командной системы изменили экономические, политические, социокультурные связи районов Нижнего Поволжья. Административно-территориальные преобразования в регионе способствовали становлению целостного экономико-политического организма, позволили государству выйти на новый уровень пространственной организации экономики и привели к высоким темпам экономического роста в годы первой пятилетки.

Примечания

- ¹ См.: Государственный Архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Саратовский губернский комитет ВКП(б). Оп. 5. Д. 94. Л. 43, 280.
- ² См.: Бюллетень VIII съезда Советов Астраханской губернии. Астрахань, 1921. № 3. С. 3.
- ³ См.: *Чолахян В. А.* Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов : Научная книга, 2007. С. 75.
- ⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 664. Л. 4 ; Д. 8. Л. 5.
- ⁵ См.: Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5451. Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов (ВЦСПС). Оп. 11. Д. 93. Л. 73 об.; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 8. Л. 21–22.
- ⁶ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 11. Д. 93. Л. 73–73 об.
- ⁷ См.: Промышленность Саратовской губернии. Обзор за 1926–27 г. Саратов : Изд-во губернской плановой комиссии, 1927. С. 76.
- ⁸ Там же. Л. 73 об.
- ⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 8. Л. 5, 8.
- ¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 1003. Л. 14–15.
- ¹¹ См.: Промышленность Сталинградской губернии. Обзор за 1926–27 г. Сталинград : Изд-во губернской плановой комиссии, 1927. С. 39.
- ¹² Там же. С. 28–30.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: *Шарошкин Н. А.* Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы. Пенза : Издательство Пензенского государственного педагогического университета, 1998. С. 82.
- ¹⁵ См.: Астраханская губерния. Экономическое, культурное, административное и финансовое состояние. Астрахань : Изд-во Астраханского Г. И.К., 1928. С. 25.
- ¹⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Нижне-Волжский крайком ВКП(б). Оп. 1. Д. 78. Л. 11.
- ¹⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 78. Л. 11–12.
- ¹⁸ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 8.
- ²¹ См.: Материалы к первой краевой партийной конференции Нижне-Волжского края. Сентябрь 1928. Саратов : Нижне-Волжское краевое изд-во, 1928. С. 7.
- ²² *Данилов В. Н.* Образование Саратовской области в контексте административно-территориальных реформ 1920–1930-х гг. // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сборник материалов XII Всероссийской научной конференции (Саратов, 14 февраля 2019 г.) / отв. ред. В. А. Чолахян. Саратов : ИЦ Наука, 2019. С. 36–37.
- ²³ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 78. Л. 60.
- ²⁴ Там же. Д. 16. Л. 70.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 63–69.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л. 146–147.
- ²⁹ Там же. Л. 148.
- ³⁰ Там же. Л. 149.
- ³¹ Там же. Л. 154.
- ³² См.: Материалы к первой краевой партийной конференции Нижне-Волжского края. С. 12.
- ³³ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 16. Л. 153–156.
- ³⁴ Там же. Л. 157.
- ³⁵ Там же. Л. 158–159.
- ³⁶ Там же. Л. 162.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 136.
- ³⁹ Там же. Л. 138.

Поступила в редакцию 04.10.2020, после рецензирования 03.11.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 04.10.2020, revised 03.11.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 111–115
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 111–115

Научная статья
УДК [94(470.44):338.441.8][1930/1935]
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

Социально-экономическая повседневность единоличных хозяйств Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов

В. А. Котельников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Котельников Вадим Алексеевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, kotelnikov_va_94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-2699>

Аннотация. В статье исследуются особенности жизнедеятельности крестьян-единоличников Саратовского Поволжья в условиях доминирования коллективных хозяйств. На основе архивных документов раскрываются направленность и содержание государственной политики по отношению к индивидуалам. Пережив трудности первых лет коллективизации, единоличники стали постепенно приспосабливаться к новым условиям и проявлять свою жизнестойкость в неблагоприятной обстановке. В результате вместо того, чтобы вливаться в коллективную систему, они ее дискредитировали. Поэтому особое внимание уделяется политике советского руководства и действиям местных властей по отношению к единоличным хозяйствам. В результате государственной политики, выражавшейся в административном давлении и ужесточении налогового пресса к середине 1930-х гг., происходило постепенное сокращение единоличного сектора.

Ключевые слова: единоличники, крестьянство, приусадебный участок, Саратовское Поволжье, социальные преобразования, налоги

Для цитирования: Котельников В. А. Социально-экономическая повседневность единоличных хозяйств Саратовского Поволжья в первой половине 1930-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 111–115. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

Socio-economic everyday life of individual farms in the Saratov Volga region in the first half of the 1930s

Vadim A. Kotelnikov, kotelnikov_va_94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-2699>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article examines the features of the life of individual peasants in the Saratov Volga region in the conditions of the dominance of collective farms. On the basis of archival documents, the direction and content of state policy in relation to individuals is revealed. Having survived the nightmare of the first years of collectivization, individual farmers began to gradually adapt to new conditions and show their resilience in an unfavorable environment. As a result, instead of joining the collective system, they discredited it by their example. Therefore, special attention is paid to the policy of the Soviet leadership and the actions of local authorities in relation to individual farms. As a result of state policy, expressed in administrative pressure and a tightening of the tax press by the mid-1930s there was a gradual reduction in the sole sector.

Keywords: individual farmers, peasantry, personal plot, Saratov Volga region, social transformations, taxes

For citation: Kotelnikov V. A. Socio-economic everyday life of individual farms in the Saratov Volga region in the first half of the 1930s. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 111–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-111-115>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Сплошная коллективизация коренным образом трансформировала традиционное устройство деревни. На место мелких крестьянских хозяйств пришли коллективные, а колхозники стали новой социальной основой государства. Единоличное

хозяйство рассматривалось как явление временное и чуждое социалистическому устройству. Соответственно, и политика по отношению к нему была ориентирована на постепенное его свертывание и ликвидацию.

Разрушительные последствия коллективизации и в земледелии, и в животноводстве, крупномасштабное изъятие продовольствия из деревни, спровоцированный массовый голод превратили повседневную жизнь крестьян, как колхозников, так и единоличников, в борьбу за существование, за выживание, где основное внимание уделялось социально-экономическим проблемам.

Несмотря на жесткое давление государства, единоличные хозяйства, получавшие доходы со своего двора, оставались¹. По мере наращивания темпов реформы и тотального обобществления крестьяне-единоличники лишались не только посевов, инвентаря, рабочего скота, но и плодородной земли, которая была отдана им в пользование еще на основании Декрета о земле.

Естественно, под воздействием такого порядка землеустройства удельный вес не вступающих в сельхозартели стал сокращаться. Несмотря на массовый выход крестьян из колхозов весной 1930 г., уже в мае того же года на V пленуме Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) были озвучены первые достижения аграрной модернизации. Первый секретарь крайкома Б. П. Шеболдаев отчитывался, что «колхозы засеяли по краю 7 с лишним гектаров, а единоличный сектор засеял 2 гектара с небольшим». Данные приводились исходя из среднего количества засеянных гектаров колхозной земли, приходившихся на одного колхозника, и земли, находившейся в пользовании единоличников и приходившейся на одного единоличника².

Как известно, стимулирование коллективизации проводилось и за счет политики ликвидации кулачества, депортации кулаков за пределы постоянного места жительства. Более того, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1930 г. право устанавливать и менять критерии зачисления единоличных хозяйств в разряд кулацких было дано региональным органам власти в зависимости от местных условий³. Такой подход привел к росту общего числа раскулаченных семей.

Одновременно менялась система налоговых платежей. В 1931 г. для всех индивидуальных хозяйств были повышены нормы доходности по сельскохозяйственным культурам и неземледельческим доходам. В результате единоличники должны были платить налоги, превышающие более чем в 10 раз налоги колхозника⁴. К тому же индивидуальные крестьянские хозяйства должны были выполнять обязательные планы по хлебозаготовкам. Постановлением Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета от 25 февраля 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству» устанавливалось для индивидуальных хозяйств размеры сдачи зерна с 1 га на 10% выше колхозных норм⁵.

Весной того же года для 38 индивидуальных хозяйств села Перекопное Ершовского района был утвержден план посева в 123 га, из которого

крестьяне засеяли всего 7 га. За отказ от посевной кампании у единоличников было конфисковано 6 лошадей, а 2 чел. были отданы под суд по ст. 61 УК РСФСР за отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ. Данная статья предусматривала штраф до пятикратного размера стоимости наложенного задания, а если человек привлекался повторно, ему грозило лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года; те же действия, совершенные кулацкими элементами, хотя бы и в первый раз, или же другими лицами при отягчающих обстоятельствах – сговор группы лиц или оказание активного сопротивления органам власти в проведении повинностей, заданий или работ – предусматривали лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества. В результате 21 хозяйство окончательно покинуло село⁶.

Но даже после ужесточения административных мер вовлечь всех крестьян в колхозы не удавалось, потому что поспешно созданные и слабые в организационно-хозяйственном отношении артели были для единоличников непривлекательны.

На январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в разгар массового голода было объявлено об успешном и досрочном выполнении первой пятилетки, а задача вовлечения единоличников в колхозы считалась в основном выполненной. Основное внимание было переключено на хозяйственно-организационное укрепление созданных колхозов, чистку их от «чуждых элементов» и «классовых врагов». Относительная стабилизация социально-политической обстановки положительно сказалась на состоянии хозяйств, сохранивших свою самостоятельность. Пережив натиск первых лет коллективизации, крестьяне стали постепенно приспосабливаться к новым условиям.

Единоличники нанимались на сезонную работу в близлежащие совхозы, так как в них часто не хватало работников для освоения значительных земельных площадей. Сотрудник политотдела Ново-Покровской МТС, обслуживавшей колхозы сел Ново-Покровское, Муромка и Потрясовка, где к 1934 г. сохранилось около 200 индивидуальных хозяйств, отмечал в своем донесении: «Крестьянские хозяйства, не вошедшие в колхоз, в своих селах пользуются лишь домами для жилья семей и огородами. Хозяин и трудоспособные члены семьи работают на постоянной работе в ближайших совхозах, и незначительная часть хозяйств выехала на заработки в промышленные города»⁷.

Однако все же главным занятием большинства единоличников была обработка приусадебного участка, сосредоточившаяся на развитии особо рентабельных садово-огороднических культур. Такие хозяйства традиционно концентрировались и успешно развивались в ряде сел, располагавшихся вблизи городов, райцентров, где был постоянный рынок сбыта производимых ими овощей (томатов, лука, огурцов, капусты, картофе-

ля), поскольку выращивание зерна для этих пригородов не являлось основным. Большая часть их находилась в следующих районах: Баландинском (1481 хозяйство), Новоузенском (1196 хозяйств), Вязовском (840 хозяйств), Питерском (679 хозяйств)⁸. В Постановлении ВЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников, и трудящихся единоличных крестьян» разрешалась колхозная торговля на жестко регулируемом рынке, но только после выполнения всех обязательств перед государством⁹.

Особо предприимчивые единоличники стремились не к сокращению, а к наращиванию своего потенциала, обрабатывая заброшенные земли. Стремясь извлечь выгоду, администрация сельсоветов сдавала в аренду единоличникам приусадебные участки раскулаченных и высланных крестьян, а также тех, кто покинул свои хозяйства и перебрался в город. Земля сдавалась по цене от 10 до 50 руб. за участок («загон») размером 3–5 саженей ширины на 40–50 саженей длины. Хотя Постановлением СНК СССР от 21 июля 1925 г. была введена метрическая система мер, в деревне традиционно продолжали пользоваться русской системой мер, привязанной еще Петром I к английской системе мер, где одна дореволюционная сажень равнялась 7 английским футам, т. е. 213,36 см.

Бесхозные огороды и огороды раскулаченных сдавались в аренду по 5 коп. с квадратной сажени. Подобная практика позволяла скрывать часть доходов, так как эти земли считались пустующими, а значит, посевы на них налогом не облагались.

«В селе Ольшанке Аркадакского района, – отмечается в докладной записке Саратовского крайкома партии за 1934 г., – дело доходило до прямого захвата лучших участков земли в севообороте колхоза, до самовольного выпаса скота по сенокосным площадям и потравы посевов колхоза». В селе Гремячке Вязовского района «сады и ягодники отбирались у колхозников и передавались единоличникам». В результате получилось, что на 175 хозяйств единоличников имеется 73 сада, а на 202 хозяйства колхозников – 71 сад¹⁰.

Такая ситуация не могла не беспокоить местных партийных руководителей. В одной из докладных записок Балтайского райкома партии в Саратовский крайком ВКП (б) от 1 июля 1934 г. предлагалось «ограничить единоличников в размерах пользования приусадебными огородами до пределов личной потребности овощами и небольшой товарности – установить норму на одного едока 0,06 га. Посевы зерновых культур допустить производить только в полевых землях»¹¹.

Главным преимуществом единоличника была возможность иметь лошадь. Пользуясь тем, что правление колхозов не дает колхозникам лошадей, они стали возить на базар односельчан, обрабатывать колхозникам огороды на приусадебных участках, благодаря чему их доход стал быстро расти.

В 1934 г. из сел Саратовского края регулярно поступали сообщения о том, что часть не состоящих в колхозе крестьян не выполняет обязательства, ускользает от налогового обложения в результате сокрытия всех источников заработка и таким образом обогащаются. Так, в Аркадакском районе «единоличник К. А. Лагутин только за весну 1934 г. обработал огороды 5 колхозникам, получив за каждый огород от 75 до 100 р. Кроме того, занимаясь доставкой продуктов на рынок, зарабатывал по 25 р. с воза. В том же районе единоличник Володин, получил от полеводства 151 р., от огорода 600 р., от отходничества 1080 р.; единоличник В. Н. Кудряшов получил от полеводства 171 р., от огорода – 800 р., от продажи молока и масла – 900 р., от отходничества – 950 р.»

Немало аналогичных примеров было и в других районах.

Екатериновский район. «Единоличник Чельников заработал извозом – 1000 руб.»;

Лопатинский район. «Рузаткин И. А., не выполнил план мясосдачи, сельсоветом к ответственности не привлекается, занимаясь извозом, заработал в год не менее 1500–2000 руб.»¹².

Все эти доходы единоличники получали в то время, когда среднегодовой доход колхозника Саратовского Поволжья, включая и АССР Немцев Поволжья, составлял 90–150 руб.¹³ Потому-то проводимая работа по вовлечению единоличников в колхозы не имела большого успеха.

Действия единоличников вызывали «нездоровые настроения» в колхозах. Так, колхозник Манышев Сердобского района сетовал: «Единоличник живет лучше, чем колхозник, он работает там, где ему хочется. Они... зашибают и деньги, и хлеб, а нам, колхозникам, не дают не только денег, но даже хлеба во время работы»¹⁴.

Наличие тягла повышало мобильность единоличников и позволяло зарабатывать на перевозке продукции, поэтому единоличников часто обвиняли в занятии спекуляцией. Лишь через несколько лет – после принятия 21 августа 1938 г. на Второй сессии Верховного Совета СССР закона о государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств – держать в таком хозяйстве даже одну лошадь стало невыгодно.

Однако в начале 1930-х гг., в условиях постоянного недоедания и острого дефицита товаров повседневного спроса, перекупщики были востребованы. В большинстве это также были единоличники. Они выполняли связующую роль между городом и деревней¹⁵, скупая у колхозников сельхозпродукцию, выращенную на приусадебных участках, и извлавля, таким образом, сельских жителей от необходимости самим везти ее на большие расстояния в города и райцентры на продажу. Доклады советско-торгового отдела крайкома ВКП (б) показывают возраставший спрос городского населения на продукты за счет приезжающих из района колхозников и единоличников: «В Балашове был базар и в результате

этого резко повысился спрос на хлеб, так если суточная продажа хлеба составляла 16,3 т., то 10 января 1935 г. было продано свыше 30 т. И все остатки хлеба»¹⁶.

Чтобы запретить частным торговцам нарушение «социалистического» законодательства, государство начало на них охоту. В директиве крайисполкома от 9 октября 1934 г. «О борьбе за выполнение плана хлебозакупок» предусматривалась борьба со спекулянтами, скупщиками, в том числе с единоличниками и колхозниками, «продающими хлеб на рынке до выполнения ими своих обязательств перед государством». Если в этой продаже они были замечены впервые, то всем городским и районным прокурорам и нарсудьям Саратовского края предлагалось привлекать их к судебной ответственности по ст. 105 за нарушение правил торговли, – исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф до двух тысяч рублей, а за систематическую продажу судить по ст. 107 УК РСФСР спекуляция продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления – с лишением свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества¹⁷.

Некоторое улучшение положения единоличного крестьянства, по сравнению с колхозным, совместно с массовыми чистками колхозов привело к замедлению и даже временной остановке темпов коллективизации. Из приведенных в таблице данных видно, что, начиная с 1932 г., рост процента коллективизации по краю шел не за счет абсолютного увеличения числа хозяйств в колхозах, а за счет уменьшения общего числа крестьянских хозяйств. Все это вызывало крайнее беспокойство у власти.

По указанию И. В. Сталина 2 июля 1934 г. в Кремле было созвано специальное совещание по вопросу о коллективизации и единоличнике. В работе совещания участвовали члены ЦК партии и секретари республиканских, краевых и областных партийных организаций. В ходе выступлений подчеркивалось, что райкомы партии и политотделы ослабили внимание к единоличнику, не изучали причины выходов крестьян из колхозов. Итоги совещания подвел Сталин, который обвинил в ошибках и просчетах местных руководителей:

«Кто вам велел допускать, чтобы единоличник арендовал землю? Кто вам велел допускать, чтобы усадебные хозяйства у индивидуальных были больше, чем у колхозников? Их надо воспитывать в порядке экономических и финансовых мероприятий... усилить налоговый пресс»¹⁹.

По итогам июльского совещания в ЦК ВКП (б) была подготовлена Докладная записка от 9 августа 1934 г. «Об извращениях в правовом и экономическом положении колхозников и единоличников в Саратовском крае», в которой содержался конкретно-аналитический материал о положении единоличников и принятых мерах по укреплению колхозов. На основании этой проверки в 34 сельсоветах, 12 районах и 2 кантонах АССР Немцев Поволжья была выявлена «недопустимая практика вопиющих нарушений закона Советской власти о земле». Руководителям районных организаций предписывалось немедленно разорвать все договоры аренды, всем ответственным были вынесены выговоры и наказания вплоть до отдачи под суд. На все неучтенные земли, засеянные огородными культурами, были наложены обязательства по хлебозаготовкам²⁰.

Уже через месяц 27 сентября 1934 г. на основе постановления оргкомитета ЦИК Саратовского края было проведено очередное землеустройство пустующих земель – выработка определенных правил и нормативов их использования. В результате все полевые и приусадебные участки крестьян, утративших на них право, поступали в общественный фонд колхозов и должны были использоваться для целей обобществленного хозяйства или передаваться отдельным колхозникам под усадебные угодья. Самовольная и непредусмотренная законом передача земель сельскохозяйственного назначения в аренду за плату категорически воспрещалась, а лица, виновные в этом, подлежали суровой ответственности²¹.

26 сентября 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О единовременном налоге на единоличные крестьянские хозяйства», в котором значительно повышались ставки налога в зависимости от наличия средств производства и рыночных доходов, а также ужесточилась ответственность единоличников за выполнение обязательных поставок и выплат денежных платежей.

Соотношение коллективизированных и единоличных крестьянских хозяйств в Саратовском крае (включая АССР немцев Поволжья) с 1929 по 1934 гг. (на начало каждого года)¹⁸

Крестьянские хозяйства	Годы					
	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Всего хозяйств, тыс.	572,9	574,4	508,1	471,2	399,6	323,8
Состоит в колхозе, тыс.	35,7	218,5	449,3	415,3	344,1	296,4
Единоличных хозяйств, тыс.	537,2	355,9	58,8	55,9	55,5	27,4
Процент коллективизации	6,2	38,0	88,5	86,0	86,1	91,5
Процент единоличных хозяйств	95,8	62,0	11,5	14,0	13,9	8,5
Количество колхозов	1901	1306	1746	1815	1908	2025

Теперь, если облагаемое хозяйство не совершало денежные платежи в срок, судебным органам предоставлялось право конфисковать часть его имущества за исключением предметов первой необходимости.

17 февраля 1935 г. II Всесоюзным съездом колхозников-ударников СССР был принят новый Примерный устав сельхозартели. Он был утвержден постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б). За колхозами земля закреплялась «навечно», устанавливались размеры приусадебного участка, крестьяне получали известную юридическую гарантию от государства. Окончательно определялись и границы колхозных земель, причем сокращение этих земель Уставом не предусматривалось, а допускалось лишь увеличение их площадей либо за счет свободных земель государственного фонда, либо за счет излишних земель, занимаемых единоличниками²².

В инструктивном письме от 15 сентября 1935 г. Наркомат земледелия СССР продолжил генеральную линию по вытеснению индивидуального сектора на периферию. Местным земельным органам было дано указание, согласно которому «вкрапленные земли единоличников выводятся за границы колхозного массива на дальние и худшие участки». После принятых мер вкуче с налоговым прессом численность единоличных хозяйств начала стремительно снижаться. В итоге процент коллективизации в Саратовском крае, по сравнению с 1934 г. (91,5%), повысился на 6,3% и составил к концу 1935 г. 97,8%²³.

В последующие годы государственная политика ликвидации единоличных хозяйств путем административного и экономического давления на них продолжилась, а решение социально-экономических проблем оставалось главной задачей их повседневной жизни.

Примечания

¹ См.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 172.

² См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55 (Нижне-Волжский крайком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 215. Л. 49.

³ См.: *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. / отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2004. С. 34.

⁴ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. Т. 2 : Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М. : РОССПЭН, 2000. С. 19.

⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 335. Л. 8.

⁶ Там же. Ф. 2863 (Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Саратовской области). Оп. 6. Д. 8. Л. 172.

⁷ Там же. Ф. 594 (Саратовский обком КП РСФСР). Оп. 1. Д. 25 Л. 31.

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 3. Конец 1930–1933. М. : РОССПЭН, 2001. С. 414.

¹⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 25. Л. 26.

¹¹ Там же. Д. 51. Л. 22.

¹² Там же. Д. 25. Л. 33.

¹³ Там же. Л. 30.

¹⁴ Там же. Ф. 2863. Оп. 6. Д. 8. Л. 165.

¹⁵ См.: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. С. 99.

¹⁶ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 487. Л. 26.

¹⁷ Там же. Д. 55. Л. 31.

¹⁸ Там же. Д. 51. Л. 54–55.

¹⁹ *Зеленин И. Е.* Коллективизация и единоличник (1933 – первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 41.

²⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 2863. Оп. 6. Д. 8. Л. 170.

²¹ См.: Правда Саратовского края. 1934. 27 сент.

²² См.: Примерный устав сельскохозяйственной артели // Известия. 1935. 18 февр.

²³ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Т. 4 : Конец 1934–1936. М. : РОССПЭН, 2002. С. 636.

Поступила в редакцию 10.10.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 10.10.2020, revised 20.10.2020, accepted 05.11.2020

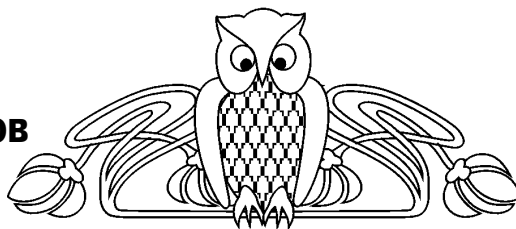

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 116–121
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 116–121

Научная статья
УДК [93+2](470.44)1930
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-116-121>

Конфессиональное многообразие Саратовского Поволжья 1930-х годов

Ж. В. Яковлева

Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Яковлева Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, специалист по учебно-методической работе, старший преподаватель кафедры гуманитарного и эстетического образования, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>

Аннотация. На основе переписи населения и архивных материалов в статье рассматривается конфессиональное многообразие Саратовского Поволжья в конце 1920-х – начале 1940-х гг. На данной территории преобладало православие, однако характерной чертой региональной жизни всегда была поликонфессиональность, обусловленная историческими и геополитическими факторами. Характеризуется конфессиональное пространство Саратовского Поволжья; дается количественное соотношение различных конфессий.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, 1930-е годы, православие, католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм, советская власть, антирелигиозная кампания

Для цитирования: Яковлева Ж. В. Конфессиональное многообразие Саратовского Поволжья 1930-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 116–121. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-116-121>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-116-121>

Confessional diversity of the Saratov Volga region of the 1930s

Zhanna V. Yakovleva, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>

Saratov Regional Institute of Education Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Abstract. Based on the population census and archival materials, the article examines the confessional diversity of the Saratov Volga region in the late 1920s – early 1940s. Orthodoxy prevailed in this territory, however, a characteristic feature of regional life has always been polyconfessionalism, due to historical and geopolitical factors. In the article, the author characterizes the confessional space of the Saratov Volga region and gives a quantitative ratio of various confessions.

Keywords: Saratov Volga region, 1930s, orthodoxy, Catholicism, Protestantism, Islam, Judaism, Soviet authority, anti-religious campaign

For citation: Yakovleva Zh. V. Confessional diversity of the Saratov Volga region of the 1930s. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 116–121 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-116-121>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Исторически сложилось так, что территория Саратовского Поволжья в первые десятилетия XX в. представляла собой уникальный конгломерат многих народов, религий и культур, взаимовлияние которых существенно отражалось на хозяйственном и культурном облике региона.

О численности и этническом составе населения можно судить по переписи 1926 г. Ее данные, обработанные автором применительно к региону исследования, приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, общая численность населения региона в 1926 г. превышала 3,6 млн чел. Это позволяет говорить об исследуемом регионе

как о достаточно густонаселенном во второй половине 1920-х гг. (для сравнения: численность населения Саратовской области по переписи 2010 г. составляла 2,5 млн чел.). Свыше 3/4 населения проживало в Саратовской губернии, остальные – в АССР Немцев Поволжья, которая существовала до 6 сентября 1941 г. Основная часть территории АССР Немцев Поволжья вошла в состав Саратовской области и Пугачевского уезда Самарской губернии.

Этнический состав согласно данным табл. 1, был относительно однородным – свыше 3/4 населения составляли русские, что касается оставшейся части, то в ней оказались десятки этносов.

Таблица 1

Этнический состав Саратовского Поволжья (по переписи 1926 года)¹

Основные этносы	Общая численность, чел.				Удельный вес в общем количестве населения, %
	Саратовская губерния	АССР Немцев Поволжья	Пугачевский уезд Самарской губернии ²	Всего	
Русские	2 345 150	116 561	277 846	2 739 557	75,56
Немцы	41 214	379 630	542	421 386	11,62
Украинцы	202 279	68 561	23 559	294 399	8,12
Татары	115 313	2 109	1 095	118 517	3,27
Чуваши	17 153	86	59	17 298	0,48
Евреи	7 485	374	16	7 875	0,22
Казахи	4 876	1 353	123	6 352	0,18
Мордва	75	1 429	4 628	6 132	0,17
Белорусы	2 137	508	1 172	3 817	0,11
Башкиры	15	13	3 592	3 620	0,10
Поляки	2 130	12	45	2 187	0,06
Эстонцы	253	753	19	1 025	0,03
Латыши	640	338	-	978	0,03
Армяне	490	26	11	527	0,01
Другие этносы	822	129	824	1 775	0,04
Всего	2 740 032	571 882	313 531	3 625 445	100

Составлено и рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–29. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13; Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25; Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. 1188. Оп. 1. Д. 150. Л. 12, 42–56; Население Самарской губернии по данным Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. Самара: Издание Самарского Губстатотдела, 1928. С. 10.

Второе место по численности населения в регионе уверенно занимали немцы (11,62%). В Республике Немцев Поволжья они составляли свыше 66% населения. Заметно их присутствие было в Саратовской губернии и Пугачевском уезде. Немцы Поволжья являлись потомками переселенных в 1760-х гг. по Манифесту императрицы Екатерины II иностранных колонистов, главным образом, выходцев из германских государств³.

Третьим по численности в регионе являлся украинский этнос (8,12%). Переселение украинцев в Саратовское Поволжье восходит к началу XVIII в. Ими был основан соляной промысел. Соль добывалась на оз. Эльтон и перевозилась на волах в Покровскую слободу, откуда развозилась по Волге в другие регионы. Следом за украинцами, уступая им почти в 2,5 раза и занимая 4-е место, шли татары (3,27%). Почти все они проживали в правобережье Саратовской губернии.

Следующим по численности этносом были чуваша (чуть менее 0,5% от всей численности населения региона), за ним, составляя примерно по 0,2% численности региона, шли евреи, казахи, мордва. Башкиры составляли 0,1% и проживали в Пугачевском уезде. Численность всех остальных этносов, населявших регион, не превышала 0,05% и исчислялась сотнями и десятками человек. Среди них можно отметить переселившихся в Саратовское Поволжье в XIX – начале XX в. поляков и белорусов (проживали в основном в городах), а

также эстонцев и латышей (их села располагались на территории Республики Немцев Поволжья).

Еще более сложным в начале XX в. был конфессиональный состав населения. Судить о нем можно на основании материалов общей переписи населения 1897 г. (табл. 2). К сожалению, в переписи 1926 г. вероисповедание граждан не указывалось.

Из табл. 2 следует, что в конце XIX в. в Саратовском Поволжье свыше 3/4 населения являлись последователями Русской православной церкви. В материалах переписи в одну группу с ними включены единоверцы. Старообрядцев в регионе насчитывалось 6% от всего населения.

Второй по численности группой верующих были протестанты разных исповеданий, их удельный вес составлял свыше 10%. Среди протестантских деноминаций подавляющим по численности было лютеранство – почти 9%.

Третьим по числу приверженцев был ислам. Мусульмане составляли около 5%. Следом за ними шли католики – свыше 3%.

Во второй половине 1920-х гг. Царицынский и Камышинский уезды входили во вновь образованную Царицынскую, позднее – Сталинградскую губернию. Немецкие села Камышинского уезда в 1918 г. вошли в состав области немцев Поволжья (с 1924 г. – АССР Немцев Поволжья), поэтому сведения о приверженцах западнохристианских конфессий Камышинского уезда, оказавшихся на

Таблица 2

Конфессиональный состав населения Саратовского Поволжья (по переписи 1897 г.)⁴

Вероисповедание	Общая численность, чел.			Удельный вес приверженцев конфессии, в % от всего населения региона
	Саратовская губерния (без Царицынского и Камышинского уездов)	Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии ⁵	Всего	
Православные РПЦ и единоверцы	1 496 567	600 645	2 097 212	75,33
Старообрядцы и «уклоняющиеся от православия»	111 036	57 038	168 074	6,04
Армяно-григориане	168	4	172	Менее 0,01
Католики	33 989	54 980	88969	3,20
Протестанты разных исповеданий (всего), В том числе:	132 116	163 246	295362	10,65
– лютеране	95 760	150 660	246420	8,85
– реформаты	37 088	10832	47920	1,72
– меннониты	169	1094	1263	0,05
– баптисты	307	520	827	0,03
– другие протестанты	20	140	160	Менее 0,01
Мусульмане	94 123	35 869	129992	4,67
Иудеи	2 860	328	3188	0,11
Буддисты и ламаисты	28	-	28	
Другие вероисповедания	21	2	23	
Всего верующих	1 870 908	912 112	2783020	100
Численность всего населения	1 870 908	912 112	2783020	100

Сост. и расчет. по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 76–77; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVI. Самарская губерния СПб., 1904. С. 56–57.

территории АССР Немцев Поволжья, включены в табл. 2.

Новоузенский уезд оказался разделенным между Саратовской губернией и областью немцев Поволжья еще в годы Гражданской войны, Николаевский (позднее – Пугачевский) уезд в 1928 г. вошел в состав Нижневолжского края с административным центром в Саратове.

Относительно крупной религиозной общностью были реформаты (около 2%). Чуть больше 0,1% от населения региона составляли приверженцы иудаизма. Среди малочисленных религиозных общностей в регионе выделялись меннониты и баптисты.

Данные табл. 2 спустя 30 с лишним лет, к концу 1920-х гг., конечно же, не могли отражать полную и объективную картину конфессиональной ситуации в регионе, особенно если иметь в виду численность религиозных сообществ. Однако они все же достаточно точно отражали основные пропорции в соотношении религиозных конфессий, деноминаций и групп в Саратовском Поволжье. Зная численность каждого этноса в Поволжье в 1926 г. и его преимущественное вероисповедание, можно также построить картину, показывающую приблизительный удельный вес каждой из религиозных общностей.

Как видно из табл. 3, даже полученная достаточно условным путем картина конфессио-

нального соотношения в 1926 г. (4-й столбец), весьма близка к конфессиональному соотношению в регионе в 1897 г. рассчитанному на основе конкретных данных о вероисповедании населения, полученных на основе переписи (3-й столбец). Полученный результат подтверждает тот факт, что, несмотря на многие изменения в конфессиональной картине региона, произошедшие к концу 1920-х гг., соотношение (удельный вес) каждой из основных конфессий в регионе оставалось схожим. Достаточно четко просматривается тенденция некоторого увеличения удельного веса приверженцев различных форм православного вероисповедания и иудаизма и, наоборот, сокращение удельного веса этносов, в своей массе исповедовавших различные религии.

Удельный вес в общем количестве населения (в процентах) в 1897 г. рассчитан на основе данных табл. 2. Удельный вес в общем количестве населения (в процентах) в 1926 г. рассчитан на основе данных табл. 1.

Сведения о соотношении немцев-католиков и протестантов получены на основе подсчета численности населения в католических и протестантских селах Республики Немцев Поволжья по переписи 1926 г. Остальные вероисповедания в табл. 3 не учтены ввиду их малочисленности (меньше возможной статистической погрешности).

Таблица 3

Соотношение основных конфессиональных групп в Саратовском Поволжье в 1897 и 1926 годах

Основные этносы	Преобладающее вероисповедание	Удельный вес в общем количестве населения, %	Удельный вес в общем количестве населения в 1926 г., %
Русские, украинцы, белорусы, мордва, армяне, чувашаи	Православие	81,38	84,45
Немцы-католики, поляки, литовцы	Католицизм	3,2	2,96
Немцы-протестанты, эстонцы, латыши	Протестантизм	10,65	8,78
Татары, казахи, башкиры	Ислам	4,67	3,55
Евреи	Иудаизм	0,11	0,22
Всего		100	100

У многих из названных религий имелись еще свои более мелкие ответвления. Саратов был епархиальным центром двух конфессий – православной и католической.

Религиозная картина, которую отражали местные партийные отчеты, отличалась пестротой красок и настораживала власти: «За последнее время влияние попа местами несколько возросло. Этому способствовало ослабление нашего внимания к антирелигиозной пропаганде...»⁶, – говорилось в одном из отчетов за 1927 г. В православии проявляли активность и вели насыщенную религиозную жизнь православная церковь старо-тихоновская, реакционная к советской власти, и сергиевская (григорьевского и обновленческого толка). Григорьевцы – раскольническое церковное течение, сугубо ортодоксальное, пользовалось доверием рядовых верующих, а также находилось в сфере влияния ГПУ (называлось по имени архиепископа Екатеринбургского Григория. – Ж. Я.).

Имелись старообрядческие коллективы: поморцы, брачники и безбрачники, поповцы и беспоповцы, федоровцы, илиодоровцы, единоверцы и др.), а также возникшие на основе православия общины молокан, хлыстов, скопцов, толстовцев, постников⁷.

В Саратовском Поволжье существовали крупные религиозные общины западного христианства: католиков и лютеран, а также более мелкие общины и группы таких протестантских деноминаций и сект, как меннониты, баптисты, евангелисты, адвентисты и др.⁸ Татары, башкиры, казахи исповедовали ислам суннитского толка. Существовали не только иудейские общины, но и группы религиозных сионистов⁹.

Православная церковь была главенствующей. На 1928 г. в среднем один православный храм приходился на 1970 жителей (на район в 188 км²)¹⁰. По губернии было до полутора тысячи православных храмов, которые проводили в среднем до 20 тыс. официальных религиозных мероприятий в месяц, а обновленцев было всего 6%¹¹.

В регионе по переписи 1926 г. проживали свыше 420 тыс. немцев, из них примерно 15 %, т. е.

63,1 тыс. чел., были католиками. Подавляющее их большинство проживало в Республике Немцев Поволжья. Католицизм исповедовали также 2,1 тыс. поляков, проживавших в регионе. Таким образом, в Саратовском Поволжье к началу 1930-х гг. насчитывалось 65,2 тыс. католиков¹². Саратов являлся центром Тираспольской католической епархии, занимавшей огромную территорию, включавшую Поволжье, Кавказ, Украину и Бессарабию. Резиденцией являлся католический кафедральный собор Св. Клеменса, располагавшийся на бывшей Немецкой улице (ныне кинотеатр «Пионер» на проспекте им. Кирова).

Римско-католическая церковь пришла к 1929 г. с большими потерями – экономическими, людских ресурсов среди священнослужителей и приверженцев религии.

Агитация и пропаганда в основном усилиями организаций Союза воинствующих безбожников оказывали свое негативное действие на приверженцев католицизма. По мнению некоторых авторов, к концу 1920-х гг. римско-католическая церковь практически прекратила свое существование¹³. Однако информация, почерпнутая из источников, свидетельствует о том, что католические приходы, особенно в селах, продолжали свою активную жизнь, несмотря на тяжелое положение католической церкви в СССР в целом.

В сложном положении к концу 1920-х гг. находились и протестантские деноминации. Евангелическо-лютеранский приход Святой Марии в Саратове объединял 16,4 тыс. прихожан, что составляло 1,8% от общего числа немцев-прихожан всех 194 протестантских общин в России, он входил в десятку самых многочисленных приходов. После принятия «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» евангелическо-лютеранская церковь почувствовала на себе лишения, которые, так или иначе, коснулись всех конфессий.

Церковь была лишена экономической основы, имущества и банковских вложений, земель и церковных зданий, а также возможности заниматься любой благотворительной деятельностью. Все духовные учебные заведения вместе с движимым

и недвижимым имуществом – зданиями и надворными постройками, земельными участками и всем имуществом – были переданы в ведение Совета народных комиссаров¹⁴. Евангелическо-лютеранская церковь больше не занималась регистрацией актов гражданского состояния, религиозным обучением и воспитанием. Большевики считали, что такими действиями добьются полного прекращения ее деятельности.

В многоконфессиональном обществе региона на 3-м месте по численности верующих находился ислам, уступая лишь православию и протестантизму (конкретно – лютеранству). По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Саратовского Поволжья (Саратовская губерния, Республика немцев Поволжья, Пугачевский уезд Самарской губернии) проживали примерно 120 тыс. мусульман (подсчет сделан автором на основе статистических данных Всесоюзной переписи населения 1926 г.)¹⁵.

На 1928 г. мусульманское население проживало в сельской местности и на 90 % было занято сельским хозяйством. Центральным духовным управлением оно было разделено на 4 районных мухтасибата, руководителями которых являлись мухтасибы, выбираемые на съезде мулл и представителей верующих¹⁶. Татары компактно проживали в Базарно-Карабулакском, Дергачевском, Ершовском, Петровском районах. Некоторые села в этих районах были чисто татарскими. Довольно много татар проживало в Саратове, Хвалынске¹⁷. Казахи проживали в восточных районах Саратовской губернии, башкиры – в Пугачевском уезде.

В рамках общей, более мягкой к исламу, чем к православию, политики власть часто закрывала глаза на многие каноны и практики мусульман, даже противоречившие идеологическим принципам нового советского государства. В регионе насчитывалось около 220 мечетей, которые обслуживали примерно 450 духовных лиц (по 1–2 муллы и азанчи на мечеть)¹⁸.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 30 мая 1928 г. все ранее разрешенные послабления в области религиозного образования были аннулированы. Закрывались мусульманские религиозные школы, запрещались любые формы религиозного образования¹⁹.

В целом же борьба с исламом в 1920-е гг. была малоэффективной, а методы достаточно универсальны: организация революционных праздников в канун религиозных, усиление политпросветработы, расширение сети советских школ, открытие изб-читален, пунктов ликвидации неграмотности, выпуск новых учебников и научно-популярной антирелигиозной литературы и др.

Самой малочисленной из основных конфессий в Саратовском Поволжье были иудеи. Как уже отмечалось, по данным переписи 1926 г., число евреев в регионе составляло 7 875 чел. Тем не менее иудаизм также ощущал на себе давление власти.

Противостояние советской власти основным конфессиям (православию, лютеранству, католицизму, исламу, иудаизму) в конце 1930-х гг. продолжалось. Ответной реакцией на антирелигиозный нажим был уход церквей в подполье²⁰.

В то же время отмеченная тенденция являлась еще и следствием развертывания гонений на основные конфессии. В этой связи необходимо отметить, прежде всего, некоторые экзотические секты, появившиеся в 1920-х гг. Так, в г. Саратов были скопцы, на территории бывшей Саратовской губернии обитали маленькие группы чуриковцев (последователи Чурикова из Ленинградской области), гермогеновцы (последователи Гермогена), «в одном из мест» религиозная группа «За веру и царя», на Увек в пригороде Саратова секта «Свободная любовь», которая (по мнению автора отчета) напоминала танцующих братьев и хлыстов²¹.

Наиболее активно из неосновных конфессий проявляли себя баптисты – представители одной из ветвей протестантизма. Как уже отмечалось, их численность за 1920-е гг. заметно выросла. Причем подавляющая часть баптистов были русскими. Они в основной своей массе проживали в Саратовском, Новоузенском, Вольском, Екатериновском, Балашовском районах²².

Молокане проживали в Балашовском, Аткарском, Екатериновском районах. Молокане имели молочные хозяйства, объединялись в кооперативы.

Сохранились свидетельства о деятельности хлыстов. В Саратове хлыстовская община «постников» насчитывала 100 чел. Один из членов саратовской общины даже занимал «руководящий пост» в системе советских органов власти²³.

Значительной протестантской деноминацией являлись меннониты, переселившиеся в регион из Пруссии в середине XIX в. Они были крупными производителями сельскохозяйственной продукции, применяли передовые методы и технологии выращивания зерна. Большинство из них являлись зажиточными крестьянами.

Активными были и адвентисты, которые также издавали и распространяли свою литературу. В немецких поселениях большую активность проявляли штундисты, бетбрудеры (молящиеся братья) и танцбрудеры (танцующие братья). Эти западнохристианские секты также были не особенно терпимы к советской власти. Бетбрудеры сильно активизировались в Палласовке, Маркштадте, Каменке, Зельмане, собирали собрания и проводили конференции²⁴.

В Саратовском Поволжье имелась и секта иудейского происхождения – религиозные сионисты, которые признавали советскую власть, но воспринимали ее как неизбежное зло и ожидали ее падения. Также они призывали бороться с сектантством и церковью, а после падения советской власти сионисты должны были организовать «новое царство»²⁵.

В целом к концу 1920-х гг. местная власть

с беспокойством отмечала «огромные» размеры средств, затрачиваемых населением в поддержку церкви, наличие у православных, католиков и лютеран «сотен платных работников», указывалось, что каждая из перечисленных конфессий имеет за счет населения финансовые средства, которые «значительно превышают объединённые бюджеты партии и профсоюзов»²⁶.

Таким образом, разгромив церковь к середине 1930-х гг., большевистская власть не смогла уничтожить религиозную жизнь, которая продолжалась полулегально и нелегально, несмотря на гонения и репрессии.

Примечания

- ¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года : в 56 т. М. : Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Т. 9. С. 34–51 ; Т. 10. С. 9–13 ; Т. 11. С. 8–17 ; Т. 14. С. 6–16 ; Т. 15. С. 8–13 ; Т. 16. С. 8–12 ; Т. 17. С. 8–25.
- ² Население Самарской губернии по данным Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. Самара : Издание Самарского Губстатотдела, 1928. С. 10.
- ³ Подробнее об этом см.: *Герман А. А., Плева И. Р.* Немцы Поволжья. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. 144 с.
- ⁴ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года : в 89 т. Т. XXXVIII : Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 76–77.
- ⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVI : Самарская губерния. СПб., 1904. С. 56–57.
- ⁶ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55 (Нижне-Волжский крайком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- ⁷ Подробнее об этом см. : *Яковлева Ж. В.* «Марш отсюда... Церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!» :
- Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). Саратов : Технодекор, 2020. 252 с.
- ⁸ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- ⁹ Там же. Ф. 27 (Саратовский губком ВКП(б)). Оп. 4. Д. 729. Л. 12 об. ; Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- ¹⁰ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки : в 10 вып. Вып. IV : Народность и родной язык населения СССР. М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 69–70.
- ¹³ См., например: *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. С. 61.
- ¹⁴ *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М. : Готика, 1999. С. 77.
- ¹⁵ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки. Вып. IV. С. 67, 69.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 729. Л. 13-13об.
- ¹⁷ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Гусева Ю. Н., Рябов В. В.* Особенности духовной жизни мусульманских приходов Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестник Московского городского педагогического университета, 2012. № 2(10). С. 70.
- ²⁰ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94 об ; Д. 79. Л. 48 и др.
- ²¹ Там же. Д. 113. Л. 93.
- ²² Там же. Д. 79. Л. 48.
- ²³ Там же. Д. 113. Л. 94об.
- ²⁴ Там же. Ф. 1 (Обком ВКП(б) АССР Немцев Поволжья). Оп. 1. Д. 1545. Л. 97–97об.
- ²⁵ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 1. Д. 179. Л. 156.

Поступила в редакцию 20.10.2020, после рецензирования 23.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 20.10.2020, revised 23.10.2020, accepted 05.11.2020

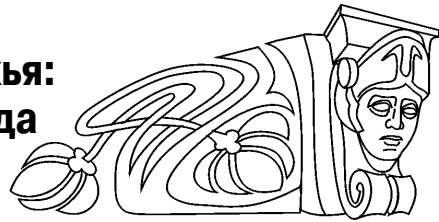
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 122–128
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 122–128

Научная статья

УДК 94(=112.2)(470.44/45)1941

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-122-128>

Население Республики Немцев Поволжья: жизнь и труд в июне–сентябре 1941 года (к 80-летию событий)

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 83

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Аннотация. В статье исследуются изменения, произошедшие в жизни и трудовой деятельности населения Республики Немцев Поволжья в условиях чрезвычайного положения, вызванного началом войны. Анализируется трансформация политики государства по отношению к поволжским немцам: от подчеркнутой лояльности до глухой враждебности и их выселению из региона. Особое внимание уделено рассмотрению реакции немецкого населения на начало войны, участию населения в мероприятиях, вызванных войной: военной мобилизации, приему и размещению эвакуированных предприятий и беженцев, созданию истребительных отрядов и народного ополчения. Наиболее важным событием, потребовавшим больших усилий граждан, стала уборка богатого урожая. Дается оценка участию поволжских немцев в контрпропагандистской кампании, направленной на вооруженные силы и население Германии. В связи с крупными неудачами на фронте в качестве перестраховочной меры в сентябре 1941 г. немецкое население Поволжья было выселено в Сибирь и Казахстан.

Ключевые слова: Республика Немцев Поволжья, население, война, труд, мобилизация, уборка урожая, донорство, фонд обороны, контрпропагандистская кампания, выселение

Для цитирования: Герман А. А. Население Республики Немцев Поволжья: жизнь и труд в июне–сентябре 1941 года (к 80-летию событий) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 122–128. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-122-128>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-122-128>

Population of the Volga German Republic: Life and labour in June – September 1941 (for the 80th anniversary of the events)

Arkady A. German, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The author of the article examines the changes that occurred in the life and work of the population of the Volga German Republic under the state of emergency caused by the outbreak of the war. The article examines the transformation of the state's policy towards the Volga German: from emphasized loyalty to deaf hostility and their eviction from the region. Special attention is paid to the reaction of the Volga German population to the beginning of the war, the participation of the population in activities caused by the war: military mobilization, reception and placement of evacuated enterprises and refugees, the creation of fighter detachments and militia. The most important event that required great efforts of citizens was the harvesting of a rich harvest. The article reveals the participation of the Volga German in a counter-propaganda campaign aimed at the armed forces and the population of Germany. Due to major failures at the front as a reinsurance company in September 1941 the German population of the Volga region was evicted to Siberia and Kazakhstan.

Keywords: Volga German Republic, population, war, labor, mobilization, harvesting, donation, defense Fund, counter-propaganda campaign, eviction

For citation: German A. A. Population of the Volga German Republic: life and labour in June–September 1941 (for the 80th anniversary of the events). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 122–128 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-122-128>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Приближающееся 80-летие начала Великой Отечественной войны вновь активизировало интерес и внимание как исследователей, так и всех россиян к первым неделям и месяцам войны, которые до сих пор хранят еще много тайн и малоизвестных сюжетов. Недостаточно исследованы жизнь немецкого населения Поволжья в период от начала войны и до выселения в Сибирь и Казахстан, его вклад в грядущую победу, что обуславливает определенную актуальность темы настоящей статьи.

Известие о начале войны для граждан АССР Немцев Поволжья (далее – АССР НП) оказалось таким же неожиданным, как и для всего советского народа. В тот день 22 июня работал пленум обкома ВКП (б) Республики, рассматривавший актуальные хозяйственные вопросы. Его плановая работа была нарушена. Были обсуждены и сформулированы главные задачи момента: «дать стране больше хлеба, мяса, шерсти, молока и других сельскохозяйственных продуктов», успешно провести мобилизацию всех ресурсов, «еще теснее сплотиться вокруг советского правительства, вокруг любимого нашего вождя и учителя товарища Сталина»¹. Пленум завершился совещанием секретарей кантональных комитетов партии, которые получили указания по организации и проведению агитационно-массовых патриотических мероприятий среди населения в связи с началом войны.

Первым мероприятием общереспубликанского масштаба стало проведение митингов в столице Немреспублики Энгельсе, городах Маркштадте и Бальцере, других кантональных центрах, во многих крупных селах. К митингам удалось привлечь свыше 270 тыс. чел. Выступавшие продемонстрировали свои патриотические чувства и уверенность в грядущей победе над фашизмом. Чувства патриотизма и возмущения агрессией у большинства граждан были вполне искренними. Об этом свидетельствует как документальный материал архивов, так и интервью, взятые в разное время автором у десятков очевидцев событий, происходивших в АССР НП в первые дни после начала войны. Только в первые 3 дня войны свыше 2 тыс. граждан Республики изъявили желание добровольно вступить в ряды РККА².

Вечером 22 июня по указанию Правительства СССР был введен в действие мобилизационный план. На следующий день с утра открылись призывные и сборно-сдаточные пункты, проведено оповещение повестками подлежащих мобилизации призывников, поставщиков техники и других ресурсов из народного хозяйства. Далее призывники и техника стали прибывать на сборные пункты, разворачивались госпитали. За исключением нескольких фактов в целом эти мероприятия прошли организованно, по плану. Регулярные тренировки и учения принесли свои плоды³.

В эти дни недоумение и недовольство многих мужчин-немцев, особенно молодежи, вызвал тот

факт, что военкоматы отказывались их призывать в ряды Красной Армии. «Как в партийные органы, так и в военкоматы, – отмечалось в одном из докладов в центр, – обращается очень много людей с просьбой разъяснить им, почему их не берут, а на объяснение, что сейчас пока требуются люди определенных военных специальностей, просят зачислить их в любой род войск»⁴.

Начало войны вызвало в Немреспублике и некоторые негативные явления. В магазинах увеличились очереди за продуктами и предметами первой необходимости, возросло число уголовных преступлений. Своевременными и жесткими мерами сотрудников НКВД и милиции уголовники были изолированы⁵.

В Республике имели место также «панические и пораженческие слухи и настроения» (здесь и далее в кавычках приводятся слова и фразы, взятые из документов.) Кто-то говорил о том, что Гитлер «доберется до Москвы, чтобы положить конец большевикам». Кто-то утверждал, что «в ближайшее время Япония нападет на СССР». Были и такие, которые прогнозировали, что «в ближайшем будущем можно ждать первых парашютных десантов германских войск»⁶. Сохранились воспоминания начальника Саратовского областного управления милиции К. И. Степанченко о том, как на окраине одного немецкого села, где ему пришлось быть в июле 1941 г., большая группа жителей у газетной витрины активно обсуждала ситуацию на фронте: «Проходя мимо, мы услышали, как кто-то из стоявших нарочито громко прокомментировал по-русски сообщение Информбюро о наступлении фашистских войск: “Молодцы! Быстро продвигаются...”». А другой голос добавил: “Скорее бы”. А ведь мы были в милицейской форме»⁷.

Обо всех подобных случаях информировалось центральное руководство страны в регулярных донесениях руководства АССР НП. Эти и подобные им примеры при ознакомлении с ними высших руководителей страны не могли оставаться без последствий. Они негативно влияли на отношение к немцам Поволжья и их Республике как в центре, так и на местах, бросали тень на весь народ и провоцировали власти на репрессивные действия.

Органами НКГБ Республики были «разоблачены» отдельные «контрреволюционные формирования фашистско-эмиграционного направления», которые «сеяли панику в народе с одновременным восхвалением гитлеризма». Однако документы, предоставленные исследователям архивом УФСБ России по Саратовской области, говорят об отсутствии в Республике каких-либо организованных прогерманских тайных организаций⁸. Что касается «контрреволюционеров», то их жестоко наказывали. Так, один из тайных слушателей германского радио «за проявление пораженческих антисоветских настроений» получил 10 лет лишения свободы⁹.

По данным А. Кичихина, с 22 июня по 10 августа 1941 г. в Республике немцев Поволжья были арестованы 145 чел., в том числе по обвинению в шпионаже – 2 чел., террористических намерениях – 3, диверсионных намерениях – 4, участия в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях – 36, в распространении пораженческих и повстанческих высказываний – 97 чел.¹⁰ Как видим, речь идет все же о единичных фактах. Подавляющее большинство жителей Немреспублики как на словах, так и на деле, выражали свой патриотизм, трудом вносили вклад в грядущую победу.

К июлю в Немреспублике созрел богатый урожай. Государством был определен план хлебосдачи на 1941 г. в размере 354 509,1 т зерновых. Поэтому важнейшей хозяйственной задачей стала уборочная кампания и хлебозаготовки. Выполнение этой задачи требовало больших усилий и напряжения. Первоначально к уборке урожая были подключены тотально все без исключения семьи колхозников, рабочих совхозов, учащиеся 7–10 классов сельских школ. Позднее, с 28 июня, в соответствии с решением руководства АССР НП на уборку в села мобилизовывались жители городов, рабочих поселков и кантональных центров: служащие учреждений, студенты, учащиеся старших классов, домохозяйки. Проезд к месту работы и назад – домой – а также питание в период командировки осуществлялись за счет колхозов и совхозов.

Командированным на уборку в село служащим сохранялась их заработная плата по месту постоянной работы. В уборке урожая летом 1941 г. участвовали свыше 40 тыс. жителей городов, рабочих поселков, кантональных центров. Все средства, заработанные ими в командировке, за вычетом расходов на питание, передавались в фонд обороны страны¹¹.

В августе пошли дожди, которые затруднили сбор урожая и поставили под угрозу выполнение плана хлебозаготовок. Руководством АССР НП было издано специальное постановление, требовавшее от нижестоящего партийного аппарата «немедленно мобилизовать на быстрейшую уборку урожая в колхозы и совхозы все работоспособное население колхозов, МТС, совхозов и максимальное количество работников из государственных учреждений кантональных центров и других организаций кантона». Одновременно была объявлена мобилизация в организациях, учреждениях и у частных владельцев всего рабочего скота (лошадей, волов, верблюдов, а также нестельных коров и молодых бычков), повозок, сельхозинвентаря.

13 июля последовало решение ЦК ВКП (б), разрешавшее колхозам и совхозам выполнение плана хлебозаготовок за счет оставшихся у них с предыдущего года общественных зерновых фондов (продовольственного, фуражного, семенного). Сдавая наличный хлеб, колхозы и совхозы все

крестьянство оставались фактически наедине со своими проблемами уборки урожая, еще находившегося на полях. Тем не менее завышенный план хлебосдачи выполнить быстро не удавалось.

В результате в специальной директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 20 августа руководство АССР НП было подвергнуто резкой критике. Центр потребовал коренным образом улучшить ход уборочных работ. В соответствии с этой директивой в колхозы и совхозы направлялись ответственные партийные и советские работники с заданием к 1 сентября обеспечить выполнение июльского и августовского планов хлебозаготовок. В следующие дни в левобережье, где шла основная уборка урожая из правобережных кантонов были переброшены 1600 колхозников, 1040 голов рабочего скота, 520 подвод и 50 лобогреек. Занятия в школах, находившихся в сельской местности, должны были начинаться с 15 сентября, а занятия в техникумах – с 1 октября. Эти и другие меры ускорили процессы уборки хлеба и его сдачи государству.

Однако обнаруженное и опубликованное 30 августа в форме Указа Президиума Верховного Совета СССР решение советского руководства о переселении немцев Поволжья (свыше 60% населения АССР НП) объективно отодвинуло проблему хлебозаготовок на задний план, привело к полной дезорганизации этой кампании на местах. Фактически незамеченным осталось постановление Совнаркома и бюро обкома ВКП (б) АССР НП от 5 сентября, фиксирующее факт остановки уборочной кампании и требовавшее ее возобновления. Выселялась основная масса населения, убирать и вывозить хлеб на тока становилось просто некому.

В ту осень на полях бывшей Немреспублики осталось нескошенным, невывезенным, большое количество выращенного хлеба, другой сельхозпродукции.

20 августа 1941 г. в Энгельсе и Марксштадте (ныне г. Маркс Саратовской области) была введена продажа хлеба, сахара и кондитерских изделий по карточкам¹².

Серьезные изменения война внесла в развитие промышленности в Немреспублике. По указанию центра было «заморожено» строительство всех объектов, не имевших военного значения. Крупнейшим среди них стал «Энгельсстрой» – мелиоративная система в окрестностях столицы). Кроме того, «жертвами» этого решения стало много мельниц, маслозаводов, швейных, кожевенных, красильных мастерских и других объектов. Самое крупное предприятие Немреспублики – марксштадтский завод «Коммунист» в течение месяца перепрофилировался на производство боеприпасов. На нужды армии и фронта шла и продукция большинства других предприятий¹³.

Немреспублика в те летние месяцы находилась еще далеко от линии фронта и потому туда отправляли некоторых эвакуированных и

беженцев. Задачу по их приему решала специальная комиссия под руководством заместителя председателя Совнаркома АССР НП Я. Вейлerta.

В период с 13 июля по 26 августа 1941 г. в Энгельс был эвакуирован и там размещен, смонтирован завод № 213 Наркомата авиационной промышленности СССР. Ближе к осени в Республику прибыли и разместились в Энгельсе, Бальцере (в настоящее время г. Красноармейск Саратовской области), поселке Красный Текстильщик эвакуированные текстильные предприятия. Им были предоставлены помещения сельхозинститута, школ, клубов, церквей. По колхозам и совхозам распределялся поступавший эвакуированный скот. Его размещением также занималась специальная комиссия.

Под размещение Наркомата финансов РСФСР и Государственного арбитража при Совнаркоме СССР в Энгельсе выделялись здания клуба Немкустпромсоюза, школы № 23 и Дома профсоюзов. В помещениях Немгоспединститута разместили прибывшую из Ленинграда военно-морскую школу ПВО¹⁴.

На основании постановления ГКО СССР от 15 июля 1941 г. на территории АССР НП началось строительство шести военных аэродромов, которое осуществлялось мобилизованным населением в июле – сентябре 1941 г. Аэродромы строились вблизи населенных пунктов Безымянный, Мариенталь (ныне с. Советское в Советском районе Саратовской области), Урбах, Нахой, Фриденфельд (в настоящее время с. Комсомольское Краснокутского района Саратовской области), Лепехинка. Причем аэродром под Нахоем (объект № 439) должен был быть построен с твердым покрытием. Руководство всем аэродромным строительством осуществлял Нарком внутренних дел АССР НП Н. Великанов. В его распоряжение поступило свыше 50 единиц тракторов и автомобилей из близлежащих МТС, совхозов и колхозов¹⁵.

Все вышеназванные мероприятия в первую очередь ударили по системе образования в Немреспублике. В короткий срок она фактически перестала существовать. Первым прекратил свою деятельность сельскохозяйственный институт. Его работа была «приостановлена на период военных действий», а педагоги и студенты – отправлены в МТС, совхозы и колхозы. Чуть позже такая же судьба постигла сельские школы, а также лишившиеся своих помещений средние специальные учебные заведения и многие городские школы. Бюро обкома ВКП (б) пыталось решать вопрос о размещении студентов и школьников, лишившихся зданий своих институтов, техникумов, школ, однако проблема эта так и осталась нерешенной. В сентябре же необходимость ее решения отпала и вовсе. В конце сентября был ликвидирован Немцкий педагогический институт¹⁶.

Еще одной жертвой военных обстоятельств стала республиканская пресса. В июле «временно до особого указания ЦК ВКП (б)» пере-

стали выходить журнал «За коммунистическое просвещение», республиканская пионерская газеты «Юнгер Штюрмер» и многотиражки на прядильной фабрике им. Самойловой в Красном Текстильщике и в совхозе «Спартак». В августе по указанию ЦК ВКП (б) ежедневные республиканские газеты «Нахрихтен» и «Большевик» стали выходить лишь 3 раза в неделю. С ними были «слиты» соответствующие комсомольские газеты. Периодичность выхода кантональных газет также сократилась до 3-х раз в неделю, эти газеты сократили свой объем в 2 раза (двухполосный формат)¹⁷.

В первые дни войны в АССР НП был создан спецштаб по борьбе с десантами и диверсантами противника. Его возглавил Председатель Совнаркома, начальником штаба стал нарком госбезопасности. Как и везде в СССР, в АССР НП было налажено проведение мероприятий по военной подготовке населения, организации противовоздушной обороны, предотвращению высадки десантов и диверсионных актов. На всех важнейших предприятиях АССР немцев Поволжья была создана военизированная охрана.

Создавались и обучались группы ПВО, осуществлялась светомаскировка, отрабатывалась организация полного затемнения городов и поселков, охраны и обороны важнейших объектов народного хозяйства, инфраструктуры. Все эти задачи выполняли группы самозащиты (они создавались из «надежных людей» – работников данных объектов), а также истребительные отряды. В конце августа был создан штаб ПВО АССР НП¹⁸.

Гораздо раньше, в начале июля во всех кантонах были сформированы истребительные отряды, которые должны были обнаруживать и уничтожать диверсионные группы, воздушные десанты противника. В истребительные отряды проводился тщательный отбор. В их составе было много немцев, ряд истребительных отрядов немцы возглавляли. Все бойцы истребительных отрядов проходили специальную подготовку в объеме 70 ч, в ходе которой предусматривалось изучение тактики, саперного дела, обучение стрельбе из оружия, проводилась строевая и физическая подготовка¹⁹.

13 июля бюро обкома ВКП (б) приняло решение о создании на территории АССР НП отрядов народного ополчения. Их надлежало создавать в г. Энгельсе и каждом кантоне на добровольной основе по территориально-производственному принципу. В ополчение принимались «лучшие из лучших». Со всеми ополченцами проводилось без отрыва от производства военное обучение. К середине августа 1941 г. народное ополчение Республики насчитывало 11 193 чел., из которых 2 635 были женщинами. Как и в истребительных отрядах, в ополчении более половины состава и целый ряд командиров являлись немцами²⁰.

3 августа 1941 г. в АССР НП было создано республиканское отделение фонда обороны.

Примечательно, что к этому времени жителями Республики для фронта было уже собрано свыше 161 тыс. руб. – сумма по тем временам немалая, свидетельствующая о широком распространении патриотических чувств среди населения немецкой автономии²¹.

В июле – начале августа жители Немреспублики участвовали в масштабной контрпропагандистской кампании, организованной и проводившейся советским руководством, направленной на вооруженные силы и население Германии. По указанию центра руководством Республики был разработан план проведения митингов, подготовки писем и обращений из городов и кантонов АССР НП в адрес населения Германии и личного состава ее вооруженных сил. План, расписанный по датам, определял, в какой день и в какие часы каждый из 22 кантонов должен был проводить митинги или собрания представителей различных социальных и профессиональных групп населения (рабочих, колхозников, механизаторов МТС, представителей различных групп интеллигенции (учителей, творческих работников и т. д.), военнослужащих и др.) и представлять обращения и резолюции их участников в обком ВКП (б). Все резолюции в тот же день направлялись в ЦК ВКП (б). Часть их публиковалась в центральных газетах, остальные использовались в радиопередачах на Германию в качестве листовок для «распропагандирования» германских войск. Всего в ходе контрпропагандистской кампании было проведено свыше 300 митингов и собраний²².

Естественно, наиболее важными были обращения к населению Германии высших руководителей АССР немцев Поволжья. Председатель Верховного Совета АССР НП К. Г. Гофман говорил: «С чувством величайшей тревоги мы думаем о вас, страдающих под гнетом гитлеровской шайки жалких вырожденков, гнусных разбойников и головорезов, затоптавших в грязи и крови все лучшее, что есть в трудолюбивом и культурном германском народе... Солдаты, рабочие, крестьяне, интеллигенция Германии! Не проливайте своей крови во имя разбойничьих целей Гитлера! Поверните ваше оружие против вашего заклятого врага Гитлера и всей его кровавой банды насильников. Лишь после уничтожения Гитлера и его своры вы сможете зажить свободной и счастливой жизнью. Долой кровавый фашизм! Восставайте на борьбу за свободную Германию!».

Вслед за обращением К. Г. Гофмана в эфире прозвучало выступление председателя Совнаркома Немреспублики А. И. Гекмана: «Жизнь немцев Поволжья в стране Советов свободна, радостна и зажиточна. Жизнь трудового народа Германии под господством фашистской клики является сплошным кошмаром, полна страданий, неслыханного гнета и лишений... Поверните штыки против фашистских людоедов, помогите народам стеречь с лица земли агрессоров, освободить народы от

ужаса, бедствия и страдания, в которые повергли их германские фашисты»²³.

Все другие документы (обращения, резолюции и письма «трубящихся») едва ли не буквально повторяют содержание выступлений руководителей АССР НП и похожи друг на друга. В них обязательно проводятся две идеи: как «зажиточно, культурно и счастливо» живут и совершают трудовые подвиги немцы в АССР НП; как плохо, «в нужде и мучениях» живут германские «трубящиеся» под «гнетом фашизма». Все документы заканчиваются призывом к различным слоям населения Германии (социально и профессионально родственным тем, кто принимал резолюцию) поднять оружие против Гитлера «и его своры» и переходить на сторону СССР.

Все выступления, обращения, письма, резолюции, составленные примитивно по шаблону, вряд ли могли как-то повлиять на германских военнослужащих, участвовавших в агрессии против СССР, поскольку те были «заряжены» нацистской пропагандой, воодушевлены быстрыми победами в Европе. Представляется, что во многом по этой причине контрпропаганда с участием немцев Поволжья к середине августа сошла на нет.

В документах обкома ВКП (б) Республики Немцев Поволжья сохранилось описание большого количества фактов «патриотического и трудового подъема трудящихся АССР немцев Поволжья». На основе их анализа можно составить определенное, достаточно объективное представление о реальном вкладе тружеников Немреспублики в грядущую и тогда еще очень далекую победу.

Приведем несколько наиболее характерных примеров.

Трактористка Базельской МТС (Базель – ныне с. Васильевка Марковского района Саратовской области) Унтервальденского кантона (Унтервальден – в настоящее время с. Подлесное Марковского района Саратовской области) Элла Шандер, слесари Визенмиллерской МТС (ныне село Луговское Ровенского района Саратовской области) Зельманского кантона (Зельман – ныне пос. Ровное Саратовской области) Ф. Циммерман, И. Цигельман и токарь Я. Еккель перевыполняли дневные задания в 2–3 раза. Колхозник из села Мангейм (в настоящее время не существует) Гнаденфлюрского кантона (Гнаденфлюр – ныне с. Первомайское Федоровского района Саратовской области) Карл Айферт изобрел специальные волокуши, позволившие в 3 раза поднять производительность труда на вывозе соломы из-под комбайнов. Колхозницы того же села Анна Кексель и Луиза Винтергольцер вместо 300 снопов по норме ежедневно вязали по 500 и более снопов. Почти 2 тыс. женщин заменили на производстве мужчин, ушедших на фронт. Они работали трактористами, комбайнерами, водителями, освоили другие «мужские» специальности.

Работницы и инженерно-технический состав фабрики им. К. Либкнехта в г. Бальцере работали в выходной день и всю заработанную сумму –

10 770 руб. – передали в фонд обороны. Колхозники колхоза им. Сталина Лизандергейского кантона (Лизандерге – ныне с. Калинино Энгельсского района) собрали для раненых бойцов госпиталя в г. Энгельсе по 1 ц масла и молока, 3 ц мяса, 50 кг сыра. Широкое распространение получило донорство. Если до войны в Бальцерском кантоне было всего 4 донора, то к августу 1941 г. их стало 1005. В августе кровь сдали: в Энгельсе – 470 доноров, в Шиллинге (в настоящее время с. Сосновка Красноармейского района Саратовской области) – 233, в Байдеке (ныне с. Луганское Красноармейского района Саратовской области) – 255, десятки и сотни людей в других населенных пунктах²⁴.

В начале статьи говорилось, что массового призыва советских немцев в армию не было. И все же в действующей армии служили немцы, призванные туда до начала войны. Их насчитывалось свыше 16 тыс. чел., главным образом из Поволжья²⁵. До их изъятия с фронта в последние месяцы 1941 г. многие из них смогли проявить высокий патриотизм, мужество, отвагу, героизм, воинское мастерство.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 г. большая группа фронтовиков была награждена орденами и медалями. Среди них оказались и немцы Поволжья.

Орденом Ленина был награжден полковник Н. А. Гаген. Он был хорошо известен в Немреспублике, поскольку перед войной являлся начальником Энгельсского военного гарнизона и командовал дивизией, располагавшейся в АССР НП. На фронте он был командиром 153-й стрелковой дивизии, которая отличилась в оборонительных боях под Витебском, а затем, после прорыва обороны противником на соседнем участке, оказалась в окружении и 18 суток с боем прорывалась к своим войскам. Позднее, 18 сентября 1941 г., 153-я дивизия оказалась в числе четырех первых дивизий Красной Армии, «за боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок» удостоенных звания гвардейской. Она получила наименование 3-я гвардейская дивизия²⁶.

Тем же Указом от 9 августа орденом Красной Звезды был награжден выходец из Немреспублики старший лейтенант А. О. Шмидт. Командуя танковым батальоном в боях под белорусским местечком Сенно (6–10 июля 1941 г.), он смог нанести противнику серьезный урон. В представлении на награждение орденом этот бой был описан следующим образом: «Противник от огня батальона понес большие потери. Было уничтожено 8 танков противника и 4 противотанковых орудия. Благодаря отличной маневренности батальона на поле боя и правильной системе огня противник был введен в заблуждение и его передовой отряд был полностью уничтожен»²⁷.

Дважды о подвигах солдат, призванных из АССР НП писала газета «Комсомольская Правда». 24 августа в ней была размещена статья «Мы отмстим за тебя, товарищ!» о подвиге погибшего

красноармейца Генриха Гофмана, призванного в армию из с. Шендорф (ныне с. Долина Краснокутского района Саратовской области) Краснокутского кантона АССР НП. 28 августа газета поместила большой очерк Ц. Солодаря «Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом». Вместе со статьей был помещен и портрет воина. Вся страна узнала об отважном выпускнике Маркштадтского педагогического техникума, умелом зенитчике, сбившем четыре фашистских «юнкерса»²⁸.

30 августа совершенно неожиданно для немецкого населения АССР НП главные республиканские газеты «Nachrichten» («Нахрихтен» – «Известия») и «Большевик» опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», после чего официальная политика в отношении немцев резко изменилась. Это хорошо видно из содержания регулярных донесений, которые первый секретарь обкома ВКП (б) АССР НП С. Малов регулярно отправлял в Москву. В начале сентября в очередном донесении он пишет: «Подавляющее большинство трудящихся русской и других (кроме немецкой) национальностей встретили Указ с большим одобрением, рассматривая его как одну из серьезных мер по укреплению тыла...». Этот вывод С. Малов подтверждает высказыванием «одного рабочего»: «Да, вот теперь они (т. е. немцы. – А. Г.) запоят не так. Пусть и туда поедут так же дружно, как они старались втирать свою немчуру вокруг! Теперь я спокойно могу пойти на фронт, зная, что моя семья будет вне опасности от внутреннего врага»²⁹. За подобные высказывания еще за месяц до этого демонстративно привлекали к уголовной ответственности. Например, 31 июля 1941 г., в г. Энгельсе судили заведующего овцеводческой фермой И. Белоусова, который обвинялся в «шовинистическом выпаде против немцев, живущих в СССР». Будучи пьян, И. Белоусов обозвал своих подчиненных – немцев фашистами. Белоусов получил 6 лет лишения свободы с последующим «поражением в правах» еще на 2 года³⁰. Теперь же такие люди объявлялись патриотами.

Говоря о реакции немецкого населения, С. Малов пишет, что с их стороны «опубликование Указа вызвало враждебное отношение, всячески подогреваемое контрреволюционными и профашистскими элементами. Высказывания по поводу Указа со стороны немцев сводятся, главным образом, к попыткам опровергнуть утверждение о том, что немецкое население скрывает в своей среде врагов Советского народа, Советской власти»³¹.

Всего несколькими неделями раньше в таком же донесении С. Малов писал: «Политическое настроение трудящихся Республики немцев Поволжья здоровое. Рабочие, колхозники и интеллигенция, перестраивая работу на военный лад, стремятся все подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага»³².

Операция по выселению немцев была проведена в период с 3 по 20 сентября. Подготовка к ней

началась 26 августа. Организацию и проведение выселения осуществляла специально прибывшая в Саратов оперативная группа НКВД во главе с заместителем наркома внутренних дел И. Серовым. Процесс выселения немцев и загрузки их в эшелоны проводился жестко и энергично. Это видно из донесений на имя Наркома внутренних дел Л. Берии, которые ежедневно направлял в Москву И. Серов³³.

Несмотря на официальные обвинения, выдвинутые против поволжских немцев, жесткое, а временами жестокое отношение местных властей к выселяемым, многие жители Поволжья сохраняли к своим согражданам немецкой национальности человеческое отношение. Об этом свидетельствуют воспоминания выселенных немцев, собранные автором еще в 1980–1990-х гг. В фонде Саратовского обкома ВКП (б) сохранились уникальные документы, подтверждающие данные факты. В частности, это «спецсообщение» № 124 сс от 13 сентября 1941 г. «О выражении сожаления и организации подарков для переселяемых немцев в столовой-ресторане № 7, в облпотребсоюзе, в дорпрофсоже РУЖД и 43 средней школе»³⁴.

Даже в условиях угрозы репрессий среди ненемецкого населения находилось немало порядочных людей, в том числе ответственных работников, которые вопреки официальным установкам проявляли человечность по отношению к коллегам и друзьям, столь неожиданно покидавшим их и уезжавшим навстречу неизвестности.

Еще в ходе выселения, 6 сентября 1941 г., постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) Республика немцев Поволжья была ликвидирована, а ее территория поделена между Саратовской и Сталинградской областями. 7 сентября 1941 г. по этому поводу был издан специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР³⁵.

Примечания

- 1 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4814. Л. 189–193.
- 2 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 83, 84.
- 3 Там же. Д. 4807г. Л. 185; Д. 5031. Л. 84.
- 4 Там же. Д. 5031. Л. 78–79, 82.
- 5 Там же. Ф. 1. Оп. 1а (Особая папка). Д. 5. Л. 55–58, 260–263.
- 6 Там же. Оп. 1. Д. 5031. Л. 35, 36, 76.
- 7 Ключников А. И. Мы сражались в тылу // Когда мы были молоды. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1990. С. 187.
- 8 См.: Скучаева О. Е. К вопросу о причинах и правовых основаниях депортации немецкого населения из Поволжья // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков : материалы 13-й Международной научной конференции (Москва, 21–23 октября 2010 г.). М. : МСНК-пресс, 2011. С. 89–90.
- 9 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 201, 384.
- 10 См.: Кичихин А. Советские немцы : откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 34.
- 11 См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 403–404.
- 12 См.: Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-998. Совет народных комиссаров Автономной Советской Социалистической республики немцев Поволжья. Оп. 1 о/д. Д. 813. Л. 297–298.
- 13 См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 179, 207, 299–301; Д. 4834. Л. 489–495; Оп. 1а (Особая папка). Д. 5. Л. 20–22.
- 14 Там же. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 184, 239, 398, 399; Оп. 1а (Особая папка). Д. 5. Л. 1–6, 24.
- 15 Там же. Оп. 1а (Особая папка). Д. 5. Л. 10, 11, 19, 30, 35, 40, 271–272, 275–277, 278–280, 285, 286.
- 16 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 178–183, 265; Ф. 594. Оп. 1. Д. 2298. Л. 264.
- 17 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 103, 329.
- 18 Там же. Л. 100, 339.
- 19 Там же. Д. 4932. Л. 157, 199, 203–204; Д. 4933. Л. 1–2, 10–12, 13–14, 16–17, 19–23, 63, 121–125, 216, 260–263, 352–353, 354.
- 20 Там же. Д. 4807г. Л. 122–123; Д. 4927. Л. 13, 283, 284.
- 21 Там же. Д. 4968. Л. 10.
- 22 См.: Герман А. А. Указ. соч. С. 410–411.
- 23 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4835. Л. 156–161, Л. 180.
- 24 Там же. Л. 9–13, 22–27, 35–39, 48–53, 63–69, 75–77, 95–97, 200–208.
- 25 См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 14с. Д. 2318. Л. 7.
- 26 См.: Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР от 18 сентября 1941 г. № 308 «О переименовании 100, 127, 153 и 161 стрелковых дивизий в 1, 2, 3 и 4 гвардейские дивизии» // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М. : Госвоениздат, 1947. С. 5.
- 27 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 33 (Главное Управление кадров НКО). Оп. 11. Д. 682523. Л. 386.
- 28 Солодарь Ц. Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом // Комсомольская правда. 1941. 30 авг.
- 29 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 5.
- 30 Там же. Д. 4807г. Л. 384–385.
- 31 Там же. Д. 5031. Л. 6.
- 32 Там же. Л. 32.
- 33 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479 (Отдел спецпереселений НКВД СССР). Оп. 1. Д. 85. С. 24–47.
- 34 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2752. Л. 25.
- 35 См.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975 : в 4 т. Т. 1. М. : Известия, 1975. С. 81.

Поступила в редакцию 27.10.2020, после рецензирования 02.11.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 27.10.2020, revised 02.11.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 129–133
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 129–133

Научная статья

УДК [94:930.2](470.44)|1955/1985]

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-129-133>

Состояние источниковой базы исследований повседневных практик населения Саратовской области во второй половине 1950 – середине 1980-х годов

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гуменюк Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор выявленных автором видов источников (письменных, устных, аудиовизуальных) для исследования истории повседневной жизни населения Саратовской области во второй половине 1950 – середине 1980-х гг. Формулируется вывод о существовании на сегодняшний день солидной источниковой базы, позволяющей не только всесторонне реконструировать повседневные практики волжан во второй половине 1950 – середине 1980-х гг., но и сделать интересные умозаключения по переосмыслению результативности усилий государства по достижению стратегической цели советской социальной политики – строительству общества всеобщего достатка и равных возможностей.

Ключевые слова: архивные материалы, воспоминания, кинодокументы, мемуары, повседневные практики, реконструкция, статистические материалы, устный исторический источник, художественная литература

Для цитирования: Гуменюк А. А. Состояние источниковой базы исследований повседневных практик населения Саратовской области во второй половине 1950 – середине 1980-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 129–133. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-129-133>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-129-133>

The state of the source base of researches of the daily practices of the population of the Saratov region in the second half of the 1950s – mid 1980s

Alexey A. Gumenyuk, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., 410012 Saratov, Russia

Abstract. The article presents an analytical review of the types of sources identified by the author (written, oral, audiovisual) for studying the history of the daily life of the population of the Saratov region in the second half of the 1950s and mid-1980s. In conclusion, it is stated that today there is a solid source base that allows not only to comprehensively reconstruct the everyday practices the Volzhans in the second half of the 1950s – mid 1980s, but also makes it possible to draw interesting conclusions and conclusions on rethinking the effectiveness of state efforts to the achievement of the strategic goal of Soviet social policy – the construction of a society of general prosperity and equal opportunities.

Keywords: archival materials, memoirs, film documents, memoirs, everyday practices, reconstruction, statistical materials, oral historical source, fiction

For citation: Gumenyuk A. A. The state of the source base of researches of the daily practices of the population of the Saratov region in the second half of the 1950s – mid 1980s. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 129–133 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-129-133>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Со второй половины 1950-х гг. в СССР стал осуществляться комплекс социальных программ, нацеленных на радикальное улучшение качества жизни советских людей. Советское государство всячески старалось играть роль народного государства и особенно на протяжении второй

половины 1950 – середины 1980-х гг., когда возникли экономические и геополитические условия для того, чтобы задача по подъему уровня жизни людей заняла во внутренней политике государства главное место. Определить степень эффективности усилий руководства СССР по реа-

лизации курса по созданию общества социальной справедливости, всеобщего достатка и равных возможностей позволяет обращение к изучению повседневных практик отдельных сегментов советского социума (в данном случае – саратовского) изучаемого периода. Исследование этих практик, в свою очередь, напрямую зависит от наличия или отсутствия необходимых для этого исторических источников. Поэтому в данной публикации мы постараемся оценить источниковый потенциал исследований повседневных практик населения Саратовской области во второй половине 1950 – середине 1980-х гг.

Исследователями истории повседневной жизни советского общества традиционно выделяются следующие группы источников. Во-первых, это так называемые «эго-документы», т. е. мемуары, воспоминания. Относительно рассматриваемого региона они представлены документами личного происхождения, авторами которых являлись представители региональной интеллигенции и хозяйственной элиты. Среди них особо необходимо выделить воспоминания директора саратовского завода «Серп и Молот» Александра Ивановича Горчакова. В своих мемуарах бывший директор этого предприятия показывает вклад промышленных предприятий в решение таких повседневных социальных проблем горожан и сельчан, как жилищные, продовольственные, бытовые, транспортные, связанные с доступностью к услугам медицинских учреждений, баз отдыха, пионерских лагерей; подчеркивает выгоды (в материальном и социальном плане), которые давала трудящимся города работа на предприятиях военно-промышленного комплекса¹. Данная сюжетная линия прослеживается и в сборниках воспоминаний работников саратовских предприятий СЭПО² и «Тантал»³, в которых так же, как и в других историко-краеведческих изданиях документального характера, воспроизведены радостные переживания, испытываемые саратовцами в связи с получением нового жилья⁴, а также перспективой «... пожить по-человечески после всех революций и войн ...» (в связи с принятием XXII съездом КПСС в 1961 г. новой программы партии). Последнее касалось главным образом старшего поколения, которое «... надеялось, что хотя бы их дети и внуки успеют к всеобщему благоденствию»⁵.

Документальная повесть В. И. Вардугина, в которой прослеживаются судьбы уроженцев Саратовской области, оказавшихся свидетелями и участниками важнейших событий 1960-х гг., содержит ценные сведения также для исследования таких компонентов социального развития региона, как досуг (о появлении первых телевизоров у жителей области (аналогичная информация содержится и в записках сотрудника Саратовского государственного университета В. И. Игошина⁶)); введение самообслуживания в общественном транспорте (троллейбусы без кондукторов) и До-

мах культуры (при посещении кинозалов зрители сами отрывали у билета контрольный талон и опускали его в специальную урну на входе); женская мода начала 1960-х гг. Однако ценность этого историко-краеведческого издания заключается и в том, что в нем автор сумел взглянуть на исследуемый им период из XXI в. и охарактеризовать его так: «... Благодарить судьбу, что пришлось расти с ожиданием чего-то хорошего, с верой в возможность сказки на нашей земле. Право же, это гораздо лучше, чем ожидания современных детей, вынужденных вступать в жизнь в мире, где культ наживы объявлен высшим достижением человечества»; «Мы жили при коммунизме и этого даже не заметили»⁷.

Большую ценность источники личного происхождения приобретают и для реконструкции способов адаптации к постоянным нехваткам определенных предметов потребления. Приведенные воспоминания А. Н. Горчакова также весьма информативны в этом отношении. На страницах упомянутого источника можно встретить данные о механизме обеспечения дефицитными товарами и продуктами как членов трудового коллектива завода, так и подшефных предприятий общественного питания; источниках возникновения социально-психологического кризиса в советском обществе в начале 1980-х гг.⁸ Представляют интерес и материалы публикации Алексея Наумова, посвященной истории одного из районных центров Саратовской области – г. Хвалынского. В ней автор приводит свидетельства жителей города о руководителе Хвалынского горторга Леониде Владимировиче Мямлине, благодаря хозяйственной деятельности которого жители Хвалынского практически не испытывали трудностей в повседневной жизни из-за проблем с приобретением различных предметов потребления. В этом издании можно найти и данные о деятельности досуговых заведений г. Хвалынского (краеведческом музее, драматическом театре, который «... пользовался большим успехом как у местных жителей, так и у гостей города»), а также упоминание о Сосновом острове как о «настоящем кормильце» хвалынцев и популярном у туристов месте летнего отдыха⁹.

Рассмотренные источники личного происхождения позволяют не только реконструировать повседневные практики жителей Саратовской области, но и сравнить уровни жизни саратовцев и населения других городов Нижней Волги, в частности г. Волгограда. Такие наблюдения воспроизведены, например, на страницах воспоминаний А. Н. Горчакова и свидетельствуют они, что называется, «не в пользу» Саратова: «Волгоград в 60-е годы в части обеспечения продуктами и товарами выглядел лучше Саратова»¹⁰, – констатирует мемуарист.

Вторым видом источников по истории повседневной жизни являются устные источники, появляющиеся с помощью устных опросов – информационно емких, специфичных по внутренней

и внешней форме исторических источников, своеобразно отражающих действительность. Полученные в результате транскрипты – письменные варианты устных свидетельств – позволяют запечатлеть факты «из первых рук», они оригинальны с точки зрения информативности, поскольку содержат сведения, которые невозможно найти ни в одном письменном источнике, включая архивные документы. Некоторые из них можно встретить в различных краеведческих публикациях. В частности, в упомянутой выше книге А. В. Наумова воспроизведены свидетельства «патриарха саратовского краеведения и археологии, легенды исторического факультета Саратовского университета» Евгения Константиновича Максимова о достаточно высоком (в сравнении с ближайшими населенными пунктами) уровне продовольственного обеспечения жителей Хвалынска в 1960-е гг.¹¹ Вообще очевидцев, переживших события отечественной истории периода второй половины 1950 – середины 1980-х гг., немало, включая и жителей Саратовской области. Анализ их впечатлений позволяет нарисовать объективную картину социальных повседневных практик тех лет. Даже общение с родственниками и коллегами автора данной публикации (восемь респондентов) позволило воссоздать будничные стратегии выживания населения в условиях ухудшения экономической ситуации в начале 1950-х гг. и начале 1960-х гг., уровень жизни населения закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), полнее охарактеризовать влияние развития моды на повседневную жизнь рубежа 1950 – 1960-х гг., девиантные проявления в молодежной среде в 1960-е гг., внедрение методов самообслуживания в общественное питание (первая половина 1960-х гг.), торговлю и бытовое обслуживание населения (конец 1970 – начало 1980-х гг.), место театра в повседневной жизни горожан; проиллюстрировать сужение возможностей для интересного проведения свободного времени школьниками и молодежью (особенно сельской) в начале 1980-х гг.

Помимо транскриптов, в современной отечественной историографии выделяют и такой вид устных исторических источников, как фольклорно-этнографические источники (устная традиция). Частушки, записанные в конце 1950-х гг. в ряде районов Саратовской области, выступают индикатором изменений настроений саратовской деревни в ходе реализации пакета социальных реформ периода «хрущевской оттепели». Анализ их содержания дает возможность, с одной стороны, констатировать улучшение уровня жизни на селе, условий труда, жилищных условий, приближение по этим и другим показателям условий жизни в селах к городским условиям. С другой стороны, материалы устной традиции позволяют выявить и проблемы, с которыми сталкивались сельчане в своей повседневной жизни: необустроенность колхозных клубов, низкий уровень торгового

обслуживания, низкое качество ремонта квартир, стоматологических услуг и т. д.¹². Тем самым частушки, как и в целом устные исторические источники, призваны существенно облегчить изучение социальной истории советского социума как закрытого общества.

Следующая большая группа источников по истории советской повседневности исследуемого промежутка времени – это периодическая печать, представленная в рассматриваемом регионе партийными («Коммунист») и комсомольскими («Молодой сталинец» (с 1956 г. – «Заря молодежи»)) изданиями. Большой «кладовой» нарративной, главным образом, «антропологической» информации о повседневных практиках жителей Саратовской области выступают материалы такой газетной рубрики, как «Редакционная почта», где печаталась подборка писем трудящихся, поступавших в редакции газет. Их содержание позволяет реконструировать отдельные стороны функционирования социальных институтов, их отношение к конкретному человеку. Однако если в середине 1950–1960-е гг. рубрика «Редакционная почта» была довольно объемной и, следовательно, информативной, то в 1970-е – первой половине 1980-х гг. она «съежилась» до нескольких газетных абзацев.

Нехватка «антропологической» информации в определенной степени восполняется сведениями другой не менее объемной группы источников, позволяющих реконструировать повседневные практики населения региона во второй половине XX в. Это архивные материалы, представленные фондами как региональных (Государственный архив Саратовской области (ГАСО), Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО)), так и центральных архивов (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)). В свою очередь архивные документы можно подразделить на ряд подгрупп. В первую подгруппу необходимо включить письма жителей региона, направленные ими в 1950-е гг. в центральные органы власти (фонд А-385 Верховный Совет РСФСР ГАРФа) и в 1970-е гг. в редакции центральных газет (фонд № 5 аппарата ЦК КПСС РГАНИ). В них содержатся не только сведения о количестве поданных жалоб по тем или иным аспектам социальной повседневности, но и характеристики будничных жизненных ситуаций, в которых оказывались жители Саратовской области при разрешении тех или иных проблем. Кроме того, в эту подгруппу следует отнести и данные о наказах, высказанных жителями области в адрес депутатов областного совета депутатов трудящихся, а также депутатов Верховного Совета РСФСР и СССР, содержащиеся в фонде Саратовского облисполкома (Р-1738 ГАСО) в количестве десяти единиц хранения за период с 1961 г. по начало 1985 г. Их количественный анализ дает возможность объективно оценить уровень доступности и обеспеченности предметами потребления и ус-

лугами социальных сервисов населения региона. Нехватка указанных данных может быть отчасти восполнена за счет сведений аналитических справок о письмах и жалобах жителей региона, поступивших в органы власти за определенный период, а также стенограмм выступлений на партийных, советских, профсоюзных конференциях различного уровня, собраниях первичных партийных и профсоюзных организаций. Помимо упомянутого фонда Саратовского облисполкома, эти материалы имеются в фондах Саратовского областного совета профсоюзов (облсофпроф, Ф. 6164 ГАНИСО), Саратовского обкома КПСС (Ф. 594 ГАНИСО), в фондах районных партийных организаций (около 90 фондов ГАНИСО), отраслевых советов профсоюзов (около 10 фондов ГАНИСО). Содержание таких выступлений, особенно на районных и городских партийных конференциях, сессиях Советов, а также собраниях трудовых коллективов при их комплексном использовании дает возможность составить правдивую картину повседневных практик жителей региона в рассматриваемый период.

Следующую подгруппу архивных материалов представляет статистика. Это, прежде всего, материалы сводных отчетов Саратовского облсовета о временной нетрудоспособности, где приводится, в частности, динамика первичных случаев различных заболеваний, производственных и бытовых травм, инвалидности, посещаемости санаторно-курортных учреждений и т. д. Кроме того, интересная статистика, характеризующая некоторые аспекты динамики уровня доходов и потребления трудящихся области, а также степень доступности населению ряда социальных сервисов, содержится в бюджетных обследованиях семей рабочих и колхозников за период с 1958 г. по 1963 г. (фонды Р-1738 ГАСО и 594 ГАНИСО). Комплексная характеристика развития социальных сервисов области (в цифрах), дающая возможность реконструкции повседневных практик отдельных групп и широких слоев населения области за несколько лет, представлена в так называемых «Паспортах Саратовской области» (1973–1985 гг.), а также в архивном деле под названием «Статистические данные о развитии народного хозяйства г. Саратова за 1961 г.», которые находятся в фонде Саратовского облисполкома.

Для целостной реконструкции повседневных практик на уровне определенного региона привлечения источников, характеризующих региональную социальную повседневность, будет недостаточно. Необходимо использование и так называемых «универсальных» групп источников – литературных и кинодокументов. Прежде всего, следует выделить художественную литературу: произведения Ч. Айтматова¹³, В. Астафьева¹⁴, В. Белова¹⁵, В. Курчаткина¹⁶, Б. Можаева¹⁷, В. Овечкина¹⁸, В. Шукшина¹⁹. В этих очерках, романах и повестях переданы настроения и переживания советских людей по поводу спадов

и подъемов уровня жизни на протяжении 1950 – середины 1980-х гг., особенно в сельской местности; реформирования системы социального обеспечения колхозного крестьянства; невысокого уровня культуры работников советской торговли, получения отдельных квартир со всеми удобствами. Кроме того, в этих произведениях содержится ряд любопытных фактов, касающихся плачевного состояния сельского здравоохранения, влияния технического прогресса на здоровье сельчан, калорийности питания, режима работы точек общественного питания, узости сети парикмахерских в сельской местности, поддержки государством теневой экономики, сегментации мероприятий по благоустройству населенных пунктов, прогресса в решении жилищной проблемы к концу рассматриваемого периода.

Использование литературных источников в определенной степени позволяет дополнить данные охарактеризованных групп источников и дает возможность глубже проникнуть в повседневную жизнь изучаемого периода. Этому же способствует привлечение других нестандартных источников – аудиовизуальных (кинодокументов), представленных советским и российским игровым кино, фиксирующих с помощью кинематографической техники события, явления и факты изучаемой эпохи. Среди работ отечественного кинематографа наиболее ярко атрибутика советской повседневности второй половины 1950 – середины 1980-х гг. нашла отражение в таких фильмах, как «Дело было в Пенькове» реж. С. Росточкин (СССР, 1958 г.); «Карнавальная ночь» реж. Э. Рязанова (СССР, 1957 г.); «Председатель» реж. А. Салтыкова (СССР, 1964 г.); «Зигзаг удачи» реж. Э. Рязанова (СССР, 1968 г.); «Большая перемена» реж. А. Коренева (СССР, 1971–1972 гг.); «По семейным обстоятельствам» реж. А. Коренева (СССР, 1976 г.); «Мимино» реж. Г. Данелия (СССР, 1977 г.); «Москва слезам не верит» реж. В. Меньшова (СССР, 1979 г.); «Карнавал» реж. Т. Лиозновой (СССР, 1981 г.); «Будьте моим мужем» реж. А. Суриковой (СССР, 1981 г.); «Влюблен по собственному желанию» реж. С. Микаэляна (СССР, 1982 г.); «Белые росы» реж. И. Добролюбова (СССР, 1983 г.); «Вокзал для двоих» реж. Э. Рязанова (СССР, 1983 г.); «Самая обаятельная и привлекательная» реж. Г. Бежанова (СССР, 1985 г.); «Брежнев» реж. С. Снежина (РФ, 2005 г.); «Дело гастронома № 1» реж. С. Ашкенази (РФ, 2011 г.); «Деньги» реж. С. Анашкина (РФ, 2016 г.).

Перечисленные кинодокументы позволяют получить наглядное, образное и звуковое представление об уровне жизни советских людей на разных этапах изучаемого периода, борьбе государства с хищениями в сфере торговли, уровне обслуживания в системе общественного питания, отношении государства к многодетным матерям, моделях повседневных практик добывания товаров и услуг, узости гостиничного сервиса,

«теневых» каналах распределения санаторных путевок, контрасте в уровне медицинского обслуживания сельских жителей и промышленных рабочих в городах, новых формах бытового и торгового обслуживания, изменениях в советской моде, материальной базе досуговых учреждений и тематике их работы. Ряд интересных наблюдений о недостатках в обслуживании пациентов стоматологическими поликлиниками, работе бытовых ателье, узости их услуг содержат монографии «Ирония судьбы, или встреча гостей», «Ателье» народного артиста СССР А. Райкина, вошедшие в фильм «Люди и манекены (СССР, 1974 г.).

Таким образом, представленный выше аналитический обзор доказывает, что для изучения истории повседневности постсталинского СССР на провинциальном, в частности саратовском, уровне имеется солидная источниковая база, позволяющая на основе реконструкции повседневных практик волжан во второй половине 1950 – середине 1980-х гг. убедиться в сохранении значительных различий в уровне жизни между жителями города и села, а также сделать интересные умозаключения и выводы о сегментированном воплощении в жизнь стратегической цели советской социальной политики по строительству общества всеобщего достатка и равных возможностей.

Примечания

¹ См.: Горчаков А. Н. Заводы и время (1958–1995). Воспоминания бывшего директора саратовского завода «Серп и Молот». Саратов : Издательство Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 2005. С. 41, 93, 108, 110–112, 131–132, 139–141, 143–144, 153, 186–187, 195–196, 200–201, 203–204, 213–214, 217–219, 233–234, 248–249, 250, 252, 276–277, 281, 282.

² См.: СЭПО : история в лицах : в 5 т. / авт.-сост. А. Н. Бородкина. Саратов : СВЕТОПИСЬ, 2007. Т. 1. С. 60, 67, 88, 110, 135, 169 ; Т. 2. С. 88.

³ См.: Семенов А., Сидоренко А. Родной завод, годы и люди. Саратовская электроника, годы 80-е и 90-е, краткая история и проблемы в воспоминаниях ветеранов : в 11 ч. Саратов : [б.и.], 2010. Ч. IV. С. 4–5, 13, 14, 15, 37–38.

⁴ См.: Горчаков А. Н. Указ. соч. С. 51.

⁵ Вардугин В. И. Шестидесятые. Документальная повесть. Саратов : Новый ветер, 2017. С. 37.

⁶ См.: Игошин В. И. Записки саратовского провинциала. Саратов : Научная книга, 2008. С. 9.

⁷ Вардугин В. И. Указ. соч. С. 37, 39, 41–42, 44.

⁸ См.: Горчаков А. Н. Указ. соч. С. 80, 196–198, 199–200, 268–269.

⁹ См.: Наумов А. В. Мой Хвалынский. М. : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 239–246.

¹⁰ Горчаков А. Н. Указ. соч. С. 78.

¹¹ См.: Наумов А. В. Указ. соч.

¹² См.: Саратовские частушки. Саратов : [б.и.], [1960]. С. 20, 33, 35, 140, 141, 146.

¹³ Айтматов Ч. Собр. соч. : в 3 т. М. : Молодая гвардия, 1984. Т. 3. 575 с.

¹⁴ Астафьев В. Печальный детектив. Зрячий посох : Роман и повесть. М. : Профиздат, 1991. 412 с.

¹⁵ См.: Белов В. Избранные произведения : в 3 т. М. : Современник, 1983. Т. 2. 543 с. ; Т. 2. 543 с. ; Т. 3. 478 с.

¹⁶ Курчаткин А. Н. Семь дней недели. Рассказы и повести. М. : Современник, 1977. 383 с.

¹⁷ См.: Можяев Б. Изб. произв. : в 2 т. М. : Современник, 1982. Т. 1, 543 с. ; Т. 2. 703 с.

¹⁸ Овечкин В. Дороги, нами разведанные. Повести, очерк, рассказы. М. : Советский писатель, 1967. 632 с.

¹⁹ См.: Шужин В. Калина красная. М. : Вече, 2012. 320 с. ; Его же. Рассказы. Повести. Рига : Лиесма, 1984. 447 с.

Поступила в редакцию 14.10.2020, после рецензирования 31.10.2020, принята к публикации 05.11.2020

Received 14.10.2020, revised 31.10.2020, accepted 05.11.2020

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 134–138
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 134–138

Рецензия
УДК 930.23
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-134-138>

Британское Просвещение в лицах своего времени: взгляд из России XXI столетия

Рецензия на книгу: *Лабутина Т. Л., Ковалёв М. А.* Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб. : Алетея, 2020. 462 с.

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>

Аннотация. В рецензии содержатся комментарии, ставшие итогом знакомства с новой книгой российских специалистов по истории британского Просвещения. Авторы сосредоточили внимание на главных представителях нескольких поколений этого направления философской мысли. Их яркие эссе построены на привлечении широкого круга источников и научной литературы. Читатели получают возможность расширить представления о творчестве британских интеллектуалов-просветителей.

Ключевые слова: российская британистика, британские интеллектуалы, Просвещение, просветительская философия, социум

Для цитирования: *Киясов С. Е.* Британское Просвещение в лицах своего времени: взгляд из России XXI столетия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 134–138. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-134-138>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Review's report
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-134-138>

British Enlightenment in the faces of their time: View from Russia of the 21st century

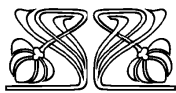
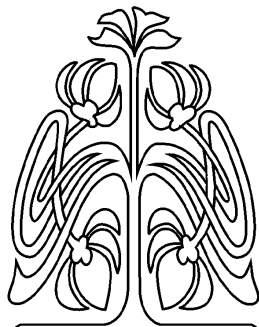
Book review: *Labutina T. L., Kovalyov M. A.* British intellectuals of the epoch Enlightenment: From the marquis of Halifax to Edmund Burke. Saint Petersburg : Aleteja, 2020. 462 p.

Sergey E. Kiyasov, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The review contains comments that were the result of acquaintance with a new book by Russian experts on the history of the British Enlightenment. The authors focused on the main representatives of several generations of this direction of philosophical thought. Their bright essays are based on attracting a wide range of sources and scientific literature. Readers will have the opportunity to expand their understanding of the work of British educational intellectuals.

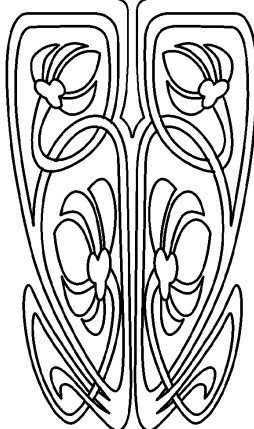
Keywords: Russian British Studies, British intellectuals, Enlightenment, philosophy of Enlightenment, society

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

For citation: Kiyasov S. E. British Enlightenment in the faces of their time: view from Russia of the 21st century. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 134–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-134-138>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Книга российских историков – Татьяны Леонидовны Лабутиной (доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника, руководителя Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН, Москва) и Максима Александровича Ковалёва (кандидата исторических наук, старшего преподавателя кафедры «История, археология, краеведение» Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых) – посвящена актуальной и востребованной теме¹. Объектом авторского анализа выступает идейное наследие известных британских интеллектуалов Нового времени, родоначальников Просвещения: Георга Севиля, маркиза Галифакса, Даниеля Дефо, Ричарда Стиля, Джозефа Аддисона, Джонатана Свифта, Генри Сент-Джона, лорда Болингброка, Филипа Дормера, графа Честерфилда, Генри Филдинга, Эдмунда Бёрка. Отметим, что галерея мэтров критической мысли усилиями М. А. Ковалёва – одного из авторов книги – была расширена и дополнена именами Фрэнсиса Дэшвуда (1708–1781) и Джорджа Литтлтона (1709–1773).

Напомним, что идеи британского Просвещения, подкрепленные распространением на родине, приобрели широкую популярность за пределами островного государства. Их активно транслировали в эпоху буржуазных революций (Североамериканской, Французской), а также много позднее – в период формирования модели либеральной демократии и современного правового государства.

В рецензируемом издании каждому представителю блистательной плеяды британских просветителей посвящена отдельная глава. Все главы очерка подкреплены скрупулезным прочтением сочинений самих писателей-просветителей. В концептуальном ключе усилия авторов не только поддерживают, но и успешно дополняют оценочные характеристики отечественных и зарубежных специалистов. При этом им удалось уточнить и расширить собственные обращения к творческому наследию вольнодумцев «страны за Ла-Маншем»².

Несомненным достоинством большого исследовательского проекта Т. Л. Лабутиной и М. А. Ковалёва является глубокое проникновение в повседневность эпохи, которая дала жизнь мировоззренческим ценностям Просвещения. Это помогло детально осветить причудливую трансформацию философских, морально-этических, а также политических взглядов, порождаемых острым противостоянием общественных (старого и нового) укладов. Не случайно феномен

Просвещения, как уже отмечалось, приобрел интернациональный характер. Эпицентром его становления стал анклав передовых европейских стран, а сферой применения наработанных рецептов – весь мир. Не менее важно напомнить, что родоначальники европейского Просвещения являлись убежденными, бескомпромиссными противниками феодального государства и католической церкви³. Схоластической идеологии, насаждаемой и опекаемой Римом, они, как и предшественники-гуманисты, противопоставили новое светское учение об истинной Вере и Разуме. Догматы современного общества были подвергнуты беспощадной критике с позиций рационализма, эмпиризма и достижений тогдашних научных методов. Решающее место в борьбе за новую модель общественного развития, которая должна была опираться на «естественные законы», родоначальники европейского Просвещения отводили перевоспитанию человека. По их мнению, тотальное просвещение индивидуума и масс должно было обеспечить конечную победу Разума и законов Природы. Успех этой первой в истории человечества PR-компании вел к искомому торжеству Гармонии в жизни людей, невзирая на их различия (главным образом социальные и конфессиональные).

В самой Англии, только что пережившей события революции и гражданской войны, поиски новых эволюционных ориентиров были ускорены кризисом пуританизма. К началу XVIII столетия некогда влиятельная реформационная ветвь христианства утратила свое первоначальное влияние и компетенции. Оказавшиеся у власти бывшие оппозиционеры-диссентеры пытались запретить театр, объявив его «греховным» и «бесовским» зрелищем. Новые духовные и политические лидеры государства активнейшим образом выступали также против искусства, считая, что оно развращает людей, приносит в повседневную жизнь лень и отвлекает от молитв. Наконец, прежние мечты о возвращении к истокам христианства стали явственно подменяться идеалами стяжательства и стремлением к искоренению инакомыслия. Однако волна нового консерватизма, усугубившая противоречия нарождающегося буржуазного общества, встретила, как показано в исследовании Т. Л. Лабутиной и М. А. Ковалёва, достойный отпор со стороны нескольких поколений английских просветителей – не разрушителей окружающего их социума, а глашатаев и проводников будущего, как представлялось многим, более совершенного мироустройства.

Первую главу книги Т. Л. Лабутина (автор шести начальных глав, уже публиковавшихся ранее

в расширенном варианте⁴) посвятила биографии и творчеству Георга Севиля, маркиза Галифакса (1633–1695). Прежде всего, историк отметила его «малоизвестность» в России (с. 24). Поэтому крайне привлекательно выглядит обращение специалиста к текстам трактатов Галифакса («Советы избирателям парламента», «Мысли и рассуждения о политике», «Государственные принципы» и др.), которые наполнены не только глубоким философским, но и практическим содержанием. Их автор, видный государственный деятель и королевский министр, проявлял повышенный интерес к вопросам происхождения государственной власти, формам правления, вопросам «разделения» и «равновесия» властей, гражданским и личностным свободам, темам религии, морали, семейных отношений. По мнению автора главы, к которому можно без колебаний присоединиться, граф был «один из первых в ряду просветителей Англии» (с. 23).

Вторая глава, столь же интересная по содержанию и яркая по стилю, посвящена жизни и творчеству Даниеля Дефо (1660–1731). Сочинитель «Робинзона Крузо» представлен автором как сторонник вигов и плодовитый журналист, не сумевший избежать тюремного заключения и даже наказания у позорного столба. Отмечено, что из-под пера этого талантливого литератора появилось несколько сотен произведений. В их числе – 87 политических памфлетов («Очерк о проектах», «Жалоба бедняка», «Доводы против войны с Францией», «Чистокровный англичанин», «Напоминание легиона палате общин», «Кратчайший путь расправы с диссентерами», «Гимн позорному столбу» и др.), посвященных вопросам политики, религии, экономики, социальных отношений и образования (с. 63). Исходя из этого разнообразного обилия, автор вполне аргументированно рассматривает Дефо в качестве одного из виднейших просветителей своего времени (с. 108, 110).

Ричард Стиль (1672–1729) – не менее заметный персонаж истории британского Просвещения. Еще при жизни, отмечено в очерке, он приобрел «широкую известность как просветитель, драматург, памфлетист, как один из основателей английской журналистики» (с. 133–134). Т. Л. Лабутина, первый отечественный биограф этого человека (уроженца Дублина и сторонника вигов), сосредоточила внимание на его общественно-политической деятельности. Наибольший интерес у автора вызвала журналистская карьера Стиля, начавшаяся в Лондоне весной 1709 г. По мнению историка, именно на страницах столичного еженедельника «Tattler», где публиковались статьи на общественные, политические и культурные темы, он и заявил о себе как просветитель (с. 139). Дальнейшие события, в том числе смерть близких людей и судебные преследования, как показано в исследовании, не изменили его прогрессивных убеждений.

Джозеф Аддисон (1672–1719) – сторонник вигов, как его ровесник и друг Р. Стиль, прославился как поэт, драматург, публицист и просветитель (с. 167). Блестящий интеллектуал, выпускник Оксфорда, он посвятил свою жизнь путешествиям, поэзии и большой политике. В качестве публициста Аддисон критиковал пороки буржуазного общества в Англии, в частности религиозные предрассудки и пьянство (с. 180–181). Не меньшее неприятие у него вызывал интерес женщин к политике (с. 184). В целом политическая деятельность этого незаурядного человека, как отметила Т. Л. Лабутина, была направлена на укрепление в Англии института конституционной монархии. При этом она не отличалась склонностью к излишней авантюристике. Придерживаясь умеренности в политике, он крайне негативно оценивал события минувшей революции, называя их «Великим мятежом» (с. 194, 201, 207).

Персона Джонатана Свифта (1667–1745) – английского писателя-сатирика (родился и долго жил в ирландском Дублине), безусловно, нуждается в более подробной презентации. Как известно, он отличался ярко выраженными критическими настроениями относительно установившихся в стране порядков, в которой, по его мнению, процветали деспотизм, коррупция и нарушение демократии. Его идеал – патриархальное общество, управляемое просвещенным монархом⁵. В исследовании Т. Л. Лабутиной этот незаурядный человек предстает перед читателем, прежде всего, как памфлетист-просветитель и фанатичный сторонник англиканства (с. 225, 227). Разумеется, ограниченные возможности книги не позволили дать исчерпывающую характеристику даже общественно-политических воззрений литератора⁶. За пределами внимания остался и «масонский след» биографии Свифта. Между тем в 1713 г. он вновь оказался в Дублине, где занял место настоятеля собора св. Патрика (где был впоследствии похоронен). Смысл переживаемых в это время народом Ирландии бедствий писатель выразил в одном из своих памфлетов фразой на латыни «*Nostra miseria magna est*» («Наше несчастье велико»)⁷. По утверждению французского историка Даниэля Лигу, в дружеское окружение Свифта, сложившееся в ирландской столице, входил Джон Джонс. Этот человек был известен как создатель первой ирландской спекулятивной масонской ложи, образованной в 1688 г. при Колледже Троицы⁸. Данный факт – одно из первых свидетельств наличия устойчивых контактов просветителей и приверженцев масонского Ордена на территории Британии.

Биография лорда Болингброка (1678–1751) завершает галерею очерков, посвященных английским просветителям и принадлежащих перу Т. Л. Лабутиной. Сама автор подчеркивает, что первооткрывателем творческой биографии английского мыслителя в нашей стране был известный ученый-историк, профессор Михаил

Абрамович Барг (ее наставник и учитель). Своей основной задачей исследовательница видит характеристику политической платформы писателя-просветителя (с. 304). Итоговый вердикт гласит, что Болингброк являлся продолжателем утопической традиции в общественной мысли Англии (с. 305, 335). Впрочем, пристрастие к аллегорическим и фантастическим сюжетам в творчестве не мешало этому человеку активно участвовать во многих реальных политических событиях.

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что автору шести эссе Т. Л. Лабутиной удалось собрать и творчески переосмыслить уникальный документальный материал. Это обеспечило рождение ярких, образных, эмоциональных и содержательных биографических очерков. Можно надеяться, что их публикация приблизит читателей к постижению тончайшей духовной материи, которую по-прежнему сохраняют бессмертные сочинения великих британских просветителей.

Большой интерес вызывают биографические очерки (гл. 7–10) молодого историка из Владимира. Первый из них посвящен Филипу Дормеру Честерфилду (1694–1773) – английскому политику и дипломату, прославившемуся также в качестве писателя-моралиста и просветителя. Автор, отмечая значимость его творчества, вначале сосредоточилась на биографии. По его мнению, только понимание всех обстоятельств и поворотов жизненного пути этого человека может помочь адекватному восприятию «Писем к сыну» – главного литературного сочинения рафинированного аристократа (с. 350). По итогам экскурса выявлено, что граф Честерфилд (титул был обретен в 1726 г., ранее – лорд Стэнхоуп) получил надлежащее образование, что гарантировало карьерный рост. Как перспективный политик и государственный деятель (кавалер ордена Подвязки) он отличался также ораторскими способностями, неподкупностью, отсутствием религиозных предрассудков (с. 354). В числе его друзей-интеллектуалов значились, в частности, известнейшие французские просветители Ф. Вольтер и Ш. Монтескье. В завершение своего содержательного экскурса М. А. Ковалёв дал оценку социальному идеалу Честерфилда и способам его достижения, которые полностью соответствовали высоким канонам Просвещения, но контрастировали с консервативными традициями критикуемого светского общества.

Генри Филдинг (1707–1754) – еще одна знаковая фигура английского Просвещения, чья жизнь и творчество также привлекли внимание. Историк подчеркивает, что как драматург и писатель, Филдинг был достаточно давно и хорошо изучен специалистами-филологами (с. 373). Однако не меньший интерес, как справедливо отмечает М. А. Ковалёв, представляют и общественные воззрения просветителя, отличавшиеся к тому же острой социально-критической направленностью. По этой причине автор сделал ставку

на их выявление и характеристику. В контексте проделанной в этом направлении работы портрет Филдинга обогатился важными деталями. Яркий, талантливый, независимый человек, не чуждый настроениям эскапизма, он по определению не мог быть «человеком в футляре». Его выбор как театрального драматурга – комедия, фарс, политическая сатира; позиция в обществе – свобода слова, направленная на разоблачение пороков окружающего социума. Автор биографического эссе справедливо отметил, что такие настроения со временем усилили политические мотивы в творчестве Филдинга, а также его симпатии к столичным оппозиционным кругам (с. 383, 386). В конце своего пути писатель, утративший здоровье, но не желание творить, пытался противостоять преступности, бедности и стремлению к чрезмерному богатству.

Несомненной удачей М. А. Ковалёва является включение в галерею английских просветителей второй половины XVIII столетия персон Фрэнсиса Дэшвуда и Джорджа Литтлтона (гл. 9). На наш взгляд, такая инициатива вполне оправдана, поскольку оба англичанина изначально принадлежали к сообществу интеллектуалов-просветителей. Однако в нашей стране, как подчеркивает исследователь, им не уделялось должного внимания (с. 398). Итогом изысканий стали подробные биографические и творческие эссе, характеристики которых не всегда вписываются в устоявшиеся традиции. В частности, автору удалось отойти от стереотипов и нарисовать собственные, более реалистичные портреты своих протеже. Так, Дэшвуду, который имел прижизненную репутацию необузданного, эксцентричного джентльмена, следуя логике и оценкам исследователя, более присущи такие оценочные категории, как бескомпромиссный, жесткий, авантюрный исследователь и экспериментатор. Что же касается истинного лица Литтлтона – этого, как полагали современники, идеала гражданской и нравственной добродетели, то его облик, по-видимому, более всего соответствует типу образцового имперского служаки-чиновника, правда, наделенного незаурядным литературным талантом.

Завершающим «аккордом» рецензируемой книги стал очерк, посвященный становлению консервативных воззрений Э. Бёрка (1729–1797). Обращение к его творческой биографии, особенно в исследовании по истории британского Просвещения, более чем закономерно. Автор, в частности, нацелен на освещение причин идейного кризиса философа-просветителя. На наш взгляд, это обстоятельство как нельзя лучше высвечивает сложности и противоречия просветительской идеологии, вынужденной завершить в конце XVIII столетия свою «повивальную» миссию, традиционно нацеленную на обеспечение «правильной» эволюции идеализированного буржуазного государства. Так, Бёрк, чьи убеждения и принципы, казалось бы, должны были соответствовать лозун-

гам «просветительской» Французской революции, неожиданно для многих подверг ее завоевания беспощадной критике. С этого момента он более известен как идеолог европейского консерватизма. Автор очерка, стремясь проникнуть в глубины исканий философа, сосредоточил свое внимание на раннем, дореволюционном периоде его творчества (50–60-х гг. XVIII в.). Итоговая оценка может быть сведена к констатации приверженности «раннего» Бёрка-просветителя идеалам «естественных» отношений в обществе (с. 434). В памфлете, опубликованном в 1756 г., он превозносил не идеалы демократии, а личные качества человека, на которые большое влияние оказывают религия и мораль (с. 446). По мнению просветителя, озвученному не только в тексте знаменитых «Размышлений о Французской революции», произошедшие в европейской стране политические события противоречили «естественному порядку», а революционные лозунги носили бессмысленный, «умозрительный характер» (с. 449, 450). Небезынтересно, что точка зрения Бёрка по многим пунктам предваряла мнение его друга, французского католического священника Огюстена Баррюэля (1741–1820). По утверждениям аббата-эмигранта, ставшего свидетелем и даже участником революционных событий, они явились делом рук заговорщиков в лице философов-просветителей, масонов и иллюминатов, соединившихся после 1789 г. в парижском Клубе якобинцев. Свои взгляды Баррюэль изложил в многотомном сочинении, которое было издано в Лондоне вскоре после смерти Бёрка⁹. Книга была встречена с большим интересом, имела подражателей¹⁰ и переведена на многие языки, включая русский. С этого момента в оценках истории европейского масонского движения прочно утвердилась «черная легенда», объясняющая все революционные события следствием разрушительного «масонского заговора».

Подводя итоги проделанной работы, авторы исследования подчеркивают неопределимый вклад эпохи Просвещения в сокровищницу мировой культуры (с. 454). Как показало прочтение книги, он столь же весом и для Британии. Достаточно сказать, что реформаторскими усилиями нескольких поколений интеллектуалов-просветителей были охвачены все сферы местной общественной жизни. Таким образом, можно констатировать

научную неисчерпаемость исследуемой темы, а также ее поистине неиссякаемую актуальность. Во всяком случае последние строки Заключения напоминают заинтересованному читателю о поразительной жизнестойкости (и современности) тех пороков социума, которые избличались и «изгонялись» британскими просветителями-пионерами (с. 457). В завершение следует вновь напомнить о тесных контактах британских (и европейских) просветителей и масонов. Без сомнения, указанное тематическое направление откроет новые возможности для осмысления идей и практических усилий интеллектуалов эпохи Нового времени¹¹.

Примечания

- ¹ *Лабутина Т. Л., Ковалёв М. А.* Британские интеллектуалы эпохи Просвещения : от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб. : Алетейя, 2020. 462 с.
- ² *Лабутина Т. Л.* У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М. : IRIS-PRESS, 1994. 303 с.
- ³ *Барг М. А., Авдеева К. Д.* От Макиавелли до Юма : становление историзма. М. : Институт всеобщей истории РАН, 1998. 307 с.
- ⁴ См.: *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М. : Наука, 2005. 458 с.
- ⁵ *Свифт Д.* Собрание сочинений : в 3 т. / пер. с англ. М. : Терра ; Литература, 2000. Т. 1. С. 243–306.
- ⁶ См.: *Лабутина Т. Л.* Общественно-политические взгляды Джонатана Свифта // *Общественная мысль в контексте истории культуры : сборник в честь Альфреда Энгельбертовича Штекли.* М. : Институт всеобщей истории РАН, 2004. С. 215–237.
- ⁷ *Свифт Д.* Беглый взгляд на положение в Ирландии // Англия в памфлете / пер. с англ. М. : Прогресс, 1987. С. 419.
- ⁸ *Dictionnaire de la Franc-Mazonnnerie publiй sous la direction de D. Ligou.* Paris : Presses Universitaires de France (PUF), 1987. P. 619.
- ⁹ *Barruel A.* Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme : in 4 t. London : Kenning, 1797–1798.
- ¹⁰ *Robinson J.* Proofs of a consriracy. Edinburgh : W. Cresch, 1798. 587 p.
- ¹¹ *Piatigorsky A.* Freemasonry. The Study of a Phenomenon. London : The Harvill Press, 1997. 398 p.